

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею университета

- Галямичев А.Н.** Изучение средневековой истории Германии в Саратовском университете 3

Научный отдел

Всеобщая история

- Игина Ю.Ф.** Возникновение правовой концепции ведовства и институционализация преследований ведьм (Англия 1547–1736 годы) 7
- Киясов С.Е.** Масоны северо-американских колоний накануне войны за независимость 20
- Креленко Н.С.** «История английской республики» Уильяма Годвина 23
- Шенин С.Ю.** «Российский проект» Гарварда: от триумфа к позору 27

Отечественная история

- Рабинович Я.Н.** Порхов на завершающем этапе Смутного времени (1615–1618 годы) 34
- Плешаков И.Н.** Военный постой в Поволжье в конце XVIII в.: Ростовский карабинерный полк в Саратовской губернии (1792–1794 гг.) 43
- Варфоломеев Ю.В.** Присяжный поверенный А.А. Токарский. («На его руках Чернышевский и умер...») 55
- Галямичева А.А.** Издательская деятельность Г.П. Федотова в годы эмиграции 61
- Михель Д.В.** Общественное здоровье и холерный вибрион: Российская империя, медицина и бактериология начала XX века перед угрозой холеры 64
- Панга Е.В.** Финансово-кредитные мероприятия советских властных структур в отношении нэпманов (1921–1928) в центре и на местах 75
- Тюрин В.И.** Концепция национальной безопасности Российской Федерации и проблемы формирования инновационного общества в России 81

Историография, методы интерпретации источников

- Ерохин В.Н.** Экономическое положение епископата в церкви Англии в XVI – начале XVII века в освещении современной британской историографии 91
- Меньшикова А.А.** Отечественная американистика по вопросам административного реформирования в годы «нового курса» Ф.Д. Рузвельта 99
- Хасин В.В.** Роль текстов свидетельских показаний в формировании сценариев «ритуальных» процессов в Российской империи в XIX веке 103

Критика и библиография

Представляем книгу

- Галямичев А.Н.** Рецензия на кн.: Никулина Т.С. Средневековый Любек 110
- Кочукова О.В.** Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева 112

Приложения

- Хроника** 116

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Белов Владимир Николаевич
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Данилов Виктор Николаевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Зимняков Дмитрий Александрович
Кабанин Вячеслав Кузьмич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Худяков Глеб Иванович
Чумаченко Алексей Николаевич
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Герман Аркадий Адольфович

Чернова Лариса Николаевна

Ответственный секретарь

Золотавина Татьяна Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
Девятайкина Нина Ивановна
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Мирзеханов Велихан Салманханович
Мосолкина Татьяна Валентиновна
Парфенов Виктор Николаевич
Черевичко Татьяна Викторовна

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подлисы печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Крылова Елена Борисовна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 15.12.08.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (14,75).

Уч.-изд. л. 13,25.

Тираж 500 экз. Заказ 133.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2008

CONTENTS

To Anniversary of University

- Galyaichev A.N.** Study of German History in the Middle Age in the Saratov University 3

Scientific Part

World History

- Igina Yu.F.** Genesis of Law Concept on Witchcraft and Legalization of Witch-Hunt (England, 1547–1736) 7
- Kiyasov S.E.** The Masons of North-American Colonies before the War for Independence 20
- Krenenko N.S.** «History of the Commonwealth of England» of William Godwin 23
- Shenin S.Yu.** The Harvard's «Russian Project»: from Triumph to Disgrace 27

Russian History

- Rabinovich Y.N.** Porhov on the Last Stage of the Time of Troubles (1615–1618) 34
- Pleshakov I.N.** Quartering in the Volga Region in the End of XVIII Century. Rostov Mounted Regiment in Saratov Region (1792–1794) 43
- Varfolomeev Yu.V.** The Juror Confidant A.A. Tokarskiy. («On his Hands Chernyshevskiy is Dead») 55
- Galyamicheva A.A.** Publishing Activity of G.P. Fedotov during the Period of Emigration 61
- Mikhel D.V.** Public Health and the Cholera Vibrio: Russian Empire, Medicine and Bacteriology of Early XX Century in the Face of Cholera Danger 64
- Panga E.V.** Soviet Administration and its Financial and Credit Policy Toward Privat Enterprises in 1921–1928 in the Center and Regions 75
- Tyurin V.I.** The Conception of National Security of Russian Federation and Problems of Forming Russian Innovative Society 81

Historiography and Methodology of Research

- Yerokhin V.N.** Contemporary British Historiography on the Economic Status of Bishops of the Church of England in 16th – Early 17th Centuries 91
- Menshikova A.A.** Russian Researchers is Consider Reorganization of the Executive Branch in Years of Roosevelt's «New Deal» 99
- Khasin V.V.** The Role of Testimony's Texts in the Forming of Scenarios of Ritual Processes in Russian Empire in XIX Century 103

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Galyamichev A.N.** Review: Nikulina T.S. Lubek during the Middle Ages. 110
- Kochukova O.V.** Review: Konstantin Petrovich Pobedonostsev: a Philosopher, a Scientist, a Man: The Materials of the International Scientific Anniversary Conference Dedicated to 180 Years since Pobedonostsev's Birthday and 100 Years since 112

Appendices

- Chronicle** 116

К ЮБИЛЕЮ УНИВЕРСИТЕТА

УДК [930.1(09):9(430)*10/15*] (470/44–25)

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: sar-sredvek@mail.ru

В статье¹, которая продолжает цикл публикаций автора по истории медиевистики в Саратовском университете, рассматривается вклад саратовских историков в изучение истории Германии в средние века и в эпоху Реформации. Работа построена как на опубликованных материалах, так и на личных воспоминаниях, поскольку автору довелось быть лично знакомым со всеми исследователями, работы которых анализируются или упоминаются в статье. **Ключевые слова:** история Германии, реформация, Средние века, историческая наука, Саратовский университет.

Study of German History in the Middle Age in the Saratov University

A.N. Galyaichev

The author of this article study a teaching of middle ages history in the Saratov University. This article consider a merit of saratov's historians in the investigation of German history in the middle age. The author use in his work a publish material and his personal remembrances, because he was in contact with everybody of historians-germanists in Saratov University.

Key words: German history, reformation, middle ages, historical science, Saratov university.

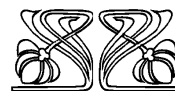
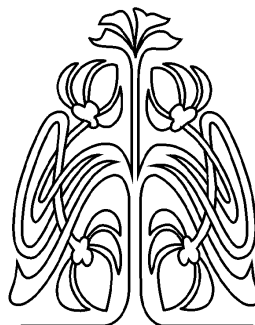
Начало научного изучения истории германского средневековья в Саратовском университете относится к рубежу 40-х и 50-х гг. прошлого века, то есть к тому времени, когда медиевистика в старейшем из вузов Саратова имела за плечами, по меньшей мере, тридцатилетнюю традицию.

Это относительное запоздание в значительной мере объясняется сложившейся в отечественной историографии ещё во второй половине XIX в. ситуацией: вопросы истории немецкого средневековья привлекали внимание русских медиевистов в гораздо меньшей степени, чем проблематика средневековой истории других стран Западной Европы (Англии, Франции, Италии, государств Пиренейского полуострова).

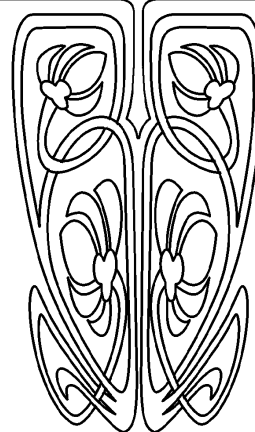
Причиной тому была прежде всего необычайная интенсивность научных исследований самих немецких историков XIX столетия, которые не только самым тщательным, если не сказать образцовым образом, изучали вопросы собственной национальной истории (не оставив материала для работ зарубежных авторов), но и создали целый ряд классических трудов по средневековой истории других стран.

Учёные, стоявшие у истоков изучения и преподавания истории средних веков в Саратовском университете (Г.П. Федотов, А.С. Бартечев, С.М. Пумпянский), являлись воспитанниками Петербургского (Ленинградского) университета, питомцами знаменитой школы медиевистов, которая была создана ещё в начале XX в. трудами профессора И.М. Гревса. Их интересы, как и интересы большинства медиевистов Северной столицы в тот период, были обращены к истории Франции, что было обусловлено в первую очередь наличием превосходного собрания отдела рукописей Публичной библиотеки.

Казалось бы, Саратов обладал существенным преимуществом перед другими университетскими городами России с точки зрения усло-

К ЮБИЛЕЮ
УНИВЕРСИТЕТА

вий развёртывания историко-германистических исследований: ведь в ближайшем соседстве со «столицей Поволжья» по обоим берегам Волги находились многочисленные, крупнейшие в нашей стране поселения немецких колонистов. Однако этому фактору не суждено было сыграть сколько-нибудь значительной роли в судьбах исторической германистики в СГУ. С одной стороны, в дореволюционное время Саратовское Поволжье не имело собственных центров высшего гуманитарного образования, а немецкие колонии не отличались при этом более высоким уровнем развития образования сравнительно с русским населением края. После же создания Автономной республики немцев Поволжья, а вместе с ней – высших учебных заведений, призванных обеспечивать потребности республики в собственных кадрах, возник серьёзный административный барьер на пути активного вовлечения выходцев из немецких колоний Поволжья в академическую жизнь Саратовского университета.

Депортация немецкого населения из Нижнего Поволжья во время Великой Отечественной войны свела фактор соседства Немреспублики на нет. И всё же именно в первые послевоенные годы Саратовский университет стал постепенно приобретать статус одного из центров изучения истории средневековой Германии в нашей стране.

Этот поворот был связан прежде всего с возвращением к научно-педагогической деятельности В.А. Ермолаева. Ещё до войны он поступил в аспирантуру при кафедре истории средних веков СГУ и под руководством А.С. Бартенева начал работу над кандидатской диссертацией по проблеме становления феодальных отношений на Юге Италии.

Великая Отечественная война круто изменила судьбу молодого учёного (в личном деле аспиранта В.А. Ермолаева мне удалось обнаружить копию приказа о его научной командировке в библиотеки Ленинграда с 23 июня 1941 г.). В.А. Ермолаев был призван в ряды РККА 26 июня 1941 г. и начал войну в должности командира стрелкового взвода в составе войск Западного фронта, был дважды ранен в боях за Родину. После первого ранения и учёбы в Ставропольском военном институте иностранных языков он стал военным переводчиком, а в послевоенные годы продолжал службу в Советской военной администрации Германии, являясь референтом 7-го отдела Политуправления по вопросам связей с религиозными организациями. Во время службы в Германии В.А. Ермолаев имел возможность близко познакомиться с видными деятелями протестантской церкви, её ролью в духовной жизни немецкого народа. Под влиянием приобретённого опыта он задумался о необходимости глубокого осмысления германской Реформации как одного из узловых моментов всемирной истории, во многом перекликающегося с драматическими событиями XX столетия в России и мире.

В 1950 г. В.А. Ермолаеву удалось добиться демобилизации и восстановления в аспирантуре Саратовского университета, где он стал работать над новой темой кандидатской диссертации – «Немецкий город в Крестьянской войне 1525 года». Научным руководителем В.А. Ермолаева благодаря товарищеской помощи С.М. Стама и С.Д. Сказкина стал известный специалист по истории Германии, профессор МГУ М.М. Смирин.

Блестящее знание немецкого языка и немецкой культуры, уникальная для нашей страны библиотека по истории Германии эпохи Реформации, которая была собрана В.А. Ермолаевым во время его службы в Германии, безупречная организованность и редкий талант историка-исследователя позволили ему в течение двух лет подготовить текст кандидатской диссертации, успешно защищённой в марте 1953 г. в Московском университете.

Став преподавателем исторического факультета СГУ с 1 сентября 1956 г., В.А. Ермолаев выступил с рядом интереснейших научных публикаций, которые вышли за рамки темы его кандидатской диссертации и прочно вошли в «золотой фонд» отечественной исторической германистики.

В этой связи следует прежде всего отметить вышедшую со скромным подзаголовком «учебное пособие» книгу «Революционное движение в Германии перед Реформацией»², в которой впервые не только в российской, но и в мировой науке предметом специального рассмотрения стала череда народных движений, которые потрясли немецкие земли с конца гуситских войн до кануна Реформации.

Не меньшее, а, возможно, даже большее научное значение имела подготовленная В.А. Ермолаевым серия публикаций источников по предистории и истории Крестьянской войны 1525 года³. Русский читатель обрёл благодаря труду саратовского историка обширный корпус документов, составленных на исключительно сложном для понимания и перевода языке немецких грамот и хроник XV – начала XVI в., проникновение в суть которого даётся (да и то – далеко не всем) только в результате многолетнего напряжённого труда, вживания в самый дух породившей их эпохи.

Можно только сожалеть, что активная научно-педагогическая деятельность В.А. Ермолаева прекратилась в 1971 г., после его выхода на пенсию в установленный трудовым законодательством срок. Самое главное состоит при этом даже не в его личном отходе от участия в научной жизни университета и издании трудов (последнее было с лихвой компенсировано опубликованием в 1986 г. великолепной монографии «Гейльброннская программа»⁴).

Главное заключалось в том, что В.А. Ермолаев прекратил научно-педагогическую деятельность, не оставив учеников, которые могли бы продолжить традицию изучения германской истории эпохи Реформации в СГУ. Это тем более обидно,

что он, по всеобщему признанию, являлся исключительно вдумчивым, тактичным и остроумным научным руководителем. Наибольших успехов на ниве научного творчества из числа его непосредственных учеников-дипломников добился доктор исторических наук, профессор и декан исторического факультета СГУ (1973–1980), а затем профессор (с 1980 г.) Высшей комсомольской школы и Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, видный специалист по социально-политической истории России первых десятилетий XX в. Г.А. Герасименко. Последний с неизменной теплотой вспоминал об уроках исследовательского мастерства, которые он получил под руководством В.А. Ермолаева, как и свою первую научную публикацию о развитии раннекапиталистических отношений в горнодобывающей промышленности предреформационной Германии, опубликованной на страницах сборника студенческих научных работ⁵.

Германистическая тематика присутствовала также в круге научных интересов С.М. Стама, выпускника аспирантуры МГУ, который возглавлял кафедру истории средних веков Саратовского университета с 1949 до 1991 г. и по преимуществу занимался проблематикой средневековой истории Франции и Италии (в последнем случае – главным образом культуры эпохи Возрождения).

В 1950-е гг. он руководил спецсеминаром и читал специальные курсы по истории Германии эпохи Реформации, принимал активное участие в дискуссии о природе Реформации, которая развернулась во второй половине 50-х гг. на страницах журнала «Вопросы истории» (статья С.М. Стама вышла под остродискуссионным названием: «Чем же в действительности являлась Реформация в Германии?»⁶). Но роль С.М. Стама в истории изучения германского средневековья в СГУ определяется прежде всего подготовкой под его руководством серии кандидатских диссертаций по истории средневековых городов Германии в русле разработанной им оригинальной концепции экономического и социального развития средневекового города.

Первой в этом ряду стоит работа Т.М. Негуляевой об эволюции поземельных отношений в средневековом Страсбурге, затем последовали диссертации Т.С. Никулиной о социально-политической истории Любека в период Реформации и Л.И. Солодковой о социально-экономическом развитии и освободительной борьбе горожан против епископа в Кёльне XI – XIII вв.⁷

Наиболее значительным достижением саратовских медиевистов на этом поприще является, на мой взгляд, публикация подготовленного Т.М. Негуляевой сборника текстов «Средневековое городское право XII – XIII веков»⁸, который представляет собой обширный свод памятников немецкого городского права, абсолютное большинство которых было впервые опубликовано

в переводе на русский язык со средневековой латыни.

К германистическому направлению примыкают широко известные в нашей стране работы профессора кафедры истории средних веков СГУ А.И. Озолина, в судьбе которого сказала-таки своё слово немецкая колонизация Саратовского края. Историк происходил из лютеранской семьи (его отец был латышом, а мать – немкой, уроженкой Саратовского края). Самый интерес А.И. Озолина к истории гуситского движения, изучению которого он посвятил всю свою жизнь вопреки встававшим на этом пути трудностям (он был самоучкой, не прошедшим школу столичных университетов и имевшим возможность лишь эпизодически работать в крупнейших библиотеках нашей страны), был во многом связан с лютеранскими традициями семьи (будущий историк был крещён в лютеранско-евангелическом соборе города Саратова).

История гуситского движения связана с историей Германии неразрывными нитями и в известной степени является её составной частью. Наши представления о гуситской эпохе во многом строятся на материалах источников немецкого происхождения, и поэтому многочисленные труды А.И. Озолина по истории гуситов могут рассматриваться в качестве историко-германистических⁹, не говоря о тех его статьях, которые специально посвящены отдельным аспектам германо-чешских отношений гуситской эпохи¹⁰.

До некоторой степени причастны к германистике и научные труды автора этих строк, опубликованного к настоящему времени две монографии – «Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиевистики второй половины XIX века»¹¹ и «Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X – начала XIII века)»¹². Во второй монографии, но в гораздо большей степени в опубликованных в последнее десятилетие статьях рассматривается вопрос о роли немецкой колонизации XIII в. в судьбах средневековой Чехии, прежде всего о её влиянии на развитие городов.

Отдельные аспекты истории германо-чешских отношений, в частности, культурных связей между двумя странами, рассматриваются в защищённых в последние годы кандидатских диссертациях аспирантов кафедры – А.П. Пашинина о роли шляхты в гуситском движении¹³ и Е.Н. Многолетней о ранней истории книгопечатания в чешских землях¹⁴.

Завершая наш краткий обзор, нельзя не высказать определённую тревогу относительно будущего исторической германистики на кафедре истории средних веков Саратовского университета.

К сожалению, несмотря на отмеченные достижения, на кафедре так и не сложилось вполне самостоятельное и самоценное направление научных исследований в области германистики с

собственной структурообразующей проблематикой, преемственностью методологии и методики трудов учёных разных поколений, научной школы в собственном смысле слова.

Причины этого следует искать, с одной стороны, в субъективном факторе: никто из специалистов по истории Германии не имел возможности руководить подготовкой кандидатских диссертаций (каждый из них в лучшем случае руководил 1–2 аспирантами на всём протяжении своей работы на кафедре). С другой стороны, вытеснение немецкого языка из нашей средней школы объективно препятствует обращению к изучению истории Германии нового поколения российских историков.

Мне довелось быть причастным к одной из попыток частичного решения этой проблемы, когда на базе гимназии № 2 города Саратова был создан класс с углубленным изучением немецкого языка, истории и культуры. В течение двух лет (1992–1993 гг.) я преподавал спецкурсы по средневековой истории и исторической географии Германии, а также составил подробную программу курса изучения истории Германии с древнейших времён до наших дней российскими школьниками.

К сожалению, этот опыт не получил – насколько мне известно – дальнейшего развития и практического применения, хотя изучение немецкого языка, истории и культуры немецкого народа представляется важной задачей нашего гуманитарного образования.

Примечания

- 1 Настоящая статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором 9 ноября 2007 г. на международной научной конференции «Изучение истории России в Германии и истории Германии в России», проходившей в Волгоградском государственном университете.
- 2 Саратов, 1966.
- 3 Крестьянское движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1961; Крестьянская война 1525 года во Франконии. Саратов, 1968–1969. Вып. 1–2.
- 4 См.: *Ермолаев В.А.* Гейльброннская программа. Программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986.
- 5 См.: *Герасименко Г.А.* Формирование капиталистических отношений в горном деле средневековой Германии // Сборник научных работ студентов Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1962. С. 22–28.
- 6 *Стам С.М.* Чем же в действительности была Реформация в Германии? // Вопросы истории. 1958. № 4. С. 100–113.
- 7 См.: *Негуляева Т.М.* Эволюция поземельных отношений в средневековом городе (на материалах Страсбурга XI–XIV вв.). Саратов, 1968; *Никулина Т.С.* Социально-экономическое развитие Любека во второй половине XV – первой половине XVI в. и движение Вулленвевера. Саратов, 1982; *Солодкова Л.И.* Социально-экономическое развитие Кёльна и антсеньориальная борьба кёльнских горожан в XI–XIII веках. Саратов, 1987.
- 8 См.: Средневековое городское право XII–XIII веков: Сб. текстов / Пер. с лат.; Вступит. ст. и коммент. Т.М. Негуляевой. Саратов, 1989.
- 9 Центральное место среди них занимают две монографии: *Озолин А.И.* Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962; *Он же.* Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Социально-политические требования. Саратов, 1973.
- 10 См.: *Озолин А.И.* Князья и прелаты Германии в борьбе с гусизмом // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 174–181; *Он же.* Князья и прелаты Германии в борьбе с гуситским движением // Славянский сборник. Саратов, 1985. Вып. 3. С. 127–142; *Он же.* Города и развитие чешско-германских связей в XIV – начале XV в. // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 98–105.
- 11 Саратов, 1988.
- 12 Саратов, 1995.
- 13 См.: *Пашинин А.П.* Шляхта в гуситском революционном движении. Саратов, 2006.
- 14 См.: *Многолетняя Е.Н.* Ранний период истории чешского книгопечатания. Опыт комплексного социокультурного анализа. Саратов, 2002.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 63.3(Вел)511

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЕДОВСТВА И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ВЕДЬМ (АНГЛИЯ 1547–1736 годы)

Ю.Ф. Игина

Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: wwwitch@bk.ru

В центре внимания автора данной статьи лежат правовой и институциональный аспекты ведовства, отражающие специфику восприятия средневековым обществом и государством ведовства как уголовного преступления. Понятие ведовства как особого преступления со своей особой виной и наказанием прошло долгую эволюцию в английском законодательстве. Эта эволюция была непосредственно связана с развитием демонологической теории и судебной практики. Антиведовские акты тюдоровского и стюартовского времени базировались на представлении о реальности ведовства и наносимого им вреда и устанавливали наказания за ведовские практики. Отменявший их акт 1736 г. объявлял ведовство обманом, совершавшимся теми, кто верил и убеждал других в эффективности магии, и ведовское преступление трактовалось теперь как шарлатанство или мошенничество. На «закате» «охоты на ведьм» формулируется новая юридическая трактовка ведовства, вошедшая в нашу современность.

Ключевые слова: правовой аспект ведовства, институционализация преследования ведьм, ведовство как уголовное преступление, демонологическая теория и судебная практика, Антиведовские акты, тюдоровское и стюартовское время.

Genesis of Law Concept on Witchcraft and Legalization of Witch-Hunt (England, 1547–1736)

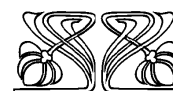
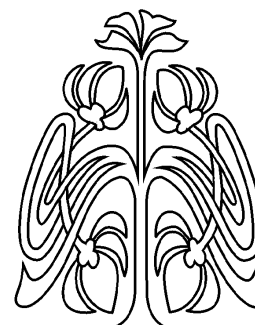
Yu.F. Igina

The focus of this article is the legal aspect of Witchcraft which reflected Perception of Witchcraft as specific kind of Crime by medieval Society and State. The Conception of Witchcraft as a specific Crime, Guilt and Punishment has undergone long Evolution in the English Legislation. This Evolution is directly linked to the Development of Demonological Theory and Judicial Practice. The Anti-Witchcraft Acts of the Tudors and the Stuarts were raised from an Idea of a Reality of Witchcraft and Damage does it and established number of Punishments for Witchcraft Actions. The Repealed Act 1736 classified Witchcraft Phenomena as a Delusion dispersed by those who trusted and convinced the others into Reality of Magic. During the "Witch-Hunt" Era two different Juridical Witchcraft Conceptions were formulated in England, but either considered Witchcraft Phenomena as a Crime against Social Community.

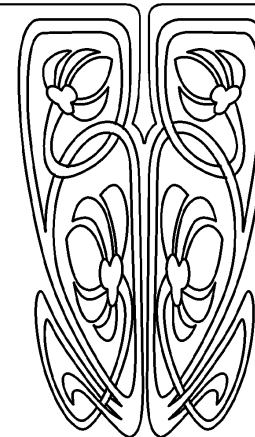
Key words: the legal aspect of Witchcraft, legalization of Witch-Hunt, Witchcraft as specific kind of Crime, the demonological theory and judicial practice, The Anti-Witchcraft Acts, the Tudors and the Stuarts.

Стремление власти контролировать народные колдовские практики уходит своими корнями в раннее Средневековье. В Англии первые королевские законы против колдовства относятся еще к англосаксонскому периоду. Однако появление этих законов, как признают исследователи, было обусловлено скорее королевской политикой по христианизации населения и искоренению языческих суеверий и практик среди народа, чем изолированным наступлением на колдовство как таковое¹.

Начиная с XII в., под влиянием нормандской традиции, колдовские практики стали рассматриваться в системе общего права как действия, содержащие угрозу для человека и его имущества. Согласно этой трак-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

товке, колдовские действия оценивались и наказывались лишь по тому конкретному ущербу, который они приносили конкретным людям. Другими словами, именно в это время в английском общем праве возникло понятие «*maleficium*» (злодеяние), ставшее нормой для интерпретации колдовства. В соответствии с ним любой обвиненный в убийстве посредством *maleficia* мог быть передан в руки семьи жертвы для наказания². Исследователи считают, что до второй половины XVII в. расправы толпы иногда могли быть правомерными исходя из этих оснований³.

Вплоть до середины XVI в. особого внимания со стороны королевской или церковной власти по отношению к колдовству не зафиксировано: последнее продолжало интерпретироваться в рамках сложившейся ранее традиции. В качестве вредоносного действия колдовство оставалось в правовой сфере и продолжало трактоваться светской властью в рамках системы общего права. Церковь же, в лице духовных судов, рассматривала все те случаи колдовства, которые не содержали в себе вредоносного действия и не влекли за собой пагубных последствий. К таковым относились разного рода прогностические практики, любовная магия, поиск кладов, целительство и т.д.⁴, которые квалифицировались церковью как моральные преступления, на которые налагалась епитимья или заменявший ее денежный штраф⁵. Так, по материалам духовных судов, опубликованных в 1847 г. У. Хейлом, в лондонском диоцезе в период с 1475 по 1640 гг. было рассмотрено 24 преступления, так или иначе соотнесенных с колдовством или ведовством⁶. Однако ни одно из этих дел не имело отношения ни к убийству человека или животного с помощью колдовства, ни к причинению им какого-либо вреда, то есть они не относились к тем преступлениям, которые интерпретировались как *maleficium* и находились в компетенции светских судов. Учитывая, что 8 из 24 дел относятся к периоду 1566–1640 гг., можно говорить о том, что моральная интерпретация колдовства продолжала оставаться в правовом сознании и в период «охоты на ведьм».

С середины XVI в. в английской истории наступает новый период, известный как «охота на ведьм». Причины возникновения такого феномена в Англии именно в это время, равно как и причины появления «охоты на ведьм» в истории Западной Европы, представляют собой в исторической науке самостоятельную проблему, требующую специального изучения и привлечения дополнительных источников, и поэтому находятся за рамками настоящего исследования⁷. Тем не менее совершенно очевидно, что непосредственное влияние на возникновение ведовства в Англии оказала ведьмоания, начавшаяся в государствах континентальной Европы веком раньше⁸. Именно благодаря континентальной традиции в Англии и возникло концепт-явление «ведовство»⁹ (условно понимаемое в тот период как вредоносное колдов-

ство ведьм, совершаемое последними с помощью дьявола), получившее, однако, собственную английскую интерпретацию.

Появление непосредственного интереса к проблеме ведовства и ведьм со стороны власти в этот период зафиксировано в ряде юридических документов – актах и биллях, принятых в Англии в период в 1542–1736 гг.¹⁰ С их помощью государство четко квалифицировало ведовство и конкретные человеческие действия, которые должны были определяться как ведовские и противозаконные, вписало ведовство в существующую правовую традицию и практику и инициировало преследование ведовства, признав последнее общественно опасным преступлением, требующим государственного вмешательства и регулирования. Чтобы лучше понять смысл и значение этого шага, необходимо остановиться на указанных источниках более подробно.

Всего в истории английского права в указанный период насчитывается пять правовых актов, имеющих отношение к ведовству¹¹. К ним относятся: антиведовской билль XXXIII Hen. VIII (1542 г.); билль I Ed. VI (1547 г.), отменивший предыдущий билль; антиведовской акт IV Eliz. I (1562 г.); антиведовской акт II Jam. I (1604 г.); и, наконец, акт LIII Geor. II (1736 г.), окончательно отменивший все антиведовские акты и упразднивший официальные преследования ведьм в Англии¹². Следует обратить внимание на то обстоятельство, что все пять документов имеют один из двух (а вообще из трех) видов и правовых статусов: первые два – *билли* (законы, внесенные в парламент королем, но не одобренные парламентом), остальные три – *акты* (законы, принятые парламентом единолично). *Статуты* (законов, принятых парламентом, подписанных королем и обладающих высшей юридической силой) среди них нет. Учитывая, что имеющиеся источники не позволяют выяснить детали и обстоятельства принятия документов, говорить с уверенностью о том, почему были приняты те, а не иные виды правовых актов в отношении ведьм, пока невозможно. Однако некоторые размышления относительно специфики механизма законодательного оформления преследований ведьм здесь все же уместны. Вполне очевидно, что законодательная инициатива преследования ведьм в Англии принадлежала первоначально монарху в лице Генриха VIII, то есть, другими словами, короне. Однако затем, при следующих правителях она по каким-то причинам перешла к парламенту – выразителю интересов общества в лице его элиты. Тем не менее, говорить в этой связи о незаинтересованности и непричастности английских монархов к законодательному оформлению преследований ведьм преждевременно. Известно, что в 1559 г. королевой Елизаветой I принималась попытка принятия билля против ведовства, однако она провалилась¹³. Король Яков I также был знаменит своим личным интересом к

вопросу о ведьмах: он не только написал ставший впоследствии авторитетным труд по демонологии, но и считал себя жертвой козней ведьм, а, кроме того, лично принимал участие в некоторых судах над ведьмами¹⁴. В связи с этим рискну предположить, что позиции короны и общества в вопросе преследования ведьм последовательно совпали: импульс, посланный короной, нашел со временем отклик в обществе и был должным образом оформлен парламентом в законах против ведьм. Переход же законодательной инициативы из рук монархов к парламенту мог быть обусловлен, с одной стороны, вполне понятной в условиях непростой социально-политической и религиозной обстановки эпохи (Елизаветы I и Якова I) осторожностью монархов, предоставивших принятие решения обществу и парламенту. С другой стороны, также вполне резонным расчетом на то, что такой шаг обеспечит большую эффективность практической реализации закона.

Дело в том, что заниматься поимкой и преследованием ведьм в государстве предстояло в первую очередь местной администрации¹⁵ и для воплощения в жизнь антиведовских законов короне обязательно требовалась поддержка и содействие последней. Известно, что Тюдоры и особенно королева Елизавета I и ее правительство придавали большое значение этому вопросу. Причем не последнее место в арсенале средств по воздействию на местную администрацию занимала пропаганда. Как отмечает в специально посвященном этой проблеме исследовании А.А. Бельцер, королева и ее Совет часто предпринимали прямые послания мировым судьям на вошедших в обычай собраниях мировых судей в Звездной палате. Именно там они получали специальный наказ от королевы. Еще одним местом, где можно было обратиться к большой аудитории, был парламент. Там, акцентируя внимание на недостатках местного управления, королева и правительство подчеркивали свою заботу о подданных, свое внимание к их нуждам. А затем правительство старалось создать иллюзию единения интересов правительства и общества. Ведь, как подчеркивает А.А. Бельцер, «обращаясь к Палате общин и Палате лордов, правительство говорило с теми, кто заседал, будет заседать или заседает в мировой комиссии, служил шерифом, то есть непосредственно участвует в управлении провинцией»¹⁶. Другими словами, корона, понимая роль местного управления в реализации своей политики, не могла не искать способы сделать представителей местной администрации своими агентами. Насколько эффективно эта стратегия работала именно в отношении вопроса о ведьмах можно судить по настроению мировых судей на процессе 1582 г. В зафиксированном памфлетистом обращении одного из них к обвиняемой можно различить тенденции к пониманию гонений на ведьм как возложен-

ной на судей особой миссии: «Елизавета, если ты хочешь получить снисхождение, сознайся. Ибо человек, обладающий большими знаниями и весьма искусный, посещал недавно ее Королевское Величество и проинформировал ее о сообществе и количестве Ведьм, обитающих в Англии. Поэтому я и другие ее Судьи получили указание задержать столько ведьм, сколько существует внутри наших границ, и они должны признать правду, касающуюся их деяний, чтобы получить снисхождение. Другие же будут сожжены и повешены»¹⁷. Судя по всему, мировые судьи и другие местные чиновники могли оказываться вполне восприимчивыми к импульсам, искусно посылаемым обществу короной. Так или иначе, принимая во внимание количество принятых законов против ведьм, можно с уверенностью констатировать следующее: в период с середины XVI – первой половины XVIII в. английская монархия уделила большое внимание правовой стороне вопроса ведьм и ведовства. В этом смысле эпоха ведьмомании в Англии была гораздо насыщеннее, чем на Континенте.

Первый в Англии принятый Генрихом VIII в 1542 г. антиведовской билль носит название «Билль против Заклинаний, Ведовства, Колдовства и Волшебства»¹⁸. Несмотря на то что билль ставит ведовство в один ряд с другими магическими практиками, все же нужно отметить важный момент появления этого термина в английском правовом тексте. В первой части этого документа перечисляются виды колдовской деятельности, обозначенной там как «противозаконная» и «преступная»: «Те, кто противозаконно вынашивают коварные замыслы и занимаются 1) вызыванием (Invocations) и заклинанием (Conjurations) духов, получая с помощью подобных средств знания для своей собственной выгоды о скрытых сокровищах из золота и серебра, которые могли бы или могут быть найдены в земле или других потайных местах; 2) используют и занимаются ведовством (Witchcrafts), волшебством (Enchantments) и колдовством (Sorceries) ради причинения ущерба соседям и их собственности; 3) для своих нечестивых целей изготавливают или заставляют изготавливать подобы или изображения мужчин, женщин, детей, ангелов или дьяволов, зверей или птиц; 4) изготавливают короны, скипетры, сабли, кольца, стекла и другие вещи, с верой в подобные фантастические приспособления, 5) раскапывают и вынимают кресты в пределах королевства и посредством их заявляют о том, где могло бы находиться потерянное или украденное. Все названное не может рассматриваться иначе, как тяжкое преступление ...»¹⁹.

Следует обратить внимание на то, что билль запрещает не «заклинания, колдовство, чародейство и магию» как таковые, а совершенно конкретные целенаправленные действия, связанные с ними:

1) «получить или разыскать деньги или сокровища»;

2) «разорить, уничтожить или испортить кого-либо или его близких, или имущество»;

3) «подстрекать кого-либо к противоестественной любви с нечистыми или непристойными намерениями»;

4) «для поругания Христа или извлечения выгоды вырывать или выдергивать кресты, или посредством вызывания и заклинания духов, колдовства, магии или чародейства узнавать, где скрыто потерянное или украденное»²⁰.

Другими словами, билль признает четыре вида преступного использования колдовства

1. Поиск кладов посредством вызывания духов и получения от них знания о месторасположении сокровищ²¹.

2. Причинение вреда или смерти людям и ущербу их скоту и имуществу с помощью колдовства²². Эта формула и есть в строгом смысле первоначальное определение *maleficium*, хотя сам термин не встречается в тексте билля. Будучи широко известным и распространенным в континентальной практике «охоты на ведьм», благодаря преимущественно «Молоту ведьм»²³, этот термин был известен как английским судьям, так и теоретикам ведовства, а также использовался в повседневной судебной практике. Кроме того, вредоносное колдовство составляло в юридическом отношении суть ведовства и, насколько можно судить по материалам английских памфлетов и специальным исследованиям, было наиболее частым основанием для обвинения в английских ведовских процессах²⁴.

3. Изготовление магических фигурок людей, животных и проч.²⁵ Этот вид колдовства мог использоваться с разными целями: от любовного приворота до убийства, однако как следует из второй части билля, в данном случае закон подразумевает исключительно любовную магию²⁶.

4. Изготовление магических предметов и выкапывание крестов с кладбищ в целях нахождения потерянных или украденных предметов²⁷.

Итак, несмотря на содержательное различие перечисленных видов преступного использования колдовства, их объединяет общий признак. Во всех четырех случаях речь идет о причинении вреда кому-то или чему-то, что наиболее очевидно из параграфа билля, в котором говорится о «причинении вреда или смерти людям и ущербу их скоту и имуществу». При этом поиск кладов мог нанести ущерб королевской казне, так как те, кто ищет клады, делают это «для своей собственной выгоды». Любовные привороты, как известно, часто использовались в распутных целях и внебрачных связях, которые также осуждались христианской моралью. Известно, что они могли иметь и непредсказуемые для здоровья объекта приворота последствия. Любовная магия наносила моральный вред конкретным людям, вроде обманутых супругов,

и шла вразрез с социальными нормами, связанными с понятием чести и бесчестья. Ведьмы, осуществлявшие такого рода посредничество, исполняли роль сводни или ее пособников, что было преступлением против общественного порядка. Что же касается выкапывания крестов для колдовских ритуалов, то такого рода действия до сих пор квалифицируются как осквернение священных символов, святотатство. Уолтер Скот связывал введение данного параграфа билля преимущественно с межконфессиональной борьбой в Англии и комментировал положение статута 1542 г. о запрете разрушения крестов следующим образом: «Статут о разрушении крестов был, очевидно, задуман, дабы унять пыл реформаторов, которые в Англии, как и всюду, жаждали повсеместно «выкорчевать» папистов. Этот последний статут отменили в первый год правления Эдуарда VI, может быть, как создающий ненужные ограничения усердию добрых протестантов в борьбе против идолопоклонничества»²⁸.

Так или иначе, указанные выше колдовские деяния – все без исключения – наносили явный или скрытый вред обществу и ущерб отдельным его членам и были направлены против общественного блага, спокойствия и порядка. В отличие от континентальной практики, ведовство в Англии трактовалось преимущественно как антисоциальное преступление, а не ересь. Отмечая этот момент, английский историк XIX в. Т. Райт писал, что «самые масштабные преследования в Англии проходили под лозунгом общественного блага»²⁹. Однако важно еще раз отметить, что билль 1542 г. устанавливал наказание³⁰ только за те колдовские действия, которые влекли за собой конкретный ущерб, а не за колдовскую практику вообще. Тем самым институционализация преследований ведьм в Англии развивалась по пути уголовной юстиции, пути, заложенном по отношению к колдовским практикам еще в XII в. нормандской правовой традицией. Именно благодаря этому обстоятельству ведовство в Англии было квалифицировано как уголовное преступление (*Felony*) и, в отличие от континентальной Европы³¹, было сразу вписано в светское правовое поле.

Весьма любопытна в связи с этим формулировка наказания, предусматриваемого законом за перечисленные колдовские преступления, трактуемые как «тяжкое преступление против законов Господа и подданных Его величества»: «... и души таких преступников обречены на бесчестие перед Господом, лишение всех прав и позор в королевстве»³². Обращает на себя внимание тройственное значение устанавливаемого наказания: религиозное («бесчестие перед Господом»), юридическое («лишение всех прав») и моральное³³ («позор в королевстве»). Как и любое другое антисоциальное преступление, ведовство было противно евангельским прин-

ципам христианского общества и обременено религиозным и морально-нравственным комплексом вины.

Уголовный характер ведовства конкретизируется в тексте билля следующим образом: «...любая попытка совершить вышеуказанное начиная с 1 мая будет объявляться и рассматриваться как уголовное преступление (Felony). Любое лицо или лица, совершившие вышеуказанное, их наставники, соучастники и поставщики будут объявляться и рассматриваться как уголовные преступники (Felons). В соответствии с данным актом названные преступники или преступник должны быть осуждены по закону на смерть и конфискацию имущества, движимого и недвижимого, земель и всего состояния, как и иные преступники, на основании общих законов королевства, с лишением права убежища в храме и церковного погребения»³⁴. Ведовство приравнивается здесь ко всем остальным уголовным преступлениям и не выделяется как исключительное преступление (*crimen exepturn*).

Итак, билль Генриха VIII положил начало новому правовому пониманию, в соответствии с которым ведовство трактовалось как уголовное преступление. Однако билль просуществовал всего 5 лет и был отменен актом 1547 г.³⁵, по принятому в историографии мнению, «главным образом, как проявляющее действие перед правительством юного Эдуарда VI, символизирующее новую законодательную программу»³⁶. Взамен этого билля в период правления Эдуарда VI ничего издано не было, и колдовские практики официально не преследовались законом до 1563 г.

Тем не менее в период правления Елизаветы I ведовство опять появилось в сфере внимания государства³⁷. В 1563 г. был издан акт, известный как «Акт против Заклинаний, Волшебства и Ведовства»³⁸. В его преамбуле следующим образом сформулирована цель принятия нового закона: «Поскольку в настоящее время гнусные занятия заклинанием (Conjurations) и вызыванием (Invocation) нечистых духов, колдовством (Sorceries), чарами (Charms), волшебством (Enchantments) и ведовством (Witchcraft) обычно остаются без должного наказания по закону, принятому на 33-й год царствования короля Генриха VIII, который объявлял их преступлением, но отмененном в первый год царствования короля Эдуарда VI, и со времени его отмены многие дьявольские и фантастические личности изобретали и применяли способы заклинания и вызывания злых и проклятых духов и занимались колдовством, чародейством и заговариванием для уничтожения людей, имущества их соседей и окружения и с другими непристойными и богопротивными целями и намерениями, подвергая опасности свои души, к большому бесчестью и беспокойству окружающих»³⁹. Исходя из текста акта, необходимость издания нового антиведовского закона диктовалась

увеличением количества практикующих колдовство и, как следствие, распространением колдовских преступлений. Известно, что одна из вспышек ведовских преследований в Англии приходится как раз на правление Елизаветы. Вместе с тем трудно сказать, увеличилось ли во времена Елизаветы I количество людей, практикующих ведовство, так как мы не можем сравнить этот период с ситуацией во время правления Эдуарда VI и Марии, когда колдовство не преследовалось, однако, несомненно, практиковалось. Вероятнее всего, что во время елизаветинского правления вспышка ведовских преследований произошла по причине издания антиведовского закона, создавшего возможность для официального преследования и наказания ведовства. Необходимость же издания такого закона, вполне возможно, кроется в политике государственного дисциплинирования, спровоцированного, с одной стороны, ведьмоманией на континенте, а с другой – непростой для того времени религиозно-политической ситуацией в английском королевстве.

В отличие от билля 1542 г., определяющего одинаковое наказание для всех, перечисленных в законе преступных колдовских действий, акт 1563 г. классифицирует колдовские преступления по трем степеням тяжести, согласно которым в законе предусматривались три вида наказания. К лицам, совершавшим преступления первой степени тяжести, относились: «...любое лицо или лица, после 1 июня сего года использующие, практикующие и упражняющиеся в любых заклинаниях и вызываниях нечистых и злых духов с любыми намерениями и целями, любое лицо или лица, после указанного дня использующие, практикующие и упражняющиеся в колдовстве, заклинаниях, заговорах и чародействе, при котором кто-либо будет искалечен или убит, а равно и в других подобных попытках вышеуказанного вызывания или заклинания, их сообщники и помощники в колдовстве, заклинаниях и чародействе; а также и лица, практикующие указанные занятия, не приведшие к чьей-либо смерти, их помощники и сообщники в названных занятиях ...»⁴⁰. Перечисленные лица, согласно тексту акта, должны были быть «осуждены и наказаны смертью как уголовные преступники (Felons) с лишением привилегий и права убежища в храме»⁴¹. Иными словами, к преступным колдовским действиям первой степени тяжести, наказываемым по закону смертью, относились три типа колдовских действий:

- 1) вызывание и заклинание духов с любыми целями и намерениями,
- 2) убийство с помощью колдовства,
- 3) покушение на убийство с помощью колдовства.

В двух последних случаях речь идет о явных уголовных преступлениях, которые и без вмешательства колдовства карались смертью. В про-

странной формулировке первой статьи («любое лицо или лица ... использующие, практикующие и упражняющиеся в любых заклинаниях и вызываниях нечистых и злых духов с любыми намерениями и целями») Р.Х. Роббинс усматривает прием, позволивший назвать ее «статьей-ловушкой»⁴², так как она создала правовую основу для вольного истолкования содержания ведовского преступления и, как следствие, разного рода злоупотреблений в судебной и повседневной практике. Очевидно, что данная статья отражает изменение, произошедшее в государственном и общественном восприятии ведовства. В соответствии с ним ведовство перестает трактоваться как преступное деяние исключительно материально-конкретного характера (как ранее в билле 1542 г.), ибо наказание по указанной статье устанавливается не за нанесенный вред и причиненный ущерб, иначе были бы перечислены результаты, к которым вышеуказанные действия могут привести (как в случае с другими статьями), а за сам факт вызывания и заклинания духов, независимо от его цели («с любыми целями и намерениями») и последствий (или даже при отсутствии таковых). Появление этой статьи фиксирует, на наш взгляд, знаменательный поворот английской правовой мысли от признания ведовства как явления, состоящего из реальных фактов нанесения вреда обществу, к рассмотрению его как практики общения с демоническими силами как таковыми.

Возвращаясь к тексту акта 1563 г. и преступлениям ведьм, находим, что к преступникам, совершавшим преступления второй степени тяжести, относились те, кто: «будет заниматься, использовать или упражняться в колдовстве, заклинаниях, заговорах или чародействе, при котором кто-либо будет истощен, избит, искалечен телесно, а также чье-либо имущество, движимое или недвижимое, будет разрушено, испорчено или приведено в негодность...»⁴³. Согласно тексту закона «каждый подобный преступник или преступники, равно как и их сообщники и помощники, осужденные в законном порядке за преступление, совершенное впервые, должны понести наказание в виде тюремного заключения сроком на год без права выхода под залог и один раз за каждую четверть указанного года должен будет простоять шесть часов у позорного столба на рыночной площади и публично покаяться в своих преступлениях, а за подобное преступление, совершенное вторично, вышеуказанные должны быть осуждены по закону и наказаны смертью как изменники и лишены гражданских прав и права убежища в храме»⁴⁴. Иными словами, в процитированном тексте говорится о двух преступлениях: 1) нанесении телесных повреждений или увечий с помощью колдовства, 2) нанесении ущерба имуществу. Оба эти преступления карались по закону тюремным заключением сроком на один год, с обязательным публичным покаянием у

позорного столба в том случае, если преступление совершено впервые. При повторном совершении преступления за него налагалась смертная казнь. Надо отметить, что в отличие от билля 1642 г., акт 1563 г. смягчил наказание за колдовские действия, не приведшие к смерти человека.

Что касается преступлений третьей степени тяжести, то о них в тексте акта сказано следующим образом: «если кто-нибудь впредь с 1 июня возьмется за колдовство, заклинания, чары или гадания, чтобы рассказать или заявить о том, где находится серебро, золото или другое сокровище, спрятанное в земле или другом месте, или о местонахождении украденного или потерянного имущества, или будет заниматься или использовать любое колдовство, заклинания, чары или гадания для склонения кого-либо к незаконной любви, уничтожения или причинения телесного вреда кому-либо, то каждое такое лицо должно быть осуждено за первое такое преступление тюремным заключением в течение года без права выхода под залог с обязательным стоянием у позорного столба один раз за каждую четверть указанного года в течение шести часов с публичным раскаянием в совершенных преступлениях. И если кто-либо, осужденный за указанное преступление, уже совершил однажды такое же преступление, то каждый такой преступник, осужденный во второй раз, будет наказан пожизненным заключением с полной конфискацией всего имущества в пользу Ее величества, ее наследников и преемников»⁴⁵. Итак, в третьей части акта называются следующие преступления: 1) поиск кладов с помощью колдовства, 2) нахождение потерянного или украденного имущества с помощью колдовства, 3) любовный приворот, 4) нанесение телесных повреждений с помощью колдовства.

Все перечисленные преступления, если они совершались впервые, как и преступления второй степени тяжести, предполагали согласно тексту акта тюремное заключение сроком на один год, с обязательным публичным покаянием у позорного столба. При повторном совершении преступления наказанием становилось пожизненное заключение с полной конфискацией имущества.

Любопытно, что во второй и третьей части акта речь идет об одном и том же преступлении – нанесении телесных повреждений с помощью колдовства, тем не менее наказание за него устанавливалось разное. Возможно, закон предусматривал различие наказаний в зависимости от степени тяжести телесных повреждений, нанесенных жертве преступления, но при этом по неизвестной нам причине это не было отражено должным образом в тексте акта. В связи с этим примечательно содержательное сходство, наблюдаемое между текстом третьей части акта 1563 г. и текстом второй части билля 1542 г. Несмотря на разницу в формулировках, а также некоторых деталей, в обоих случаях речь идет об одних и тех

же четырех типах преступления. Можно предположить, что вторая часть билля Генриха VIII была взята за основу при составлении третьей части акта Елизаветы I. Тогда становится ясно, почему статья о нанесении телесных повреждений повторяется в акте 1563 г. два раза.

Говоря об отличительных особенностях акта 1563 г., следует отметить, что в нем отдельно оговаривалась ситуация, когда осужденный за колдовство на смерть принадлежал к знати, что в свое время не было предусмотрено биллем 1542 г. В этом случае закон устанавливал: «что если совершивший любое из вышеназванных преступлений, за которые следует наказание смертью, будет пэром, то он должен быть судим равными ему в этом отношении, как положено изменнику или государственному преступнику, а не иначе»⁴⁶. Таким образом, по отношению к высшим слоям общества преступление на почве ведовства приравнивалось в Англии к государственной измене⁴⁷.

Однако в целом акт 1563 г. устанавливал более мягкие наказания за ведовские преступления, чем предыдущий антиведовский билль 1542 г., так как наказание смертью по нему положено только лишь в случае убийства человека. Возможно, отчасти именно это стало причиной издания при Якове I в 1604 г. более сурового «Акта против Заклинаний, Ведовства и сношений со злыми и нечистыми духами»⁴⁸, созданного с целью «... лучшего обуздания вышеуказанных преступлений и для их более жестокого наказания ...»⁴⁹.

В отличие от предыдущего елизаветинского акта, новый акт 1604 г. классифицирует ведовские преступления только по двум степеням тяжести. Первая часть акта предостерегает тех, кто будет: «1) практиковаться или упражняться в вызывании или заклинании каких-либо злых духов, просить их совета, или заключать договор с принятием платы или награды от какого-либо злого и нечистого духа с любой целью или намерением; 2) или вытаскивать трупы мужчин, женщин или детей из их могил или из других мест, где они покоятся, или кожу, кости или любую другую часть трупа, чтобы использовать ее каким-либо способом для ритуалов ведовства (Witchcraft), колдовства (Sorcery), чар (Charm) или заклинаний (Enchantments); 3) или использовать и применять ведовство, колдовство, чары или заклинания с тем, чтобы убить человека, уничтожить, измотать, измучить, иссушить, или наслать увечье на его или ее тело или любую его часть» тем, что «тогда каждый преступник (Offender) или преступники (Offenders), их помощники, пособники, советчики, которые были надлежащим образом и законно осуждены и лишены всех своих гражданских и имущественных прав за вышеупомянутые преступления, должны быть казнены как уголовные преступники (as Felons), и должны быть лишены

как всех обычных привилегий, так права убежища в храме»⁵⁰. Итак, речь идет о следующих преступлениях: 1) общении со злыми духами, включающем: а) вызывание и заклинание духов; б) совет с ними; в) заключение с ними договора с принятием от них платы или награды; 2) осквернении могил и трупов, захороненных в них; 3) причинении вреда с целью убийства или увечья.

Из трех вышеперечисленных преступлений первое и последнее присутствовали в предыдущем акте 1563 г. в категории преступлений, караемых смертной казнью. Существенно новым в акте 1604 г. является первая статья, касающаяся отношений людей с нечистыми духами и главное – заключения с ними договора. Известно, что доктрина о возможности заключения договора (пакта) между ведьмой и дьяволом являлась основой континентальной концепции ведовства. И хотя в тексте акта 1604 г. о дьяволе не говорится, место inferнальных сообщников ведьм в нем занимают «злые духи» (Evil Spirits). Очевидно, что само общение со злыми духами – преступление духовного содержания (договор с нечистым духом с точки зрения христианской религии – акт отступничества от бога), причисляемое христианской церковью к религиозной ереси, и не имеющее отношения к уголовному преступлению. Тем не менее акт 1604 г. причисляет данное преступление именно к уголовным (Felony) и относит его к компетенции и юрисдикции светской власти. Это кажущееся противоречие, вероятно, объясняется особым устройством и статусом англиканской церкви, а вернее, главенством в ней английского монарха, рассматриваемого как источник высшей власти в королевстве. Надо сказать, что этим шагом английское государство последовательно продолжило в вопросе ведьм путь, заложенный ранее Генрихом VIII. Таким образом, с изданием акта 1604 г. государство окончательно секуляризировало ведовство, признавая при этом отчасти его религиозное содержание, и потому этот момент следует признать заключительным в процессе институционализации ведовства и оформлении антиведовского законодательства⁵¹.

Возвращаясь к тексту акта 1604 г., надо отметить появление в нем статьи об осквернении могил. Ранее в билле 1542 г. осквернение могил связывалось с «вырыванием и выкапыванием крестов» и их использованием для колдовских ритуалов, в частности, для поиска потерянных и украденных вещей. В новом акте 1604 г. осквернение могил связано с совершенно новым пунктом – осквернением трупов и использованием их различных частей для колдовских ритуалов. Трудно сказать наверняка, что послужило первопричиной появления новой некромантской поправки в яковитском акте, однако вполне очевидно, что оно было обусловлено целым рядом факторов: во-первых, личной заинтере-

сованностью в проведении «охоты на ведьм» в английском королевстве эрудированного в вопросах континентальной демонологии⁵², принимавшего участие в европейских ведовских процессах⁵³, а также пристрастного в вопросе ведьм короля Якова I⁵⁴; во-вторых, активным проникновением континентальной традиции ведовства и практики «охоты на ведьм» на Британские острова; в-третьих, распространением популярной памфлетной литературы о ведьмах, а также продуцируемых ею популярных стереотипов, представлений, историй и идей и, наконец, накоплением судебного опыта в практике преследования ведьм.

Во второй части акта говорится, что если кто-либо будет использовать ведовство, колдовство, чары и заклинания для того, чтобы: «1) указывать в каком месте находятся золотые или серебряные сокровища, в земле или других тайных местах; 2) или где потерянные и украденные Товары или Вещи могут быть найдены; 3) или с целью спровоцировать кого-либо на незаконную любовь; 4) или для того чтобы Скот или Добро любого человека могли быть уничтожены, испорчены, повреждены; 5) или намерение нанести вред или уничтожить любого человека, хоть даже эти действия и не были доведены до конца», тогда «все и каждый из таких людей, совершивших такие преступления и, следовательно, законно осужденных, должны быть заключены в тюрьму сроком на один год без права выхода под залог, и что в каждый квартал этого года в каком-нибудь городе, где проходят базары, в рыночный день или во время проведения там ярмарок, они должны быть публично выставлены у позорного столба на шесть часов и там открыто признаться в своих ошибках и преступлениях». И далее: «если кто-нибудь, будучи однажды осужденным за одно из этих вышеупомянутых преступлений, повторно совершит какое-либо из этих преступлений, и во второй раз будет законно и должным образом осужден и лишен всех своих прав, в этот раз должен быть казнен как Уголовный преступник (as a Felon), и потеряет все свои привилегии, а также право убежища в Храме»⁵⁵. Другими словами, к преступлениям второй степени тяжести, акт относит: 1) поиск кладов, потерянного или украденного имущества; 2) любовный приворот; 3) нанесение ущерба имуществу; 4) намерение совершить убийство или нанести телесные повреждения.

Согласно акту перечисленные преступления должны были наказываться тюремным заключением сроком на один год, с обязательным стоянием у позорного столба и публичным покаянием. В случае повторного совершения преступления за них следовало наказание смертью. В этой статье акт 1604 г. полностью повторял акт 1563 г.

Антиведовский акт Якова I просуществовал в Англии (а затем и в Великобритании) 132 года и был отменен актом 1736 г. Георга II⁵⁶. В тексте

нового акта об отмене говорилось следующим образом: «Настоящим предписывается Его величеством, с всеобщего одобрения и согласия членов Палаты Лордов как духовных, так и светских, и членов Палаты Общин, собравшихся на настоящей сессии, данной ему властью, что закон, принятый в первый год царствования короля Якова I, озаглавленный “Акт против ворожбы, колдовства и сношений со злыми и грешными духами”, впредь, с 24 дня июля, объявляется отмененным, полностью недействительным и недействующим (за исключением статьи об отмене закона, принятого на пятом году царствования королевы Елизаветы и озаглавленного “Акт против ворожбы, чародейства и колдовства”»⁵⁷.

Выходя за хронологические рамки настоящей статьи, надо отметить, что факт отмены антиведовского законодательства вовсе не означал, как казалось бы, последовательного упразднения отношения к ведовству как преступному деянию. Наоборот, в акте Георга II ставшая традиционной трактовка ведовства заменяется содержательно иным (хотя в исторической ретроспективе и не новым), но остающимся в пределах правового поля пониманием ведовства. Так, текст акта гласит: «И для более действенного предотвращения и наказания любых притязаний на вышеуказанные искусства и способности, посредством которых невежественные люди часто вводили в заблуждение и обманывали, далее предписывается, что если любое лицо будет впредь и далее 24 июня, 1) притворяться, что занимается или использует любые виды колдовства, чародейства, ворожбы, или 2) предпринимать предсказание судьбы, или 3) симулировать знание любой оккультной или хитрой науки или искусства, или 4) рассказывать, где и каким образом можно открыть украденное или найти потерянное, то любое лицо, совершившее такое правонарушение, будучи законно признано виновным, в обвинительном акте или жалобе в суд в части Великобритании, называемой Англией, а также в обвинительном акте или печатном пасквиле в части Великобритании, называемой Шотландией, будет за каждую такую попытку наказываться заключением на срок до одного года без права освобождения под залог (поручительство) и единожды в каждом квартале названного года в любом городе с рынком в названной стране, в течение торгового дня должно стоять с непокрытой головой у позорного столба в течение одного часа и еще должно (если вынесший приговор суд это решит) внести денежный залог в своем хорошем поведении, причем сумму и срок должен определить суд присяжных соответственно обстоятельствам дела, а также определить, на какой срок будет продлено заключение, пока этот залог не будет внесен»⁵⁸.

Иными словами, акт 1736 г. фактически приравнивал ведовство к мошенничеству⁵⁹ и квали-

фицировал «ведьм» как «невежественных людей», которые «вводили в заблуждение и обманывали». И если на протяжении «охоты на ведьм» власть признавала и отстаивала реальность и опасность ведовства для общества, то актом 1736 г. она отказала ведовству в реальности, признав его, тем не менее, вредной практикой, продолжавшей содержать в себе угрозу для общественного порядка. Именно поэтому уголовная ответственность, положенная по принятому закону за колдовские практики, была оставлена властью в качестве средства социального дисциплинирования.

Вполне очевидно, что истоки такой смены правового ракурса берут начало в первую очередь в религиозных и культурных трансформациях общества раннего Нового времени. В частности, они связаны с изменениями представлений о дьяволе и сверхъестественном мире в целом, продиктованными, в свою очередь, сменой научных парадигм и рационализмом новой эпохи⁶⁰. Что же касается обусловленности государственной позиции и инициативы в вопросе ведьм на рассматриваемом этапе, думается, особую роль здесь сыграла социально-экономическая сторона колдовских практик.

Дело в том, что вера в эффективность колдовства в общественном сознании вовсе не исчезла с окончанием преследований ведьм, как не исчезла она до сих пор. Более того, в эпоху «охоты на ведьм» ведовство как социокультурное явление, получившее большой общественный резонанс, было выведено за исконные пределы традиционной культуры и обрело, вопреки ожиданиям церкви и государства, широкую известность, новую популярность и специфическую славу. В результате этого люди, практикующие колдовство, остались (и остаются) востребованными в повседневной жизни как городских, так и сельских сообществ. И эта востребованность вкупе с преимущественно коммерческой основой такого рода деятельности сохранила ведовство/колдовство как чрезвычайно популярную практику и прибыльное занятие. Учитывая исключительно частный характер таких практик и потенциальную ограниченность доступа к ним со стороны властных структур, можно предположить, что акт Георга II был направлен именно на дисциплинирование, регулирование и ограничение ведовства как социальной и коммерческой практики. Поэтому акт 1736 г., отрицая реальность ведовства, признает преступным обман, который совершают те, кто верит и убеждает других в реальности ведовства. Итак, ведьмы и колдуны все же оставались по новому акту преступниками, однако их преступление трактовалось уже в концептуально ином ключе. Другими словами, антиведовское законодательство в Англии прошло путь от признания реальности и опасности ведовства и наносимого им ущерба, до объявления ведовства социально вредным и уголовно наказуемым обманом.

Возвращаясь теперь к рассматриваемому в настоящей диссертации периоду «охоты на ведьм», следует еще раз подчеркнуть следующее. В процессе оформления антиведовского законодательства государство сделало главный шаг в том, что вывело ведовство из частной сферы, в которой то функционировало преимущественно на уровне неформального конфликта между конкретными людьми, на государственный уровень, признав его социально опасным и уголовно наказуемым преступлением. Хотя вопрос о побудительных причинах институционализации ведовства в указанный период требует специального рассмотрения, привлечения дополнительных источников и выходит за рамки настоящего исследования, надо сказать, что в целом исследователи связывают их с централизацией власти, абсолютизацией и усилением роли государства, а также другими политическими процессами, требовавшими в процессе своего становления более масштабных и глубоких практик социального дисциплинирования. Замечу, однако, что все эти гипотезы до сих пор строились на материалах других регионов⁶¹. Что же касается Англии, то согласно сложившейся в историографии традиции указанные выше процессы государственного строительства не связываются там с процессом институционализации ведовства. По мнению приверженца этой идеи британского историка Брайана Левака, Англия являлась регионом, в котором центральная власть была силой, скорее сдерживающей, чем инициатором преследования, а инициаторами последних выступали преимущественно местные власти и элиты⁶². Однако, как представляется, указанная гипотеза не совсем корректна, так как строится на смешении понятий законодательной и судебной инициативы, исходящем из игнорирования роли правительственной инициативы и королевской политики в процессе институционализации ведовства и преувеличения в этом процессе роли местной судебной практики. Так, представители центральных судов, по наблюдению ряда исследователей, действительно часто сдерживали произвол местных властей⁶³. Однако это не отменяет значения того обстоятельства, что сама инициатива развязывания «охоты» в масштабах государства первоначально принадлежала в Англии монархии⁶⁴. Сдерживание местных властей из центра может свидетельствовать не о лояльности или скептицизме со стороны первых по отношению к практикам ведовства, как считает Б. Левак, но скорее о целенаправленной политике централизации судебной системы, об установлении контроля из центра над местными властями и о пресечении попыток перейти границы королевской юрисдикции⁶⁵.

Таким образом, в Англии практика ведовских преследований развивалась в правовом смысле последовательно. Государство и общество в лице короны и парламента уделили достаточное внимание оформлению правовой базы преследований, которые с самого своего начала были

плодотворно интегрированы в светское правовое поле. Наиболее значимым шагом в ходе институционализации ведовства является процесс перенесения ведовства из частной коммуникативной сферы в публично-правовую, путем объявления ведовства общественно опасным преступлением, требующим непременно вмешательства и регулирования со стороны государственной власти и королевской администрации.

Примечания

- ¹ Среди королей, пытавшихся регулировать колдовские практики: Альфред (871–899), Этельстан (924–939), Кнут II Великий (1016–1035). Более подробный анализ раннего периода истории преследования колдовства на Британских островах см.: *Crawford J. Evidences for Witchcraft in Anglo-Saxon England // Articles on Witchcraft, Magic and Demonology. A Twelve Volume Anthology of Scholarly Articles / Ed. by B.P. Levack. N.Y.; L., 1992. Vol. 2. P. 153–170; Smith C.I. Northamptonshire in the History of Witchcraft // Articles on Witchcraft, Magic and Demonology. ... Vol. 6. P. 341.*
- ² *Legis Regis Henrici, cap. 71 // Thorpe B. Ancient Laws and Institutes of England. London, G. Eyre and A. Spottiswoode, printers to the Queen's Most Excellent Majesty, 1840. P. 156.*
- ³ *Ibid. P. 156–157.*
- ⁴ Стоит заметить, что некоторые колдовские практики, относящиеся к области так называемой «белой» магии (направленной на принесение пользы и оказание помощи человеку), могли легко оказаться вредоносными или, вернее, трактоваться как таковые. Так, например, целительство могло окончиться болезнью или смертью пациента, также и объект приворота мог, например, заболеть или даже умереть в результате заговора. В этих случаях сами потерпевшие или же родственники таковых могли обвинить знахаря или целителя в причинении вреда или смерти с помощью колдовства. Как показывает анализ памфлетных материалов, подобные случаи были очень частым явлением в период «охоты на ведьм» в Англии. См. типичный пример такого рода – Урсула Кемп из Сент-Осайтского процесса 1582 г.: *W.W. A True and Just Recordes of the Information, Examination and Confession of All the Witches, Taken at S. Oses in the countie of Essex: whereof some were executed and other some entreated according to the determination of lawe. Wherein all men may see what a pestilent people Witches are and how unworthy to lyve in a Christian Commonwealth. L., 1582. P. 2A–2A3v.*
- ⁵ Хотя церковные суды не принадлежали к системе юрисдикции общего права, они реализовывали большую долю уголовной юрисдикции в рассматриваемый период. Имея строгое ограничение, заключавшееся в том, что они могли судить только преступления, неподлежащие общему праву (или не ставшие еще предметом его рассмотрения), им удалось сконцентрировать в сфере своей компетенции значительный «остаток» преступлений. Основным преступлением, находившимся в их компетенции, была, конечно, ересь, подлежащая наказанию смертью через сожжение до 1677 г. В по-

вседневной же практике важной функцией этих судов было наказание *моральных преступлений*, рассматривавшихся в церковных судах низшей инстанции с правом духовного порицания (archdeacon's court). Преступлениями, с которым наиболее часто имели дело в этих судах, были прелюбодеяние и другие преступления сексуального характера, направленные против морали, клевета, пьянство, сквернословие, а также другие манифестации несоответствующего норме и распущенного образа жизни. См.: *Baker J.H. Criminal Courts and Procedure at Common Law 1550–1800 // Crime in England 1550–1800 / Ed. by J.S. Cockburn. L., 1977. P. 32.*

- ⁶ Среди них зафиксированы следующие: вера в колдовство (2), сокрытие ведьмы (1), консультация с ведьмой (4), лечение лихорадки с помощью ведовства (1), сводничество (1), возвращение украденных вещей (2), лечение молитвой (1), лечение травмами и молитвами (3), лечение с помощью псалтыри и ключа (1), лечение с помощью решета (1), приворот (2), использование колдовства (4). См.: *A Series of Precedents and Proceedings in Criminal Causes, extending from the year 1475 to 1640; extracted from Act-Books of Ecclesiastical Courts in the Diocese of London / Ed. by W.H. Hale. London, 1847. P. 3, 7, 10–11, 15–17, 20, 32–33, 36–37, 61, 63, 77, 84, 102, 107–108, 139, 147–148, 157, 163, 185–186, 219, 254.*
- ⁷ По этой проблеме см.: *Cohn N. Europe's Inner Demons. An enquiry inspired by the great witch-hunt. Sussex University press, 1975; Gibbons J. Recent Developments in the Study of The Great European Witch Hunt // <http://www.cog.org>, 23.09.2005; Haining P. The Anatomy of Witchcraft. L., 1972; Levack B. The Witch-hunt in early modern Europe. L.; N.Y., 1992; Maxwell-Stuart P.G. An Abundance of Witches. Tempus, 2006; Waite G.K. Heresy, Magic and Witchcraft in Early Modern Europe. N.Y., 2003.*
- ⁸ Преследования ведьм в континентальной части Европы известны еще с начала XIV в. Однако начало периода интенсивной «охоты на ведьм» обычно связывают с 1484–1486 гг. – периодом, последовавшим за изданием папой Иннокентием VIII буллы против ведьм и написанием «Молота ведьм». См.: *Горфункель А.Х. «Молот ведьм» – средневековые или Возрождение? // Культура Возрождения и общество. М., 1986; О специфике континентальных процессов см.: Бессонов Н.В. Суды над колдовством. М., 2002; Ведовство, которого не было / Пер. с англ. Н. Масловой; Сост., предисл. Н. Горелова. СПб., 2005; Гуили Р.Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. М., 1998; Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994; Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. [Репринтное издание 1899 г.] М., 1990; Монтер В. Ритуал, миф и магия в Европе раннего нового времени. М., 2003; Рассел Дж.Б. Колдовство и ведьмы в Средние века. СПб., 2001; Саммерс М. История колдовства. М., 2002; Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. М., 1906; Сумицов Н.Ф. Очерк истории колдовства в западной Европе. Харьков, 1878; Тухолка С. Процессы о колдовстве в Западной Европе в XV–XVII вв. СПб., 1909; Харт Р. История ведовства // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.) / Пер. с англ., лат., нем., франц. / Общ. ред. М.А. Тимофеева. М., 1995. С. 317–409; Шверхофф Г. От повседневных подо-*

- зрений к массовым гонениям. Новейшие германские исследования по истории ведовства в начале Нового времени // Одиссей: Человек в истории. М., 1996. С. 306–329; *Bailey M.D.* Battling Demons. Witchcraft, Heresy and Reform in the Late Middle Ages. Pennsylvania, 2003; *Bostridge I.* Witchcraft and its Transformations c.1650–c.1750. Oxford; N.Y., 1977; *Caro Baroja J.* The World of Witches. L., 2001; *Ewen C.L.* Witch Hunts and Witch trials. L., 1971; *Ginzburg C.* The Night Battles: Witchcraft and Agrarian Cults in the sixteenth and seventeenth centuries. N.Y., 1985; *Kieckhefer R.* Magic in the Middle Ages. Cambridge, 1990; *Kieckhefer R.* The Holy and the Unholy: Sainthood, Witchcraft, and Magic in Late Medieval Europe // The J. of Medieval and Renaissance Studies. 1994. Vol. 24, № 2. P. 355–385; *Idem.* Forbidden Rites. A Necromancer's Manual of the Fifteenth Century. L., 1997; *Summers M.* The Geography of Witchcraft. N.Y., 1958; *Trevor-Roper H.R.* The European Witchcraze of the 16th and 17th Centuries. L., 1969; The Witchcraft Reader / Ed. by Darren Oldridge. L.; N.Y., 2002.
- ⁹ В историческом смысле понятие «ведовство» является сложным для определения феноменом, потому что его отдельные составляющие относятся к различным областям религиозной и культурной практики. Йозеф Ханзен называл ведовство «собирабельным понятием», потому что отдельные его компоненты были сами по себе значительно старше, чем понятие в целом. Цит. по: *Шверхофф Г.* От повседневных подозрений к массовым гонениям... С. 308.
- ¹⁰ Указаны годы выписок первого и последнего юридических актов против ведовства.
- ¹¹ Отметим, что в англоязычной историографии до сих пор не сложилось единого мнения относительно видов упомянутых правовых актов. Так, например, Дж. Шарп называет билль *XXXIII Hen. VIII* статутом. См.: *Sharpe J.A.* General Introduction // *English Witchcraft 1560–1736. Vol. 1. Early English Demonological Works* / Ed. by J. Sharpe. L., 2003. P. 22. Дж. Элборн именуется статутом акт *IV Eliz. I*. См.: *Elborne J.* Bewitching the mind: English Witchcraft pamphlets 1561–1736. Colo Vale, New South Wales, 2003. P. 3. Вполне вероятно, что приписывание документам другого статуса, надо отметить, более значимого в правовом отношении, обусловлено тем большим значением, которое вкладывали историки в эти документы применительно к возникновению «охоты на ведьм» в Англии. Учитывая, что историки не привели ссылки на источники, а свериться с оригиналами документов пока не представилось возможности, в этом вопросе будем ориентироваться на русские переводы, а также доступные электронные версии оригинальных текстов.
- ¹² Ведовство также упоминается в Статуте 1581 г. Елизаветы I, в связи с запрещением *обсуждать все, что касается жизни Елизаветы, ее правления и использовать какие-либо средства, в том числе магические, чтобы узнать, как долго будет жить Елизавета и сколько править*. См.: *An Act against seditious words and rumours uttered against the Queens most excellent Majesty* // *Select Statutes and other Constitutional Documents illustrative of the Reigns of Elizabeth and James I* / Ed. by G.W. Prothero. Oxford, 1898. P. 78. Однако к обсуждаемой проблеме этот источник прямо не относится, так как статут был направлен не на ведовство, а на прогностические практики (сами по себе не преследовавшиеся государством, но осуждавшиеся церковью как греховные и, тем не менее, чрезвычайно популярные в то время, в том числе и при королевском дворе), направленные на личность правящей в тот период королевы Елизаветы I.
- ¹³ См.: *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. N.Y., 1971. P. 442.
- ¹⁴ См.: *James the VI Stuart.* Demonology in the form of a Dialogue, Divided into Three Books. L., 1597; Об инициированном Яковом I процессе см.: *Thompson E.H.* More Newes from Scotland... Касательно участия Якова I в антиведовских судах см. также: *Murray M.A.* The 'Devil' of North Berwick...; *Roughead W.* The witches of North Berwick...; *Stafford H.* Notes on Scottish Witchcraft cases...
- ¹⁵ Рассмотрением дел о ведовстве в Англии занимались в основном суды Ассиз. Однако до того момента, как эти дела поступали в их ведение, они, как правило, проходили через руки местной администрации и мировых комиссий, которые занимались сбором информации, поимкой преступников, привлечением свидетелей, получением показаний, признаний и другими обязательными этапами уголовного процесса, вплоть до предъявления обвинения и вынесения предварительного приговора.
- ¹⁶ *Бельцер А.А.* «Слуги для всех дел»: Корона и мировые судьи в тюдоровской Англии. Самара, 2007. С. 96–98.
- ¹⁷ *W.W.* A True and Just Recordes of the Information, Examination and Confession of All the Witches, Taken at S. Oses... P. B6.
- ¹⁸ Оригинал билля см.: *The Bill against Conjuraton and Witchcrafts and Sorcery and Enchantments* // *Robbins R.H.* The Encyclopedia of Witchcraft and Demonology. N.Y., 1959. P. 243–244. Русский перевод текста билля см.: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996. С. 105–106. В русском переводе название билля дано следующим образом: «*Билль против заклинаний, колдовства, чародейства и магии*». Однако этот перевод не представляется корректным, так как слово «*witchcraft(s)*» принято переводить как «ведовство». Именно такой перевод принципиален для исследования генезиса колдовских практик и возникновения концепта «ведовство».
- ¹⁹ Цит. по: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 105–106. (Нумерация преступных действий в тексте моя. – Ю.И.)
- ²⁰ Там же.
- ²¹ «... занимаются колдовством, вызыванием духов, получая с помощью подобных средств знания для своей собственной выгоды о скрытых сокровищах из золота и серебра, которые могли бы или могут быть найдены в земле или других потайных местах...» (Там же. С. 106).
- ²² «... используют и занимаются колдовством, магией и чародейством, ради причинения ущерба соседям и их собственности...» (Там же).
- ²³ См.: *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм / Пер. с лат. Н. Цветкова. Саранск, 1991.
- ²⁴ Так, например, А. Макфарлайн анализировал 82 обвинительных акта против 52 человек на ассизных судах

- в Эссексе в период между 1560 и 1579 гг., и 195 обвинительных актов против 111 человек в период между 1580–1599 гг. В результате он пришел к выводу, что подавляющее большинство обвинений было за *maleficium*. См.: *Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England. A regional and comparative study.* N.Y., 1970. Table 3. P. 28.
- 25 «... для своих нечестивых целей изготавливают или заставляют изготавливать подобыя или изображения мужчин, женщин, детей, ангелов или дьяволов, зверей или птиц...». Цит. по: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 106.
- 26 В билле об этом сказано следующим образом: «... подстрекает кого-либо к противоестественной любви с нечестивыми или непристойными намерениями...». Там же. С. 106.
- 27 «... изготавливают короны, скипетры, сабли, кольца, стекла и другие вещи, с верой в подобные фантастические приспособления, раскапывают и вынимают кресты в пределах королевства и посредством их заявляют о том, где могло бы находиться потерянное или украденное...» (Там же).
- 28 *Скот В.* Письма о демонологии и колдовстве. М.; СПб., 2002. С. 178, или *Scott W.* Letters on Demonology and Witchcraft. L., 2001. P. 137.
- 29 *Wright T.* Narratives of Sorcery and Magic, from the most authentic sources. L., 1851. Vol. 2. P. 145.
- 30 Характерно, что за все перечисленные в билле преступные колдовские действия устанавливается одно и то же наказание – «смерть и конфискация имущества». Цит. по: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 106. Другими словами, ведовство не квалифицировалось по степени тяжести, и все действия с точки зрения закона считались причиняющими равный по степени тяжести ущерб. Однако в процессе эволюции «охоты на ведьм», с накоплением судебной практики и развитием демонологической теории представление о ведовском преступлении расширится, что найдет свое отражение в законодательной практике и детерминации наказаний.
- 31 В континентальной Европе ведовство считалось *исключительным преступлением* (*crimen exertum*) и преступлением *смешанного характера*, находящимся на границе церковной и светской юрисдикций. Подробнее см.: *Данилова С.И.* Об истории развития инквизиционного процесса // Юрист. М., 1998. № 10. С. 44–46; *Черняк Е.* Охота за ведьмами // Сов. юстиция. 1993, № 11. С. 15–17; *Cryer F.H., Thomsen M.-L.* Witchcraft and Magic in Europe. Biblical and Pagan Societies. L., 2001; *Howman R.* Witchcraft and Law // Folk Law. Essays in the Theory and Practice of Lex Non Scripta / Ed. by A.D. Renteln and A. Dundes. N.Y.; L., 1994. Vol. 2. P. 637–655; *Lee H.C.* Materials toward a History of Witchcraft. Philadelphia, 1939. Vol. 2–3.
- 32 Цит. по: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 106.
- 33 Говоря о моральном значении преступления и наказания применительно к обществу периода раннего Нового времени, несомненно, следует иметь в виду специфику представлений того времени о морали и, в частности, о чести и бесчестье, а также влиянии последних на социальную жизнь и социальную интеграцию индивидуума. Подробнее см.: *Стюарт К.* Позорная шуба, или Непреднамеренные эффекты социального дисциплинирования // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI вв. / Под ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб., 2006. С. 225–265.
- 34 Цит. по: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 106.
- 35 Текст акта см.: An Acte for the Repeale of certain Statutes // <http://www.hulford.co.uk/act1547.html>, 14.07.2007.
- 36 *Sharpe J.A.* Op. cit. P. 22.
- 37 Как упоминалось ранее, в 1559 г. королевой Елизаветой I принималась попытка издания билля против ведовства, однако эта попытка провалилась, и билль принят не был. См.: *Thomas K.* Religion and the Decline of Magic. P. 442.
- 38 Оригинальный текст акта 1563 г. см.: An Act against Conjurations, Enchantments, and Witchcrafts // Complaint and Reform in England 1436–1714. Fifty Writings of the Time on politics, religion, society, economics, architecture, science and education / Arranged with introduction by W.H. Dunham and S. Pargells. N.Y., 1938. P. 181–183. Также оригинальный текст акта частично см.: Annals of the Reformation and Establishment of Religion, and other various Occurrences in the Church of England. With an Appendix of Original Papers / By J. Strype, M.A. L., 1725. Vol. 1. Ch. 26. P. 311–312. Русский перевод текста акта см.: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 163–164.
- 39 Цит. по: *Роббинс Р.Х.* Энциклопедия... С. 163–164.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 29.
- 43 Там же. С. 163–164.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Важным пунктом в акте 1563 г. была статья о правах супругов и детей тех, кто был осужден за колдовство. В этом случае акт предписывал: «Оставлять жене указанного выше преступника ее титул и приданое, равно как и его наследникам и преемникам, в соответствии с их правами на наследство и титул, если они не подвергнутся изгнанию с лишением гражданских прав» (Там же).
- 48 Оригинальный текст акта 1604 г. см.: An Act against Conjuratation, Witchcraft and dealing with evil and wicked Spirits // <http://www.hulford.co.uk/esssex.html>, 10.09.2003.
- 49 Ibid.
- 50 Ibid. (Нумерация в тексте моя. – Ю.И.)
- 51 Весьма показательным комментарием к сложившейся в яковитское время государственно-правовой концепции ведовства могут служить следующие слова, написанные автором памфлета 1619 г.: «И поэтому хотя так оно и было, что ни Ведьма, ни Дьявол не могли совершить таких вещей (которые им приписывают. – Ю.И.), но «Не оставляй Ведьму в живых», – говорит Господь, и «Умертви их» – говорит Закон Англии, за то, что они имели общение с духами и осмелились осквернить имя Господа своими чарами и заклинаниями». Anon. The Wonderful Discoverie of the Witchcrafts of Margaret and

- Phillip Flower, daughters of Joan Flower neer Beuer-Castle: Executed at Lincolne, the 11 of March, 1618. L., 1619. P. 48.
- ⁵² Как уже упоминалось, Яков I является автором трактата, посвященного ведовству, под названием «*Демонология в форме диалога*». См.: James VI Stuart. *Demonology... Русский перевод некоторых глав этого трактата* см.: Джеймс I Стюарт. *Демонология в форме диалога // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв.* М., 1999. С. 345–385.
- ⁵³ Яков I имел возможность наблюдать за «охотой на ведьм» на континенте, находясь в Дании в период сватовства к Анне Датской. Подробнее см.: *Thompson E.H. More Newes from Scotland...*
- ⁵⁴ В период своего правления и жизни Яков I последовательно стоял на двух противоположных позициях по отношению к ведьмам: непримиримой и скептической. Время издания акта 1604 года пришлось на тот период, когда фанатично верящий в необходимость искоренения ведьм король проводил политику «охоты на ведьм» в своем королевстве. См. например, сведения о Норт-Бервикских процессах: *Murray M.A. The 'Devil' of North Berwick; Roughead W. The witches of North Berwick...; Stafford H. Notes on Scottish Witchcraft cases...*
- ⁵⁵ An Act against Conjuration, Witchcraft and dealing with evil and wicked Spirits... (Нумерация в тексте моя. – Н.И.)
- ⁵⁶ Любопытно, что отмена в 1736 г. наказания за ведовство контрастировала с общей правовой тенденцией того периода к ужесточению мер наказания за совершение тяжких преступлений. См. об этом: *Unsworth C.R. Witchcraft Beliefs and Criminal Procedure in Early Modern England // New perspectives on Witchcraft, Magic and Demonology / Ed. by B. Levack. L.; N.Y., 2001. Vol. 1. P. 3.*
- ⁵⁷ Оригинальный текст акта 1736 г. см.: *The Witchcraft Act 1736 // Three Hundred Years of Psychiatry. 1535–1860 / Ed. by R. Hunter, I. Macalpine. L.; N.Y.; Toronto, 1963. P. 357–358.* Русский перевод текста см.: *Роббинс Р.Х. Энциклопедия... С. 106–107.* Этим же актом был отменен и шотландский антиведовский акт 1562 г.: «*Далее приписывается властью вышеназванных, что впрямь и после указанного 24 июня Акт, принятый парламентом Шотландии и девятой сессией парламента королевы Марии (1562), озаглавленный «Против колдовства», объявляется отмененным»* (Там же. С. 106–107).
- ⁵⁸ Там же. (Нумерация в тексте моя. – Ю.Н.)
- ⁵⁹ Хотя конкретно этот юридический термин в тексте акта не используется.
- ⁶⁰ Подробнее вопрос об эволюции представлений о дьяволе см.: *Махов А.Е. Сад демонов – Hortus Daemonum: Словарь inferнальной мифологии средневековья и Возрождения.* М., 2007. С. 58–66, 84–101, 110–113, 128–137; *Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря.* М., 2006. С. 123–141, 278–284; *Мюшембле Р. Очерки по истории дьявола: XII–XX вв.* М., 2005; *Орлов М. История сношений человека с дьяволом. [Репринтное издание 1904 г.]* М., 1992; *Пружинин Б.И. Спор о ведовстве: ratio serviens // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв.* М., 1999. С. 289–305.
- ⁶¹ Так, например, Кристина Лэрнер связывает институционализацию ведовства в Шотландии с процессом централизации власти, сделавшей в результате ведовство «*центрально управляемым*». Согласно К. Лэрнер, «*шотландская “охота на ведьм” охватывает период, начавшийся с расцвета доктрины божественного права королей и закончившийся с закатом доктрины благочестивого государства*». См.: *Larner C. Enemies of God. The witch-hunt in Scotland.* L., 1981. P. 192. Другой исследователь, Робер Мюшембле связывал официальные преследования ведьм на французских территориях не только с «*централизованным абсолютизмом*» и наступлением на партикуляризм, но и попытками государства дисциплинировать народ. См.: *Muchembled R. Popular Culture and Elite Culture in France, 1400–1750.* Baton Rouge, 1985. Passim.
- ⁶² См.: *Levack B. State-building and Witch hunting in Early Modern Europe // Witchcraft in early modern Europe: Studies in culture and belief / Ed. by J. Barry. Cambridge, 1996. P. 96–100, 115.* См. также: *Levack B. The Witch-hunt in early modern Europe.* L.; N.Y., 1992. Passim.
- ⁶³ См.: *Notestein W. A History of Witchcraft in England from 1558–1718.* Washington, 1911. P. 201; *Unsworth C.R. Witchcraft Beliefs and Criminal Procedure... P. 5–7.*
- ⁶⁴ Доминирующая роль короны в развязывании ведовских преследований, в которой Англии отказывает Б. Левак, хорошо иллюстрируется и тем фактом, что английское общество не сразу откликнулось на введение антиведовского законодательства и не сразу пошло на сотрудничество с властью, что доказывается низким уровнем инициативы и интереса со стороны населения, а также низким уровнем числа преследований в первые два десятилетия существования антиведовского законодательства.
- ⁶⁵ Как отмечается в специальных исследованиях, для законодательной политики Тюдоров в отношении местной администрации были характерны две генеральные линии. Первая заключалась в постоянном увеличении обязанностей магистратов, прежде всего мировых судей. Вторая была направлена на упорядочивание их работы, стремление очертить рамки их полномочий и как можно больше подчинить центральной администрации – Короне, Совету и общегосударственным судам (Ассиз и Королевской скамьи). Рядом статутов Тюдоры стремились создать в королевстве прочную систему взаимоконтроля, где мировые судьи и шерифы следили бы друг за другом. Для обеспечения послушной системы местного управления на практике Тюдоры стремились установить прочные клиентельные связи с персоналом местной администрации, привязать его к Короне. Расцвет указанной политики в отношении местного управления пришелся в Англии на правление Елизаветы I. Однако уже в конце ее правления созданная система начала давать сбои. В результате наметилось противостояние центра и провинции, которое станет отличительной чертой при первых Стюартах. См.: *Бельцер А.А. «Слуги для всех дел»... С. 68–69, 111, 120.*

УДК 061 236.6()

МАСОНЫ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

С.Е. Киясов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени и международных отношений
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена деятельности первых масонских лож северо-американских колоний Британии. Как отмечает автор, на территории будущих США масонские структуры были открыты колонистами-европейцами. В период борьбы за независимость масонские структуры Америки стали местами собраний патриотов. В статье подчеркивается, что ложи оказали заметное влияние на процессы создания федеративного северо-американского государства. Появление лож «вольных каменщиков» в колониях Нового Света связывается со сменой культурных парадигм и доминированием просветительской идеологии.

Ключевые слова: масонское движение; масонская гильдия; ливрейные кампании; «старое масонство»; регулярная ложа.

The Masons of North-American Colonies before the War for Independence

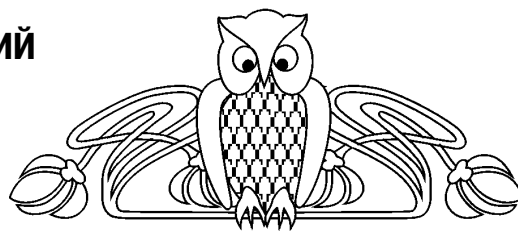
S.E. Kiyasov

The article is devoted to the activity of the first Masonic lodges in the North-American colonies of Britain. The author argues that on the territory, which will later become the USA, Masonic structures were set up by European colonists. During the period of struggle for independence Masonic headquarters became the places for patriotic meetings. The author emphasizes, that the lodges considerably influenced the processes of the establishment of the federative North-American state. The appearance of the "freemasonic" lodges in the colonies of the new world is connected with the shift in the cultural paradigm and the dominance of enlightenment ideology.

Key words: the Masonic movement; the Masonic gild; the livery companies; «old masonry»; a regular lodge.

Масонское движение в США заслуживает особого внимания, поскольку его становление и последующая эволюция теснейшим образом связаны с рождением могущественного заокеанского государства. Прочность масонских традиций в этой стране определяется наличием самой многочисленной в мире диаспоры «вольных каменщиков». В конце XX в. в 14 727 американских ложах и отделениях числилось 3 018 549 масонов¹. Другим примером влиятельности северо-американских братьев является принадлежность к их структурам первого президента Джорджа Вашингтона (1732–1799). Не меньшей известностью обладали также последующие поколения американских «вольных каменщиков». Среди них были президенты, крупные политики, военные и даже астронавты.

Масонские ложи на территории северо-американских колоний Британии появились на рубеже 20–30-х гг. XVIII столетия. Первым масо-

ном, ступившим на землю Америки, историками признается Джон Скин. Его имя было внесено в списки братства в шотландском Абердине в 1670 г. Лишь спустя десятилетие этот «вольный каменщик» оказался за океаном, в Нью-Джерси². Однако, находясь вдали от родины, он не сумел репродуцировать и распространить масонскую организацию. Данный факт опровергает популярную версию об изначальности существования и «естественном» распространении могущественного духовного Ордена. Совершенно очевидно, что масонские структуры создавались узким кругом интеллектуалов-реформаторов, захваченных идеей улучшения общества и его нравов. Тяжелый труд и лишения, пришедшиеся на долю первых обитателей северо-американских колоний, не сразу позволили применить эту «технологию» распространения передовых воззрений в новых, непривычных для европейцев-эмигрантов условиях. Лишь постепенно новомодные концепции стали находить широкий отклик в пытливой и активной среде местных последователей просветительских воззрений.

Первым американцем, принятым в масонское братство, стал уроженец Бостона Джонатан Белчер (1681–1757). Это важное событие произошло в 1704 г. во время его визита в метрополию. Однако данный шаг также не привел к каким-либо заметным последствиям. Возможно, он лишь поспособствовал административной карьере самого богатого торговца, который в 1730 г. стал губернатором Массачусетса и Нью-Гемпшира³. В декабре 1730 г. о существовании американских масонов сообщила «Пенсильванская газета». Ее редактором был выдающийся ученый, просветитель и политический деятель Бенджамин Франклин (1706–1790). Этот любознательный человек познакомился с братством во время учебы в английской столице. В 1731 г., после возвращения на родину, Франклин подготовил «Великий план», суть которого заключалась в практическом осуществлении масонских идеалов глобального объединения всех добродетельных людей. Центром такого соединения должно было стать тайное общество, главными принципами которого являлись единобожие и братская помощь друг другу⁴. Несмотря на то, что сам план остался воплощенным лишь на бумаге, нетрудно разглядеть источник вдохновения. В этом же, чисто масонском контексте, находился еще один проект просветителя,

предполагавший достижение самостоятельного морального совершенства⁵. Таким образом, газетные публикации Б. Франклина в Филадельфии стали хорошей рекламной акцией. Заметим, что сам автор в 1734 г. был избран Великим Провинциальным мастером Пенсильвании⁶.

Важную роль в распространении масонства в северо-американских колониях сыграла Великая ложа Лондона. В книге «Конституций» Джона Интейка, опубликованной в 1756 г., упомянуты фамилии нескольких провинциальных Великих мастеров, уполномоченных для работы за океаном. Первым среди них назван Дэниель Кокс⁷. Под его управление попали штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания. Правда, новоиспеченный функционер так и не покинул Лондон. Свою роль в этом формальном назначении сыграло то обстоятельство, что Кокс был сыном губернатора Нью-Джерси.

Первой официально провозглашенной регулярной ложей в Америке стала бостонская ложа св. Иоанна. Она появилась в 1733 г. и получила патент от Великой ложи Англии. В этом же году в Массачусетсе появилась Провинциальная Великая ложа, мастером которой был избран Генри Прайс (1697–1760). Таким образом, он стал первым национальным лидером немногочисленных масонских лож Америки⁸. Его помощником стал Эндрю Белчер, сын упомянутого губернатора Дж. Белчера.

В период 1733–1737 гг. метрополия выдала патенты провинциальным Великим ложам штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Южная Каролина и Вирджиния⁹. Как правило, они состояли из англичан, оказавшихся на государственной службе за океаном. Наиболее важным направлением их деятельности стала благотворительность. В частности, «вольные каменщики» выступали инициаторами открытия бесплатных начальных школ для местного населения.

Параллельно с появлением «регулярных» масонских структур в северо-американских колониях набирало силу «старое» масонство. Это течение противостояло влиянию Великой ложи Лондона. Структуры внутримасонской оппозиции охотно открывали двери простым людям: младшим офицерам, морякам, небогатым купцам и даже ремесленникам¹⁰. В условиях системной конфронтации «старые» масоны постарались как можно быстрее укрепить свое положение в Северной Америке. В 1757 г. состоялось назначение первого американского Провинциального гроссмейстера Великой ложи Шотландии. В 1769 г. в Бостоне была образована Великая Шотландская ложа Массачусетса, гроссмейстером которой был выбран известный сторонник независимости Джозеф Уоррен¹¹. В Пенсильвании свои позиции усилила Великая ложа всей Англии из Йорка. Первым «национальным» гроссмейстером в 1764 г. здесь был избран богатый землевладелец Уильям Болл.

В процессе деятельности масонских структур в провинциально-колониальной среде был преодолен порог исключительной важности. Ложи, представлявшие институт модного времяпрепровождения, быстро заявили о себе в качестве влиятельных общественных собраний. Не случайно именно вокруг этих центров оказались сосредоточены местные политические партии: лоялисты и патриоты. Поначалу среди них доминировали сторонники сохранения статуса-кво, полагавшие, что английские конституционные традиции по-прежнему сохраняют свою привлекательность и являются самими передовыми в мире. Однако с началом решающего столкновения с метрополией первенство в масонском движении перешло в руки патриотов. Таким образом, не без участия масонских организаций был сделан весьма существенный шаг к будущей свободе и созданию федеративной республики. Помимо всего прочего, тайный характер масонских собраний давал возможность сторонникам независимости США проводить столь необходимые для них консультационные встречи и выработать общую стратегию действий¹². Отсутствие политической инфраструктуры, в первую очередь партий и общественных движений, которые решают подобные задачи в современном мире, подвигало идеологов свободы к использованию любых доморожденных «представительных» собраний: питейных заведений (таверн), религиозных общин, салонов, клубов и, наконец, многочисленных масонских лож. По подсчётам историков, общее количество масонских лож в Америке к началу революционной войны не превышало 100¹³. В дальнейшем ситуация изменилась в сторону складывания по-настоящему эффективных политических центров. В частности, следует отметить появление в колониях структур государственного самоопределения – комитетов связи, континентального Конгресса, аппарата федерального правительства и постоянной армии. Именно здесь участники противостояния с Британией получили возможность более четко определить свои позиции. Вовсе не в масонских ложах, а в политических структурах колонисты разделились на «конфедератов», «республиканцев», «федералистов» и «лоялистов». После начала Войны за независимость (1775–1783 гг.) роль масонских лож, к тому же переживавших из-за конфронтации с Британией организационный раскол, снизилась ещё более. Образование США окончательно и прочно привязало политическую активность американских граждан к деятельности общенациональных партий.

И всё же проявленная на первых порах северо-американскими масонами общественно-политическая активность позволяет характеризовать их структуры в качестве одного из важнейших компонентов назревавшей революции. Не случайно многие историки обращают внимание на симптоматическую принадлежность к масон-

ству представителей политизированной и богатой колониальной элиты, в первую очередь заинтересованной в разрыве с Британией¹⁴. В последние годы все чаще раздаются голоса, называющие американскую революцию примером самопожертвования и охраны общих интересов¹⁵. Широкое распространение лож «вольных каменщиков» на территории будущих США позволило историкам говорить также о процессе «американизации» масонства в целях его приспособления к нуждам освободительного движения¹⁶.

На наш взгляд, решающим фактором этой конвергенции стало само американское общество. Ведь наиболее важной особенностью рождения страны под названием «США» стала «чистота эксперимента» во всех областях общественной жизни. Американцы как граждане получили уникальную возможность создать принципиально новую модель государства, апробировав при этом такие рецепты модернизации, которые в Европе оказались бы невозможными по причине религиозных, национальных и сословных препятствий. Заметим, что в северо-американских колониях никогда не было собственной родовой аристократии и феодалов; здесь не знали засилья институтов монархии и католической церкви. Наконец, эти территории отличались поистине фантастическим избытком ресурсов для развития промышленности и сельского хозяйства, и все это – при жесточайшей нехватке дееспособного «белого» населения. Во время своей дипломатической миссии в дореволюционную Францию Томас Джефферсон всячески подчеркивал богатство своей родины по сравнению с вопиющей нищетой Старого Света. Он был твердо убежден, что процветающим американским территориям не грозит обратный отток европейских эмигрантов¹⁷. Особую роль в развитии основ собственной государственности на землях Новой Англии, Новой Шотландии и на других пространствах британских колоний сыграла массированная миграция протестантского населения из католических стран Западной Европы. В течение XVII–XVIII вв. она обеспечивала поставку разноязыких поселенцев-пилигримов, первых из которых не без основания почитают в качестве родоначальников великого государства. При этом заокеанская цивилизация выстраивалась на прочном фундаменте христианских ценностей, которые подкреплялись культурными и научно-техническими достижениями Западной Европы. Следует согласиться с мнением просветителя Томаса Пейна, утверждавшего, что «отечество Америки – это Европа, а не Англия»¹⁸. Несмотря на очевидную зависимость от метрополии, пионеры свободного мира получили уникальную возможность построить свой дом, не допуская тех фатальных ошибок, которые порождали тяжелейшие кризисы в патриархальном и мятущемся Старом Свете.

Особый путь Америке должны были осветить новые мировоззренческие ценности и формы

общественной жизни, включая нравственные и религиозные. Придерживаясь новаторских концепций, с которыми не замедлили выступить американские просветители, колонисты вполне успешно осуществляли свои земные планы. Свидетельством особой духовной свободы людей, замысливших продвижение к идеальному обществу, стало, в частности, широкое распространение среди них религиозных сект и учений. Северо-американские территории были буквально наводнены искателями «правильной» веры и реформаторами христианства, которые пользовались прерогативами установившейся здесь религиозной свободы. Лютеране, кальвинисты, янсенисты, пресвитериане, баптисты, молокане, квакеры – вот далеко не полный перечень тех направлений веры, которые были без колебаний приняты на американской земле. Такое разнообразие в вопросах вероисповедания потребовало установления подлинных принципов свободы совести. Еще в конце XVII в. этих позиций придерживался Р. Уильямс, основатель колонии Род-Айленд¹⁹. Соединённые Штаты стали первым государством, в котором еще в 1786 г. было объявлено об отделении церкви от государства.

В канву революционных событий, захвативших территорию будущих США, удачно вписалась деятельность масонских лож. Они позиционировали себя в качестве центров пропаганды учения, основанного на принципах Разума и Добродетели. Их быстрое распространение в колониях Нового Света свидетельствовало о параллельной с Европой смене культурных парадигм, отмеченной доминированием просветительской идеологии.

Примечания

- 1 См.: *Mary R.L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P.: Éditions de Vecchi, 1993. P. 60.
- 2 См.: *Roberts A.E.* Freemasonry in American History. Richmond: Macoy Publishing & Masonic Supply Co., Inc., 1985. P. 7.
- 3 См.: *Demott B.J.* Freemasonry in American culture and society. Lanham; N.Y.; L.: Univer. Press of America, 1986. P. 15.
- 4 См.: *Франклин Б.* Избранные произведения / Пер. с англ.; Под ред. М.П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1956. С. 154.
- 5 Там же. С. 145–146.
- 6 См.: *Бейджент М., Лу П.* Храм и ложа. От тамплиеров до масонов / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. С. 264.
- 7 См.: The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson D.D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L.: Black Swan, 1756. P. 333.
- 8 См.: *Mary R.L.* Op. cit. P. 59–60.

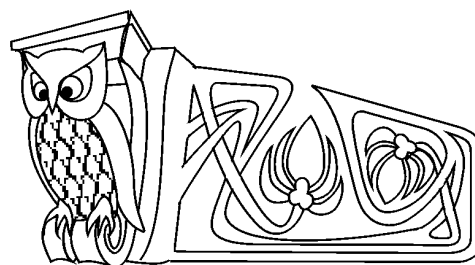

- ⁹ См.: Робинсон Д. Массонство. Забытые тайны / Пер. с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. С. 265–266; Morse S. Freemasonry in the American Revolution. Washington: The masonic service accociation of the United States, 1924. P. 11–12.
- ¹⁰ См.: Morse S. Op. cit. P. 94.
- ¹¹ Ibid. P. 13.
- ¹² См.: Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб.: Лань, 2003. С. 7.
- ¹³ См.: Palou J. La Franc-Maçonnerie. P.: Éditions Payot, 1964. P. 345.
- ¹⁴ См.: Bullock S.C. Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, УДК 9.001(420)»16/19» 1730–1840. Chapel Hill and L.: University of North Carolina Press, 1996. P. 50.
- ¹⁵ См.: Коннелл У. Республиканизм и Возрождение в англоязычной историографии второй половины XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2005. Вып. 14. С. 233.
- ¹⁶ См.: Lipson D.A. Freemasonry in Federalist Connecticut. Princeton: Univer. Press, 1977. P. 46–72.
- ¹⁷ См.: Томас Джефферсон о демократии / Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1992. С. 50.
- ¹⁸ Пейн Т. Здравый смысл // Избр. соч. / Пер. с англ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 36.
- ¹⁹ См.: Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории. Роджер Уильямс. 1603–1683. М.: Наука, 1993.

«ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» УИЛЬЯМА ГОДВИНА

Н.С. Креленко

Саратовский государственный университет,
Кафедра истории нового, новейшего времени и международных отношений
E-mail: krelenkop@mail.ru

Статья касается рассмотрения интеллектуального наследия английского философа, писателя и историка Уильяма Годвина (1756–1836). Он прошел путь, типичный для английского интеллектуала, жившего в период Просвещения, Революции и Романтизма. Исторические взгляды Годвина мало известны современной академической аудитории. «История английской республики» У. Годвина была написана в 1824–1818 гг. в период большого политического кризиса. Тогда британские историки искали ответы на общественные проблемы в прошлом. Автор анализирует положения годвиновской «Истории республики». Была ли историческая концепция Годвина исключительной для своего времени?

Ключевые слова: Английская революция, Годвин, реформы, анарфизм, республика.

«History of the Commonwealth of England» of William Godwin

N.S. Krenenko

The article deal with the intellectual legacy of the English philosopher, writer and historian William Godwin (1756–1836). His was typical way of English intellectual who had to live through the Enlightenment, the Revolution and Romanticism. The Godwin's historical ideas are a little known to contemporary academic audience. «History of the Commonwealth of England» of W. Godwin was written in 1824–1828 in the period of the great political crisis. Then British historians look for the answer of the public problem in the past. The author analyses the notion of Godwin's «History of the Commonwealth». Was the of Godwin's historical conception an exception from his time?

Key words: English revolution, Godwin, reforms, anarphism, commonwealth.

Всякое историческое исследование несет на себе отпечаток времени, когда оно создавалось,

места, где оно создавалось, а также личности создателя, сформированной обстоятельствами его жизни. Степень интереса, а также восприятие того или иного исторического периода потомками в значительной степени связаны с проблемами, переживаемыми обществом на разных этапах его существования. Так, вопрос о необходимости реформирования избирательной системы, волновавший Великобританию первой четверти XIX в., пробудил внимание к тому историческому периоду, когда особенно бурно шел поиск путей обновления общества, его переустройства, то есть к событиям гражданских войн середины XVII в., вызванных кризисом в делах конституционных и идейно-религиозных. Причем британцев начала XIX в. более всего волновал именно политико-конституционный аспект этих событий. Показательно, что именно в эти десятилетия появилось несколько исследований, в которых кризис, внешним проявлением которого стал вооруженный конфликт между короной и парламентом, стал стержнем или важной составляющей всего построения¹. Авторы этих сочинений отличались по своим политическим симпатиям, но имели нечто общее – образование, на базе которого сформировалось их мировоззрение, включая исторические взгляды. Каждый из них был юристом, прошедшим через *Оксбридж* и юридические *инны*, каждый был «протестантом, сторонником прогресса, вигом и образцовым джентльменом XIX века»². Присущее им отношение к прошлому позднее в англоязычной историографии было названо «*либерально-вигской интерпретацией истории*»³. Для него свойственно находить в

прошлом предпосылки настоящего, соотносить весь исторический процесс с ценностями своего времени, разделять прогрессивные и реакционные тенденции, способствующие или препятствующие «историческому прогрессу», видеть в истории «политику, опрокинутую в прошлое».

Среди сочинений, написанных в период борьбы за парламентскую реформу на тему английской революции, особое место занимает четырехтомная «История английской республики» Уильяма Годвина. Ее автор был много старше основных фигурантов времени борьбы за реформу, круг его интеллектуальных интересов был очень разнообразен и очень неоднозначен.

Уильям Годвин прожил долгую жизнь с 1756 по 1836 год⁴. За время его жизни сменилось два культурно-исторических периода в истории Европы: Просвещение и Романтизм. Годвин оставил заметный след в культуре Просвещения и в культуре Романтизма. Нельзя не отметить еще одного обстоятельства – по происхождению он принадлежал к тем кругам культурного андеграунда, который был представлен религиозным радикализмом (*диссентерством*), ведущим истоки от пуританства XVII в. Можно выделить три периода в жизни этого человека, три культурно-исторических пласта: диссентерство, Просвещение, Романтизм. Необходимо отметить и разнообразие творческого наследия нашего героя: Годвин представляет интерес для изучающих политическую мысль⁵, литературу⁶ и историографию⁷.

И, наконец, особый интерес представляет знакомство с тем кругом людей, с которыми общался У. Годвин, кто составлял его семью⁸. Не всякий выдающийся человек имеет знаменитую жену (первой супругой У. Годвина была Мери Уолстонкрафт), знаменитую дочь (Мери Шелли прославилась в качестве создательницы «Франкенштейна») и знаменитого зятя (поэта-романтика Перси Шелли).

По происхождению и образованию Годвин заметно отличался от большинства авторов, писавших на историко-политические темы. Он родился в Кембриджшире, где влияние пуританских настроений сохранялось с тех времен, когда Кромвель начал в этих краях комплектовать свои отряды «железнобоких». Отцом У. Годвина был священник-диссентер, обучался Уильям в диссентерских учебных заведениях, приобретая там «неколебимую веру в то, что всякое вмешательство государственной власти в сферу религии противно Священному писанию»⁹. По окончании учебы с 1778 по 1783 г. он был диссентерским проповедником. Однако довольно скоро отошел от кальвинистской религиозности к атеизму, а затем к деизму. В эти же годы под влиянием идей столь разных мыслителей как Гольбах, Руссо, Берк и Пристли У. Годвин пришел к мысли, что из всех форм устройства государства наименее плоха для рядовых членов общества республиканская форма правления.

Интерес к политическим проблемам тесно переплетается для Годвина с интересом к истории. Первой пробой пера в этом направлении стали «История жизни Уильяма Пита, графа Чэтема» (1782 или 1783?) и «История внутренних событий в Соединенных провинциях от 1780 до 1787 г.» (1787), «Размышления о лорде Гренвиле и биллях м-ра Питта» (1795). Характерно, что в центре внимания в каждой из названных работ находится история политической жизни, политической борьбы, а главным в объяснении описываемого материала он признает беспристрастность.

Широкую известность У. Годвин приобрел политическими трактатами в годы Великой французской революции, когда грохот сражений общеевропейской бойни дополнялся очередной «памфлетной войной» между сторонниками двух идейных систем – торжествующим Просвещением и формирующимся Романтизмом. Годвин принял участие в знаменитой полемике, возникшей в английской публицистике по случаю появления памфлета Э. Берка «Размышления о революции во Франции» (1790), написав «Наблюдения над французской революцией» (1795).

Однако главным для понимания развития воззрений У. Годвина стало появление большой работы «Исследование о политической справедливости»¹⁰. Этот теоретический трактат представляет собой типичный для просветительства вариант поиска универсальных закономерностей, определяющих жизнь человеческого общества. «Политическая справедливость» сделала имя Годвина широко известным в середине 90-х гг. XVIII в.¹¹

Одновременно Годвин написал и издал ряд романов, самые известные из них: «Калеб Вильямс, или Вещи, как они есть» (1794)¹², «Сент-Леон» (1799), «Флитвуд, или Новый человек чувства» (1805). Историки литературы относят их к так называемым «якобинским романам», которые вполне справедливо назвать предтечами «социальных романов». Для нас интересно одно обстоятельство: ряд персонажей этих произведений носит имена людей, фигурировавших во времена английских гражданских войн. Мятущийся аристократ Фолкленд, генералы-республиканцы Ламберт и Флитвуд исторически имели другие судьбы, но любопытен сам факт использования этих «говорящих имен». Впрочем, возможно, использование их было случайным.

И, наконец, в середине 20-х гг. появилась «История английской республики»¹³. Считать позднее историческое сочинение У. Годвина «заблудившимся во временах» нет оснований, ко времени написания своей «Истории» он далеко ушел от просветительских подходов к видению прошлого. К этой теме он обратился исходя из политической конъюнктуры предреформенной Британии, когда перспективы новых революционных потрясений казались вполне возможными.

Приступая к написанию своего труда, Годвин подчеркнул, что «нет периода в истории этого острова, который был бы так мало исследован, как характеры и деятельность людей, направлявших ход общественных дел в Англии с 1649 по 1660 годы»¹⁴. Свою задачу он видел в том, чтобы «восстановить правильный тон исторического восприятия данного предмета»¹⁵. Эта мысль перекликается с его стремлением быть «беспристрастным» при написании ранних исторических сочинений, а также с названием основного политического труда Годвина «Политическая справедливость». Тем самым он декларировал стремление отойти от политизированности при освещении событий прошлого, свойственной современным ему исследованиям, продолжить свой поиск «справедливости».

Заметно отличается источниковая база его работы. В качестве своего основного источника он указал на официальные документы, такие, как журналы парламентских палат. Обращение к этому источнику было новаторством, профессиональной находкой. В предисловии Годвин отметил: «Прежде всего, я был удивлен тем, насколько этот источник мало исследован, но позднее я понял причину этого. Журналы палаты общин не публиковались до 1742 г., а палаты Лордов до 1767 г.»¹⁶.

Свойственный романтическому менталитету повышенный интерес к национальному прошлому, желание восстановить все звенья в цепи времени и убеждение в том, что настоящее является производным от прошлого – все эти черты присутствуют в «Истории английской республики» У. Годвина. Он писал: «Наш образ мышления, наши пристрастия и антипатии, наша система судопроизводства, наш образ жизни, наша смелость или малодушие, наши достижения или наши неудачи во многом восходят к нашим предкам»¹⁷.

Проблема преемственности поколений чувствуется за строками годвиновской «Истории». Автор постарался за провозглашенными участниками событий декларациями разглядеть суровую реальность неразрывной связи «корней и ветвей». «Каждая раса людей не сразу преодолевает тот уровень, который был ею унаследован: на этом пути, где поколения уходят и исчезают, нация сохраняет в целом ощущение бессмертия»¹⁸. Высказанная мысль близка идеям органического развития общества, разработанным в конце XVIII в. Э. Берком. Думается, что в этом проявилось не столько прямое влияние (хотя и его не стоит отменить), сколько созвучие идей общим умонастроением мыслителей, живших в одну историческую эпоху.

Период английской республики, его место в истории страны Годвин рассматривал исходя из идеи преемственности. Важно отметить, что историк перенес акцент с разрыва на преемственность в жизни общества. За четверть века до того Э. Берк, защищая идею о преемственности в жизни общества, отрицал за периодом английских гражданских войн право быть включенным в этот процесс. Для Годвина смысл этого периода – не только вынужденный

отпор посягательствам деспотической власти, не только пример смелой борьбы за Свободу, не только стихийная сила очистительного наводнения, а одно из звеньев в цепи, которая составляет единое целое английской истории.

В глазах У. Годвина республика представляла собой наименьшее зло в сравнении с другими системами правления¹⁹. К этой мысли он пришел еще в 90-е гг. XVIII в., работая над трактатом «Политическая справедливость». Исследуя опыт индентской республики, он пришел к выводу, что это был прежде всего «великий и опасный эксперимент, который был проведен над обитателями этой страны теми, кто в середине XVII века решился навязать английской нации прекрасное, как им казалось, республиканское правление»²⁰. Не злой умысел, не амбиции честолюбцев, не стихийный взрыв недовольства, не невежество поколения «святых», а искреннее заблуждение является определяющим для него в оценке деятельности английских республиканцев. Крушение республики он объяснял отсутствием условий для ее существования в условиях общества того времени.

По мнению Годвина, новая форма правления может утвердиться только мирным путем. В Англии середины XVII в. республиканцев было не много, лишь малая часть населения поддерживала и была в состоянии оценить возможности, даруемые республиканской формой правления. Если бы между началом революционного движения и провозглашением республики прошло больше времени, и если бы в этот промежуточный период идеалы республики активно пропагандировались, то эта форма правления могла бы утвердиться. Если бы между началом конфликта и провозглашением республики имел бы место достаточно длительный период пропаганды в пользу республики, то в стране появилось бы достаточно много приверженцев этой формы правления и она могла бы восторжествовать. К числу пропагандистов республиканской идеи Годвин причислил А. Сидни и Д. Локка в Англии, Ш. Монтескье и Ж.Ж. Руссо во Франции. Однако в той ситуации, которая была налицо, республика была изначально обречена, поскольку доброе дело пытались навязать людям силой. Таков был взгляд Годвина на место республики в общей картине английской революции.

Что касается других проблем, связанных с этим сюжетом, то при их рассмотрении Годвин придерживался в основном традиционных подходов и объяснений. Так, происхождение революции он тесно связал с промахами королевской политики («светские узурпации Коронь»), а также с характером и поведением руководства господствующей англиканской церкви («деградировавшая и полная злоупотреблений англиканская церковь»).

По другую сторону баррикады он поставил «симпатии выдающихся лидеров парламента... в отношении шотландской нации». В качестве главного побудительного мотива дается освободительный порыв: «противники Карла I боролись за свободу,

и они не имели выбора»²¹. Тем самым воспроизводится привычный набор составляющих «мест памяти», трактованных в вигском раскладе. Только цель избрана другая: деятельность нескольких поколений англичан, объединившихся под лозунгами парламентской оппозиции Стюартам, преподнесена как подготовка провозглашения республики, включая сюда выступления Э. Кока. По мнению Годвина, для «свободы англичан, можно сказать, никто не сделал больше, чем сэр Эдуард Кок»²². Теоретические изыскания верховного судьи времен правления Якова I анархиста Годвина мало интересовали, для него важен был факт противостояния Э. Кока политике Короны.

Пуританский энтузиазм был совершенно чужд и неприемлем для него, но, будучи последовательным приверженцем свободы совести, он сочувствовал пуританам как людям, страдающим за свои убеждения. Ведь «истинной свободы и хорошего управления не может быть без свободы совести»²³.

Борьба за свободу заставила наиболее активную часть нации обратиться к республиканским идеалам, а дело республики он увязывает с деятельностью парламентской армии, отличающейся «любовью к свободе и к своей стране»²⁴. Сравнивая две противоборствующие армии, Годвин считал нужным отметить, что основой парламентской армии был солдат, а королевской – офицер. Республиканизм связывается им не с политической группировкой в составе армии, а с армией Новой модели как цельным политическим организмом, попытавшимся перенести собственную модель на уровень организации всего общества. Годвин считал: Новая модель исходила из убеждения – «республиканское управление ... более подходит для англичан в тех условиях»²⁵. Уязвимость этой позиции заключалась в том, что республиканская идея не имела вне армии большого числа приверженцев. Вот это в расчет не было принято.

Отдельный интерес представляют рассуждения автора «Истории республики» о связи между судьбой короля и судьбой республики: Карл Стюарт «был главным агрессором и причиной гражданской войны»²⁶, но казнь короля «придала его персоне священный ореол, которым он прежде не обладал»²⁷. Для него представлялось очевидным, что «день, когда Карл взошел на эшафот, совершенно очевидно приблизил реставрацию его династии»²⁸. Предшественники Годвина рассматривали личную судьбу короля Карла, не связывая ее с престижностью определенной формы правления. К числу факторов, повлекших за собой крушение республики, отнес он и разгон Кромвелем в апреле 1653 г. Охвостья Долгого парламента.

Если коснуться вопроса о трактовках историком основных персонажей той исторической драмы, то особое внимание уделено, конечно же, личности О. Кромвеля. Измена «старому доброму делу» вызвала нарекания Годвина, но в целом

правление Кромвеля представлено им как весьма успешное, но не приведшее к созданию крепкой новой династии из-за недостатка времени. Ссылаясь на Уайтлока, Годвин отметил, что решение Кромвеля стать королем «усилило ненависть роялистов, людей высокого положения, сторонников епископата, фанатиков и левеллеров»²⁹. Политика Кромвеля определялась тем, что «он управлял народом, который был ему враждебен. Поэтому его правление было временем экспериментов. Он постоянно делал вещи, которых не хотел делать»³⁰. Этот мотив – действий против воли – позднее будет разрабатываться другими исследователями действий Кромвеля-правителя.

«История английской республики» У. Годвина объединила в себе идеи и подходы, характерные для нескольких предшествующих этапов разработки этой темы. Политизированность в этой работе проявилась довольно слабо, гораздо ошутимее в ней тенденция, при которой события прошлого выступают в качестве объекта чисто познавательного интереса. От многих современников Годвина отличает трезвый анализ событий прошлого и отсутствие морализаторского тона, столь обычного для исторических сочинений той поры.

Примечания

- ¹ Следует отметить серию романов «уэверлейского цикла» В. Скотта, в значительной степени повлиявших на исторические воззрения целого поколения британцев, ряд исторических эссе Т. Маколея середины 20-х гг., посвященных отдельным историческим персонажам XVII в., таким как Д. Гемпден и Д. Мильтон, а кроме того, такие работы, как: *Brodie D. Constitutional history of British empire from the accession of Charles I to the Restoration of Stuarts.* L., 1822; *Hallam H. Constitution history of England from Henry VII to the death of George II.* 2 vols. L., 1827–1828.
- ² *Butterfield H. The whig interpretation of history.* L., 1951. P. 4. Следует оговориться, что политическая принадлежность – виг или тори – в данном контексте отступает перед общностью мировоззренческой, «брендом» которой служит виг, превращающийся в либерала.
- ³ Основательный анализ содержания этого понятия см.: *Butterfield H. Op. cit.; Barroclough G. Main trends in history.* N.Y.; L., 1979.
- ⁴ Литература о Годвине огромна. Вот только некоторые из работ, посвященных его жизни и деятельности: *Brown F. The Life of William Godwin.* L., 1926; *Fleisher D. William Godwin.* L., 1951; *Woodcock G. William Godwin.* L., 1946; *Алексеев М.П.* Вильям Годвин // Учен. записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1939. Т. 26; *Кареев Н.И.* Вильям Годвин и его «Политическая справедливость» // Учен. записки Ин-та истории РАН-ОН. М., 1929. Т. 3. Достаточно полная библиография представлена: *Pollin B. Godwin Criticism: A Sinoptic Bibliography.* Toronto, 1967.
- ⁵ См.: *Clark J.P. The Philosophical Anarchism of William Godwin.* N.Y., 1962; *Kramnick I. On Anarchism and Real World: William Godwin and Radical England* // *The Amer.*

- Polit. Science Rev. 1972. Vol. 66; *Joll J.* The Anarchists. L., 1964; *Philip M. Godwin's* political Justice. Ithaca, 1986; *Rodway A.E.* Godwin and the Age of Transition. L., 1952; *Адлер Г.* Анархизм. СПб., 1906; *Бер М.* История социализма в Англии. М., 1923. Т. 1; Просветительское движение в Англии. М., 1991; *Чудинов А.В.* Размышления англичан о французской революции. М., 1996.
- ⁶ Например: *Block A.* The English Novel 1740–1850. L., 1939; *Kelly G.* The English Jacobin Novel. 1780–1805. L., 1976; *Соловьева Н.А.* У истоков английского романтизма. М., 1988; *Урнов Д.* Вильям Годвин – основоположник «социального романа» // Из истории западно-европейских литератур XVIII–XX вв. М., 1957.
- ⁷ Исторические исследования У. Годвина рассматриваются в основном «попутно»: в контексте его жизни и в ряду с работами современных ему историков. См.: *Richardson R.C.* Debate on the English revolution. L., 1977. С. 53–54.
- ⁸ См.: *Paul K.* William Godwin, His Friends and Contemporaries. L., 1876; *St. Clair W.* The Godwins and the Shelleys. The Biography of a Family. L., 1989.
- ⁹ *Кареев Н.И.* Указ. соч. С. 331.
- ¹⁰ *Godwin W.* En Enquiry Concerning Political Justice and its influence on General Virtue and Happiness. L., 1793.
- ¹¹ Именно идеи, разработанные в «Политической справедливости», дали основание со временем связать имя Годвина с анархизмом, более того рассматривать его в качестве основателя теории анархизма.
- ¹² Русский перевод: *Годвин В.* Калед Вильямс М.; Л., 1949.
- ¹³ См.: *Godwin W.* History of the Commonwealth of England from its commencement to the restoration of Charles II. L., 1824–1828. 4 vols.
- ¹⁴ *Godwin W.* History of the Commonwealth of England. L., 1824, P. V. Vol. 1.
- ¹⁵ Ibid. P. VI.
- ¹⁶ Ibid. P. X.
- ¹⁷ Ibid. Vol. 3. P. 17.
- ¹⁸ Ibid. P. 17.
- ¹⁹ Понятие «правление» означало для Годвина систему политических учреждений, установлений и государственных устройств. См.: Просветительское движение в Англии. С. 397.
- ²⁰ *Godwin W.* History of the Commonwealth. Vol. 3. P. 17.
- ²¹ *Godwin W.* Op. cit. Vol. 1. P. 358, 359, 72, IX.
- ²² Ibid. P. IX.
- ²³ Ibid. P. 41–42.
- ²⁴ Ibid. P. 138.
- ²⁵ Ibid. Vol. 3. P. 2.
- ²⁶ Ibid. P. 1–2.
- ²⁷ Ibid. Vol. 2. P. 689.
- ²⁸ Ibid. P. 692.
- ²⁹ Ibid. Vol 4. P. 598.
- ³⁰ Ibid. P. 597.

УДК 370.5 (470.44)

«РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ» ГАРВАРДА: ОТ ТРИУМФА К ПОЗОРУ

С.Ю. Шенин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени и международных отношений
E-mail: sheninsy@sgu.ru

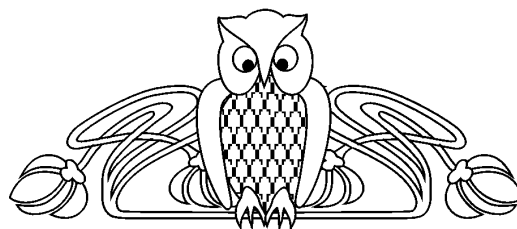
Данная статья посвящена изучению роли и места Гарвардского института международного развития в российских реформах 90-х гг. XX в., а также особенностям функционирования института в рамках гарвардского университета. Исследуется также характер влияния конкретных личностей из состава руководства института на развитие программ американской помощи России, а также обстоятельства прекращения функционирования института.

Ключевые слова: Гарвардский институт международного развития, Россия, шокотерапия, экономическая мощь, реформы.

The Harvard's «Russian Project»: from Triumph to Disgrace

S.Yu. Shenin

The article is devoted to the study of the role and place of Harvard Institute for International Development in the Russian reforms during 1990s and peculiarities of the Institute's functioning within Harvard University. Besides, the influence of the institute leading persons on the development of the American aid program to Russia and the circumstances of the institute's liquidation are also studied.

Key words: Harvard Institute for International Development, Russia, shockotherapy, economic assistance, reforms.

Конечно же, говоря о Гарварде, мы имеем в виду не весь всемирно известный университет, а только одно из его подразделений – Гарвардский институт международного развития (НИД). Тем не менее, можно сказать, что деятельность последнего на территории России если и не симптоматична, то достаточно показательна: западные институты, даже самые известные и высокопрофессиональные, не очень обременяли себя переживаниями о том, как они выглядят в глазах «туземцев» и каковы могут быть последствия их поведения для самих «колониальных» стран (каковой им представлялась Россия в начале 1990-х гг.).

Гарвард – старейший, крупнейший и авторитетнейший университет мира. Программы международного развития давно стали одними из его самых заметных «фирменных знаков».

Уже в начале 1960-х гг. в университете сформировалась группа специалистов, которые занимались консультированием иностранных правительств по проблемам развития. В 1974 г. на базе этой группы и был создан НИИД как междисциплинарный центр для координации усилий и ресурсов университета в сфере помощи переходным процессам от государственного управления к рыночным отношениям через научные исследования и подготовку кадров. Институт работал над проектами развития и переходных процессов в странах Азии, Африки, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы. Одной из наиболее успешных была программа помощи правительству Индонезии в реформировании ее налоговой системы и либерализации финансового рынка. В том же направлении институт работал в Колумбии, Кении, Пакистане и Зимбабве (кстати, в странах, где к настоящему моменту сложились очень сложные социально-экономические условия).

С начала 1990-х гг. наступила очередь России. Как известно, в октябре 1992 г., т.е. за несколько недель до своего поражения на выборах, Дж. Буш-ст. провел через конгресс «Закон о поддержке СВОБОДЫ», который уполномочивал правительство США начать программу помощи либерально-демократическим реформам в России. Для этого были выделены 350 млн долл., которыми должно было распоряжаться правительственное Агентство международного развития (US Agency for International Development – USAID).

Агентство, чтобы реализовать поставленные законом цели, заключало контракты с американскими неправительственными организациями (НПО) на выполнение в России определенных задач, связанных с осуществлением либерально-демократических реформ. Все НПО, прежде чем получить контракт, проходили через сито конкурсного отбора. Правда, было одно единственное исключение: Гарвардский институт международного развития получил свои контракты безо всякого конкурса.

Причиной такого исключительного отношения правительства США к одному из НПО были не только высочайший авторитет института и уникальная квалификация его сотрудников, но и уже налаженные к концу 1992 г. связи ученых НИИД с российской политической элитой. Ни у агентства, ни у других НПО таких связей не было.

Первым, кто наладил тесные отношения с российским правительством, был известный «маг шокотерапии» (имевший за плечами несколько «экономических чудес», прежде всего в Польше), гарвардский профессор экономики Джеффри Сакс. В августе 1991 г. он вместе со своим учеником Дэвидом Липтоном, а также Андерсом Аслундом прибыл в СССР для того, чтобы подготовить здесь основу для либеральных реформ. Из нескольких существовавших в России групп экономистов Сакс выбрал «команду»

Гайдара – Чубайса – Шохина, а затем, когда те возглавили правительство, он и А. Аслунд стали его консультантами¹.

Надо сказать, что Дж. Сакс был не единственным представителем Гарварда в России в 1991 г. Г. Элисон, руководитель гарвардской Школы управления им. Кеннеди, а также известный советолог М. Голдман из гарвардского Центра им. Дэвиса работали в этот момент в Москве и консультировали различные группы российских и советских политиков и экономистов, но Дж. Сакс, который к тому же представлял НИИД, был самым известным из них из-за своего польского опыта.

Находясь в Москве, Сакс встретил другого профессора экономики из Гарварда – совсем юного Андрея Шлейфера, который был послан с миссией от Мирового банка, а именно его главным экономистом Лоренсом Саммерсом. Последний, как ни удивительно, был не только профессором экономики Гарвардского университета, но и конкурентом Сакса в рамках факультета экономики. Эта конкуренция иногда переходила в открытую вражду. Шлейфер был учеником Саммерса, но со временем их отношения переросли в дружбу.

А. Шлейфер имел колоссальное преимущество перед другими специалистами по России, которые собирались в тот момент в Москве. Он родился в СССР и в совсем юном возрасте, в 1976 г., эмигрировал с родителями в США. Там он поступил в Гарвард и, будучи подающим большие надежды, был замечен своим преподавателем, Л. Саммерсом, который стал его активно опекать.

Вражда Сакса с Саммерсом автоматически переносилась и на их учеников. Тем не менее, Сакс встретив в Москве Шлейфера осенью 1991 г., познакомил его с членами правительства «младореформаторов». После чего было решено, что Шлейфер будет работать консультантом в команде Чубайса–Васильева, которая занималась приватизацией, в то время как Сакс консультировал Гайдара по вопросам макроэкономики.

Работа, как известно, шла очень активно. В 1991–1992 гг. десятки тысяч мелких и средних предприятий были приватизированы. Огромную роль в этом «успехе» сыграл Шлейфер и это позволило ему стать своим человеком среди российских «младореформаторов»².

Все эти обстоятельства и были важны для USAID, которое, естественно, пыталось найти для своих проектов самых квалифицированных специалистов, к тому же знакомых с ситуацией на месте, в России. Зная, что с Правительством РФ продолжают работать гарвардские профессора Дж. Сакс и А. Шлейфер, агентство выбрало в качестве главного контрактора именно Гарвардский университет и НИИД, который как структурное подразделение университета идеально подходил для такой работы.

Поскольку Сакс оставался советником российского президента, то во главе российского

проекта НИД был поставлен А. Шлейфер. Он, правда, не хотел бросать профессорство на факультете экономики и решил совмещать эти две должности. Оставаясь преимущественно в Кембридже, он посчитал возможным выбрать для управления проектом в Москве своего бывшего студента, тридцатилетнего профессора Джонатана Хэй. Хорошо говоривший по-русски Хэй был прекрасным теоретиком, но абсолютно не имел опыта практической работы. Тем не менее, очень скоро он сумел доказать, что может быстро заполнить и этот пробел.

Уже через несколько дней после принятия в октябре 1992 г. «Закона о поддержке СВОБОДЫ», НИД подал заявку на предоставление технической помощи России в сфере организации программы приватизации. Как уже было сказано, USAID заключило с институтом соглашение на финансирование программы без участия в конкурсе, что было очень необычно, но в общем не противоречило законам и внутренним правилам агентства.

Первый грант, который получил НИД от агентства для разработки программы приватизации в России, составил 2,1 млн долл. Затем соглашение продлевалось девять раз и пять раз увеличивалась сумма гранта. К середине 1994 г. представители американского правительства полагали, что программа приватизации стала самой успешной частью всей программы американской помощи России. В тридцати крупнейших городах России были созданы приватизационные центры, в результате деятельности которых 70% госсобственности (14 тыс. крупных и 60 тыс. мелких предприятий) были переданы в частные руки. При этом 40 млн российских граждан стали акционерами частных компаний и фондов. Около 60% всей рабочей силы оказались заняты к указанному моменту в частном секторе³.

Кроме того, институт расширил границы своей деятельности и получил гранты на программы разработки судебной реформы, экономического законодательства и рынка ценных бумаг. В целом под свой «гарвардский проект» НИД получил до конца 1996 г. значительную часть денег от USAID по внеконкурсным контрактам⁴ в размере 40,4 млн долл. и ожидал новую порцию в размере 17,7 млн долл. для обеспечения после 1996 г. «постприватизационной активности». Более того, институт получил от агентства функции контроля за значительной частью всей российской программы помощи – он стал координировать деятельность многих консалтинговых и аудиторских фирм, других крупных подрядчиков USAID, таких, как Arthur Andersen, Deloitte & Touche, Price Waterhouse, KPMG и т.д. Через эту сеть НИД контролировал гигантский поток помощи общей суммой в 350 млн долл.

Таким образом, основным «генератором» реформ в России с 1992 г. стала не миссия USAID в Москве, а группа советников из НИД, реализовавших свой «гарвардский проект». Решительно

настроенные гарвардские советники, полагая, что очень хорошо знают особенности процесса принятия решений в Москве, сделали ставку на максимально быстрый «авторитарный» метод легитимизации своих программ.

Если идти нормальным демократическим путем, то их программы должны были быть законодательно оформлены в прокоммунистической Думе, что было очень сложно сделать, хотя и возможно. Однако, пользуясь отсутствием устоявшихся процедур, советники полагали, что намного легче «протащить» их президентскими указами в обход Думы, не считаясь с тем, что при этом снижалась легитимность и устойчивость создаваемых институтов, а большинство в Думе неизбежно превращалось, мягко говоря, в недоброжелателей.

Чтобы реализовать такую методику, необходимо было опираться на каких-то людей, близких к Ельцину. Советники из НИД сделали ставку на «питерскую клику» А. Чубайса, которая, кроме доступа ее лидера к президенту, идеально подходила по идеологическим и другим критериям на роль посредника. Советники утверждали, что только члены группы являлись «настоящими реформаторами» (соответственно все остальные превращались в «ненастоящих») и на этом основании доверили им управлять большей частью помощи из USAID и финансовыми потоками из Всемирного банка и ЕБРР, значительно усилив таким образом ее политические позиции и влияние на Ельцина.

Обоснованием такого *modus operandi* была идея администратора USAID Б. Этвуда (а ранее об этом настойчиво говорил Дж. Сакс), что «размазывать» помощь тонким слоем по гигантской России бессмысленно – все равно не хватит. Поэтому ее надо концентрированно направлять только на поддержку группы «настоящих реформаторов» и важнейших реформ (концепция «пожарного шланга»). Сами реформаторы и гарвардские советники считали, что «помощь помогает реформе не потому, что напрямую помогает экономике – она просто слишком мала для этого, а потому, что она помогает реформаторам в их политической борьбе»⁵.

Главным следствием использования таких методов проведения реформ, по мнению критиков гарвардского подхода, являлась их слабая легитимность, слабость созданных в результате институтов (например, собственности) и соответственно невозможность обеспечить долгосрочную экономическую и социально-политическую стабильность. Все, что построено на личных связях (как в данном случае), рухнет, как только эти личности или связи исчезают. По-настоящему демократические институты должны строиться на процедурах, на законе, который требует широкого общественного или, по крайней мере, внутриэлитного консенсуса.

Сформированная же в России под руковод-

ством НИИД «вертикаль реформ» только создала почву для злоупотреблений и безответственности, для получения помощи и проведения реформ в интересах очень небольшой элитной группы. Все это неизбежно вело к дискредитации помощи и развитию антизападных, антиамериканских и антиреформистских настроений в других группах и в широких массах в целом. По опросам, проведенным в России весной 1995 г., 2/3 россиян полагали, что США проводят сознательную анти-российскую внешнюю политику⁶.

На фоне такой серьезной критики деятельности группы Шлейфера и Хэя в ректорат Гарвардского университета уже с декабря 1993 г. стали поступать сигналы из Москвы о том, что руководство проекта замечено в таких нарушениях местных и американских законов, как неуплата налогов, искажение отчетности, нарушение контрактных отношений с сотрудниками, нецелевые затраты и т.д. «Я не понимаю, почему Гарвард должен брать на себя огромную ответственность за сокрытие неуплаты налогов», – писал один из сотрудников офиса НИИД в Москве заместителю президента Гарвардского университета⁷.

Более того, с июля 1994 г. Шлейфер и его жена Нэнси Циммерман (талантливая финансистка, со-владелица и менеджер одной из инвестиционных фирм в Сан-Франциско) стали заниматься инвестированием в российские компании, которые были приватизированы при участии Шлейфера и которые получали техническую помощь USAID. Такое инвестирование было категорически запрещено правилами и агентства, и Гарварда. В дальнейшем парочка наращивала свою инвестиционную активность, покупая на сотни тысяч долларов акции нефтегазового сектора и используя инсайдерскую информацию из российского правительства. Затем они втянули в эту активность Дж. Хэя и его знакомую Юлию Загашину, которая работала в структурах, контролируемых НИИД⁸.

С 1996 г. Шлейфер и Циммерман пошли дальше в своих злоупотреблениях, создали собственную инвестиционную фирму («Новый мир»), заняли 5 млн долл. в американском банке и стали покупать знаменитые российские государственные краткосрочные облигации (ГКО), обходя при этом российские налоговые законы. Руководство НИИД (а с 1994 г. во главе института встал Дж. Сакс, уволившийся с поста советника российского президента) ничего не знало об инвестициях подчиненных и вообще очень мало внимания обращало на то, что делалось в Москве, отдав влияние там на откуп Л. Саммерсу, который занимал пост заместителя министра финансов в администрации Б. Клинтона.

Не исключено, что эти злоупотребления могли остаться незамеченными, но к несчастью для Шлейфера и Хэя они имели место на фоне нескольких очень серьезных конфликтов как внутри российского правительства, так и внутри американской администрации. Естественно,

что в ситуации жестокого противостояния противники, как правило, не позволяют друг другу такие вольности, как нарушение контрактных обязательств.

Первый конфликт имел место внутри российского правительства и заключался в борьбе Центробанка с комиссией по формированию финансового рынка «младореформатора» Д. Васильева за то, какие полномочия будут у ЦБ и по какой модели будет развиваться российская финансовая система.

Вторым более серьезным конфликтом стало нараставшее внутри американской администрации противоборство двух точек зрения на стратегию реформ и помощи России: «глобализация снаружи» или вращение в «глобализующийся мир» за счет внутреннего развития. По сути, это было продолжением старого спора между сторонниками неоклассических подходов, которые олицетворяло американское казначейство, сам Л. Саммерс и Гарвардская школа в целом, и защитниками кейнсианской методологии развития из госдепартамента и USAID.

Близкие личные отношения между руководителем российской миссии А. Шлейфером и министром финансов Л. Саммерсом означали, что гарвардская группа в основном реализовывала те планы, которые разрабатывались в американском казначействе. В то же время миссия USAID в Москве, с ее огромным штатом в 300 человек, была очень обидно и незаслуженно отодвинута на второй план. Более того, в начале 1997 г. после успешных перевыборов Б. Клинтона и Б. Ельцина начался новый этап помощи постсоветским республикам, который предполагал, что еще большие деньги должны были потечь из Вашингтона в Россию. Конечно же, исключительное положение НИИД в Москве обеспечивало ему и экономическим схемам Саммерса особые преимущества и доступ к этим потокам. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, госдепартамент и USAID, имевшие, как отмечалось, свое собственное видение новой программы помощи, сразу после выборов начали настоящую войну против НИИД.

Повод для подрыва позиций НИИД (который являлся и главной опорой для неоклассической модели развития, и основным распределителем денежных потоков) искался давно. Еще в начале 1996 г. USAID обратило внимание на несвоевременную и неполную отчетность московской миссии института. Эта информация была доведена до комитета по международным отношениям конгресса, который тогда же, в марте 1996 г., уполномочил GAO (General Accounting Office – аналог российской Счетной палаты) начать проверку «гарвардской программы».

Такой поворот событий серьезно перепугал А. Шлейфера. Чтобы не допустить разоблачения его коммерческой деятельности, он обратился к услугам известного адвоката Майкла Батлера, который ранее успешно работал с GAO. В резуль-

тате тот смог переключить внимание слишком любопытных ревизоров с мелких финансовых злоупотреблений на тактико-стратегические проблемы, и для московской миссии Шлейфера все кончилось хорошо⁹.

Так, в очень мягкой форме отчет GAO констатировал, что НИИД контролировал неоправданно большую часть всей программы помощи USAID (включая контроль над программами других контракторов), был слишком независим от агентства, ориентировался в основном на поддержку самих «младореформаторов», а не на проведение собственно реформ, и опирался не на принятие реформистских законов Думой, а использовал декреты президента (что, как отмечалось, обуславливало нестабильность результатов реформ).

Далее, указывалось в отчете GAO, все три главные проекта НИИД, хотя и были «запущены», но так, что, мягко говоря, имели не очень ясные перспективы, а некоторые из них были просто провалены. Во-первых, хотя комиссия по ценным бумагам была сформирована, у нее не было ресурсов для продолжения существования без американской помощи; кроме того, попытки создать фондовые площадки в крупных городах, включая Москву, провалились (некоторое время работала площадка только во Владивостоке).

Во-вторых, несмотря на то, что в первоначальном «гарвардском проекте» институт обязался обеспечить разработку и принятие девятнадцати важнейших для функционирования российского рынка законов, им было проведено через Думу только три закона (о страховании, совместных кампаниях и рекламе) и еще в трех принятых законах его эксперты выступали как соавторы.

В-третьих, хотя приватизационная структура была создана и начала успешно работать в разных городах России, отчет выражал неуверенность в том, что она будет и дальше функционировать на «самоподдерживающей» основе, поскольку оказалась слишком затратной. Кроме того, структура практически не дала результатов в плане продвижения земельной реформы¹⁰.

Таким образом, ничего криминального GAO обнаружено не было, все ее выводы касались лишь дискуссионных вопросов тактики реформ и степени самостоятельности института. Шлейфер настолько был рад такому исходу, что даже попросил тогдашнего президента Гарвардского университета Нейла Руденштейна поблагодарить письменно адвоката Батлера, спасшего, по сути, институт и престиж всего Гарварда.

На фоне все же отмеченных слабостей «гарвардской программы» конкурент института, USAID, стало усиливать свою миссию в Москве, одновременно продолжая попытки подорвать влияние НИИД. В первую очередь в конце 1996 г. был заменен директор миссии: ветеран агентства с 20-летним стажем Джанет Баллантайн, работавшая ранее в Перу, сменила не очень активного Джима Норриса¹¹.

В конце февраля 1997 г. к Баллантайн стали поступать от сотрудников агентства сведения, что люди, близкие к Шлейферу, в частности, Дж. Хэй и его подруга Элизабет Хеберт, злоупотребляли своим служебным положением. Новый директор сразу же поручила своему юридическому советнику проверить гарвардскую программу. В конце марта 1997 г. этим занялся уже главный инспектор USAID, который назначается президентом и отчитывается только перед конгрессом. Главный инспектор сразу же послал в Москву двух агентов для специального расследования.

Результатом проверки стал грандиозный скандал. Десятого апреля USAID поставило Дж. Сакса в известность о возможных злоупотреблениях в московской миссии НИИД и попросило помочь в расследовании, а к середине мая обвинения были сформулированы. Двадцатого мая было публично объявлено, что два ключевых члена гарвардской программы, А. Шлейфер и Дж. Хэй, «злоупотребляли доверием правительства США и использовали свои связи ... для личного обогащения»¹².

Обвинения были выдвинуты несмотря на то, что такой скандал мог поставить под сомнение все достижения предыдущего периода, поскольку противники курса реформ в России давно и активно обвиняли американскую сторону в нечестности. Официальные обвинения руководителей гарвардской программы, по сути, подтверждали, что реформы в России совершались людьми с «грязными руками».

Суть обвинений сводилась к тому, что для частной коммерческой активности эти люди использовали финансовые ресурсы, кадры и авторитет американского правительства, что не совпадало с целями последнего в России: не коммерческая прибыль, а успешное проведение социально-экономических реформ являлось главным приоритетом, для чего собственно НИИД и нанимался¹³.

А. Шлейфер и Дж. Хэй стали категорически отрицать обвинения, утверждая, что эта коммерческая активность осуществлялась независимыми от НИИД структурами при полной осведомленности чиновников USAID, что они имели право инвестировать в рынок облигаций, поскольку не являлись советниками по вопросу создания фондового рынка, а также потому, что правила НИИД якобы не запрещают инвестировать в облигации¹⁴. В личных разговорах с Дж. Саксом А. Шлейфер пытался изобразить расследование как «вендетту», которая организована «врагами» Гарварда, конкурирующими университетами, у которых НИИД отнял гранты и работу в России¹⁵.

Официально первым отреагировал на публичные обвинения первый вице-премьер российского правительства А. Чубайс. В письме администратору USAID Б. Этвуду он потребовал приостановить работу института в России. На основании этого письма контракты USAID с НИИД были аннулиро-

ваны уже 20 мая, а проекты разработки налогового кодекса и постприватизационной поддержки, под которые были выделены десятки миллионов долларов, отменены.

Представители Гарвардского университета и руководитель НИИД также отреагировали практически мгновенно, поскольку знали насколько серьезными могут быть последствия подобных обвинений. Дж. Сакс заявил, что «мы беспощадны ко всем, кто связан с проектами НИИД и одновременно инвестирует в страны, которые они же консультируют»¹⁶. Представитель президента Гарвардского университета высказался в том же ключе: «Специалисты, работающие над зарубежными проектами НИИД, так же как и члены их семей, не могут делать финансовые инвестиции в стране, где этот проект осуществляется»¹⁷. Сами А. Шлейфер и Дж. Хэй уже в мае были уволены Дж. Саксом из НИИД, хотя Шлейфер остался профессором факультета экономики.

Такая мгновенная реакция на обвинения означала, что руководство Гарварда и НИИД хотело бы локализовать конфликт в рамках моральных норм и внутренних университетских правил и таким образом спасти хотя бы часть гарвардских программ в России. Однако USAID это не устраивало – агентство стремилось вывести НИИД из игры полностью. Поэтому оно стало настаивать на уголовном характере деятельности Шлейфера и Хэя, и в результате министерство юстиции начало свое федеральное расследование инцидента.

Как следствие, вся российская программа НИИД была парализована. Одновременно институт стал удобным «козлом отпущения», и на него как на главный генератор идеологии реформ стали сваливать и бессмысленность шокотерапии, и провал российских либерально-демократических преобразований в целом. Таким образом, Гарвард был выведен из игры в России, а вместе с этим еще больше снизилось влияние Л. Саммерса и его неоклассической группировки на российские реформы и программу помощи¹⁸.

Решающим это событие оказалось и для другого конфликта, в который были втянуты «младореформаторы». Уже 30 мая А. Чубайс был вынужден уступить в борьбе с Центробанком, которому (а не комиссии по ценным бумагам Д. Васильева) отдавалось право на лицензирование российских банков, желающих работать на рынке ценных бумаг¹⁹.

Не сумев спасти российскую программу института, Дж. Сакс тем не менее продолжал осуществлять еще около 60 других международных программ НИИД. Однако начавшееся федеральное расследование угрожало еще более серьезными последствиями для Гарварда, и поэтому руководство университета сформировало специальную экспертную комиссию, целью которой было определить дальнейшую судьбу института. Дж. Сакс, почувствовав (или зная) обреченность структуры, сразу же, в мае 1999 г., уволился из

института и сконцентрировал свою активность на создании Центра международного развития (CID – Center for International Development) в рамках Гарвардского университета. Предполагалось, что эта новая структура будет в большей степени заниматься теорией, чем практикой международного развития²⁰. В январе 2000 г. экспертная комиссия объявила о необходимости ликвидировать НИИД, что и было немедленно исполнено.

В сентябре 2000 г. совместное расследование министерства юстиции и ФБР закончилось предъявлением обвинения со стороны американского правительства Гарвардскому университету, А. Шлейферу, Дж. Хэю, Н. Циммерман и Э. Хеберт по 11 пунктам, которые включали в себя мошенничество, нарушение контрактных обязательств и предоставление ложных сведений федеральному правительству.

Только в августе 2005 г. стороны пришли к соглашению. Не доводя дело до суда, Гарвардский университет должен был выплатить американскому правительству 26,5 млн долл. за нарушение контрактных обязательств. Судом присяжных было признано, что именно А. Шлейфер (а не Дж. Сакс) руководил российской программой. В результате он и Дж. Хэй обязались выплатить по 2 млн долл. Н. Циммерман должна была выплатить 1,5 млн долл. После этого группа столкнулась с новыми судебными исками со стороны НПО, которые пострадали в результате ее деятельности в России.

«Духовный отец» этой группы, Л. Саммерс, как ни странно, в марте 2001 г. стал ректором Гарвардского университета. На этом посту он сделал многое, чтобы защитить Шлейфера и в то же время «выдавить» Дж. Сакса из университета. В 2004 г. Сакс оставил пост руководителя CID и ушел в Колумбийский университет. Правда, по Гарварду циркулировали слухи, что это случилось не столько из-за происков Саммерса, сколько из-за того, что к этому времени в среде американской научной общественности окончательно сформировалось мнение о вине неоклассиков и шокотерапевтов в провале российской стратегии США, и Сакс, как один из вдохновителей этого курса, превратился в «некомфортную» для престижнейшего университета фигуру.

Правда, президент университета Л. Саммерс ненадолго «пересидел» своего конкурента. Его поддержка А. Шлейфера, хотя и была непубличной, тем не менее сыграла роковую для него роль. После признания в 2005 г. группы Шлейфера и Хэя виновной многие известные фигуры Гарварда стали выражать недоумение, почему Шлейфер, который своим мошенничеством опозорил университет, а потом заставил Гарвард платить штраф правительству США в размере 26,5 млн долл., все еще работает на факультете экономики. Стали появляться статьи о тесных связях Саммерса с НИИД и Шлейфером, о его роли в провале всего русского шокотерапевтического проекта²¹. Все

это, а также регулярные дискриминационные высказывания Саммерса в адрес противоположного пола и афро-американцев стало основанием для катастрофического падения его авторитета в университете и привело к отставке в феврале 2006 г.

Тем не менее, и Лари Саммерс, и Андрей Шлейфер (получивший за последние годы несколько престижных наград по экономике) продолжают оставаться профессорами факультета экономики Гарвардского университета.

Примечания

- ¹ См.: *Aslund A.* Building Capitalism: the Transformation of the former Soviet Block. Cambridge, 2002. P. xiii.
- ² См.: *McClintick D.* How Harvard Lost Russia // Institutional Investor Magazine. 2006. Jan.
- ³ См.: *Jones S.Su.* Embarked on a New Path // Harvard Intern. Rev. Winter 1994/1995. Vol. 17, Is. 1. P. 56.
- ⁴ GAO признала это законным: US GAO. Foreign Assistance. Harvard Institute for International Development's Work in Russia and Ukraine. Washington, 1996. P. 4.
- ⁵ *Boyko M., Shleifer A., Vishny R.* Privatizing Russia. Cambridge; Massachusetts, 1995. P. 142.
- ⁶ См.: *Клямкин И.* Электорат демократических сил. Анализ электората политических сил России. М., 1995. С. 16–17.
- ⁷ *McClintick D.* Op. sit.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ US GAO. Foreign Assistance. Harvard Institute for International Development's Work in Russia and Ukraine. P. 3–11.
- ¹¹ См.: USAID Fighting Shrinking Funds // The Moscow Times. 1996. Nov. 20. P. 11.
- ¹² *Liesman S., Robbins C.A.* Aborted Mission: How an Aid Program Vital to New Economy of Russia Collapsed // Wall Street J. 1997. Aug. 13. P. A1.
- ¹³ См.: *Kurkjian S.* Officials of Harvard Program that Aided Russia are probed // The Boston Globe. 1999. Jan. 15. P. A1.
- ¹⁴ См.: *Liesman S.* Harvard Dismisses Advisers to Russians // Wall Street J. 1997. May 27. P. A14; *Warsh D.* Fair Harvard // The Boston Globe. 1997. May 25. P. A1.
- ¹⁵ См.: *McClintick D.* Op. cit.
- ¹⁶ *Liesman S.* Harvard Dismisses Advisers to Russians ...
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ См., например: *Liesman S., Robbins C.A.* U.S. Alleges Abuses by Advisers to Russia // Wall Street J. 1997. May 21. P. A10; *Warsh D.* Fair Harvard. P. E1; Larry Summers, Global Guru // The Economist. 1997. Oct. 18; *Filipov D.* Audit Backs a Harvard Adviser in Russia // The Boston Globe. 1997. Aug. 7. P. A2.
- ¹⁹ См.: *McClintick D.* Op. sit.
- ²⁰ См.: *Stern J.* Harvard Economic Institute's Management Troubles Darken Future // University Wire. 1999. Nov. 9.
- ²¹ См.: *Ivry S.* Did an Expose Help Sink Harvard's President? // The New York Times. 2006. Feb. 27. P. C3.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК [94:327] (470–89+485)“1615/1618”

ПОРХОВ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1615–1618 ГОДЫ)

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Работа Я.Н. Рабиновича посвящена одной из малоизученных страниц Смутного времени на Русском Севере. В статье исследуется судьба одного из малых городов России, оказавшегося в эпицентре событий, связанных с борьбой Пскова против Новгорода и шведских интервентов. Подробно рассмотрена запутанная хронология событий Смуты в районе Порхова. Автор исследует события 1615 г., связанные с попытками шведов захватить Псков, выясняет роль Порхова, как тыловой базы шведов. Также рассматривается дальнейшая судьба Порхова, вплоть до 1617 г., когда по условиям Столбовского мира крепость была возвращена шведами Русскому государству.

Ключевые слова: столбовский договор, Эверт Горн, Иван Мещерский, Геннинг Грасс, Порховский уезд, Архив Делагарди, Псков, Герман Андреевич Замятин, шведский король, Видекинд, Смутное время.

Porhov on the Last Stage of the Time of Troubles (1615–1618)

Y.N. Rabinovich

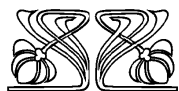
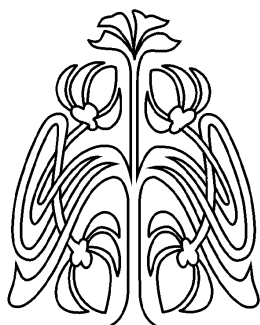
The article by Y.N. Rabinovich is dedicated to that period in the Time of Troubles in the Russian North which hadn't been studied in detail by other historians. The article regards the destiny of one of the small towns of Russia, which was involved into the flood of events, related to the struggle of Pskov against Novgorod and the Swedish interventionists. The tangled chronology of the Times of Troubles in the district of Porkhov is studied thoroughly. The author regards the events of 1615, related to the attempts of the Swedes to conquer Pskov, clarifies the role of Porhov as a base of the Swedes. The following history of Porhov is also tracked down up to 1617, when the fortress was returned to the Swedes by the Russian state according to Stolbovsky agreement.

Key words: the Stolbov agreement, Evert Horn, Ivan Mestchersky, Genning Grass, Porkhov uyezd, Delagardi's archives, Pskov, German Andreevich Zamyatin, the king of Sweden, Videkind, the Time of Troubles.

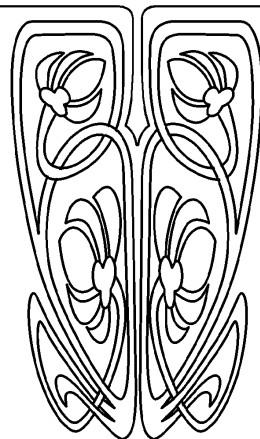
В конце февраля 1609 г. Василий Шуйский для борьбы с Лжедмитрием II заключил союзный договор со Швецией¹. В течение 1609 – начале 1610 г. союзному русско-шведскому войску Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Якова Делагарди удалось освободить северные и замосковные города от тушинцев². В марте 1610 г. русско-шведские войска торжественно вошли в Москву. Ближайшей задачей становится деблокада Смоленска, осажденного поляками. Но через месяц, в апреле 1610 г., Скопин-Шуйский умирает, а 24 июня 1610 г. русско-шведское войско потерпело тяжелое поражение от поляков при Клушино³, после чего Яков Делагарди дал слово польскому гетману Жолкевскому разорвать союз с царем Василием и отступил к Новгороду.

Все дальнейшие действия бывших союзников следует расценивать как начало шведской интервенции на северо-западе Русского государства. При этом Делагарди действовал в соответствии с инструкциями шведского короля, который еще 30 июня 1609 г. дал прямые указания своему военачальнику занять крепости на северо-западе России⁴.

Обстановка в России благоприятствовала осуществлению захватнических планов шведов. В это время главные события происходили

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

под Москвой, где жители в августе 1610 г. присягнули польскому королевичу Владиславу, в город был введен польский гарнизон. После неудачного восстания в Москве против поляков (март 1611 г.) все усилия русских людей были направлены на освобождение столицы от польских захватчиков. С этой целью лидер Подмосквовного ополчения Ляпунов в 1611 г. и руководители Нижегородского ополчения Минин и Пожарский в 1612 г. вступили в союзные отношения со шведами⁵.

Уже летом 1610 г. шведские войска под руководством Якова Делагарди, «видя в Московском государстве такое нестроение», приступили к планомерному захвату Новгородской земли. В течение 1610–1612 гг. шведы оккупировали не только Новгород, но и ряд русских городов: Старую Ладого, Тихвин, Старую Русу, Орешек, Порхов, Ям, Копорье, Гдов, Ивангород, «и во всех посадиша воевод немецких»⁶. Воеводой в Порхове в это время стал Бургиньон де Коробелл (de Corobell, Jacob Bourgia), француз, служивший ротмистром у шведов. В подчинении Коробелла находился русский воевода Иван Афанасьевич Мещерский с небольшим отрядом стрельцов и детей боярских.

После захвата Новгорода (16.7.1611 г.) между Делагарди и правителями Новгорода (митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский) 25 июля 1611 г. было заключено соглашение⁷. Новгородцы признали покровительство шведского короля Карла IX, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский трон одного из его сыновей. До ратификации договора обеими сторонами (Швецией и Россией) Делагарди оставался в Новгороде в качестве главного воеводы. Союз новгородских воевод со шведами против «воров», впервые заключенный в 1609 г. в Выборге, по существу восстановился⁸. Вместе с отрядами новгородцев шведы вели борьбу с Лжедмитрием III (Псковским вором Сидоркой) и предпринимали неудачную попытку захватить Псков⁹. В союзе с лидерами Нижегородского ополчения шведы и новгородцы весной-летом 1612 г. разгромили казаков Псковского вора Сидорки. К концу лета 1612 г. в Новгородской земле, в частности, в Порховском уезде Шелонской пятины, установилось относительное спокойствие. Между предводителями Нижегородского ополчения, занятыми освобождением Москвы от поляков, а в дальнейшем – избранием нового царя, и правительством Делагарди – Одоевского были налажены дружеские отношения.

Весной 1613 г., сразу же после избрания царем Михаила Романова, в пограничные районы Новгородской земли были отправлены из-под Москвы отряды русских войск, прежде всего казаков Подмосквовного ополчения, которые начали военные действия против шведов и новгородцев. Правительство Михаила Романова не было намерено мириться с потерей Новгорода. Оплотом нового московского правительства в

Новгородской земле становятся Псков, который так и не подчинился шведам, и Тихвин, жители которого первыми восстали 25 мая 1613 г. против чужеземцев. Летом 1613 г. восстания произошли также в Гдове и Порхове, при этом большую помощь восставшим оказал Псков¹⁰. Шведский гарнизон Корабелла сумел удержать в своих руках Порховскую крепость, а в дальнейшем псковичи вынуждены были отступить от города. Однако все попытки шведов установить контроль над Псковом и Тихвином завершились неудачей.

Шведский король Густав Адольф после захвата Гдова в сентябре 1614 г. планировал начать наступление на Псков, не без основания полагая, что москвичи, потеряв такую важную крепость, сразу согласятся на продиктованные им шведские условия мира, в котором Швеция нуждалась не меньше, чем Россия. В этой борьбе за Псков важная роль отводилась Порховской крепости как главной тыловой базе шведов.

Осенью 1614 г., после отъезда Якова Делагарди в годовой отпуск в Швецию, власть в Новгородской земле сосредоточил в своих руках Эверт Горн. Прибыв в декабре того же года в Новгород, Эверт Горн сразу разворачивает кипучую деятельность, действуя в нескольких направлениях. Еще накануне своего приезда в Новгород Э. Горн отправил грамоту в Москву, предлагая начать переговоры о мире¹¹. Одноименно Э. Горн пытается принудить новгородцев к присяге королю. Однако предложение унии со Швецией было решительно отвергнуто новгородцами¹². Э. Горн готовит к отправке в Москву посольство новгородцев во главе с архимандритом Киприаном¹³.

Выполняя указания Густава Адольфа, Э. Горн в январе 1615 г. предпринимает очередную попытку захвата Пскова¹⁴. Перед этим шведы пытались создать в Пскове свою агентурную сеть, и это им удалось. Шведские воеводы посылали лазутчиков в Псков, чтобы знать о состоянии дел в непокорном городе. Для этого использовались некоторые жители Порхова, которые ездили в Псков под видом торговцев. Товар им выдавали шведские начальники из числа конфискованных вещей, хранившихся в Порховской крепости. Сведения об этом содержатся в отписке порховского воеводы при шведах Ивана Афанасьевича Мещерского¹⁵.

За два дня до отправки посольства Киприана в Москву, т.е. в середине января 1615 г., Э. Горн совершил короткую поездку в Порхов. При этом Горн взял с собой почти весь личный состав новгородского гарнизона. Легенда о том, будто в Новгороде невозможно прокормить войска, никого не ввела в заблуждение. Еще 31 декабря 1614 г. псковские воеводы узнали от выходца из Новгорода Матвея Еврева о приготовлениях к походу Э. Горна под Псков, о сборе в Новгороде шведских отрядов из разных острожков, о сосредоточении в Порхове крупных запасов для целого войска¹⁶.

Второй перебежчик, Степан Воронов, 18 января 1615 г. сообщал уже более подробные сведения о численности вражеского войска, выступившего из Порхова. В состав этого войска входили шведы, запорожские казаки (черкасы), поступившие на службу к шведскому королю, и новгородцы. Степан Воронов сообщил также о планах шведов в случае неудачи штурма начать длительную блокаду Пскова. Порховский воевода Иван Мещерский также участвовал в этом походе. Припасы из Порхова везли следом за войском. Данные о численности войск, выступивших из Порхова к Пскову, несколько завышены¹⁷.

Первые шведские отряды Роберта Мюра и Пауля Готтберга прибыли из-под Порхова к Пскову примерно 20 января. О составе этих войск, а также о пребывании Эверта Горна в середине января в Порхове сообщил псковским воеводам вышедший на «государево имя» 24-го января 1615 г. «литвин Индрик Брезнинский». По рассказу Брезнинского, «Ивер де Горн остался в Порхове, а с ним немецких людей в Порхове осталось конных и пеших с пятьсот человек; а для чего остался, про то де он не ведает»¹⁸.

Посол от московских бояр в Новгород Яков Епанчин рассказывал по возвращении в Москву в феврале 1615 г., что его, по прибытию из Осташкова в Старую Руссу, «рохмистр Лаврентей Иванов из Старой Русы послал в Порхов с немцы к Ивер Горну». Но Эверта Горна в Порхове уже не было. В Новгороде Я. Епанчин узнал, что «Ивер Горн был под Псковом и его побили»¹⁹.

Из дальнейшего рассказа Я. Епанчина выясняется, что Эверт Горн рассчитывал на измену в Пскове. Сторонники шведов («десять псковских мужиков») должны были взорвать крепостную стену. По-видимому, это были те самые лазутчики, которых посылали ранее из Порхова с товарами. Однако эта операция не была выполнена в полном объеме. К моменту прибытия шведского войска псковичи успели заделать пролом в стене²⁰.

Эта новая попытка шведов в январе 1615 г. изгоном захватить Псков также не удалась, как и предыдущие, в 1611 и 1612 гг. Г.А. Замятин писал: «В исторической литературе об этой попытке шведов захватить Псков (3-й по счету) я не нахожу ни слова»²¹. Оставив часть сил для блокады Пскова, Э. Горн быстро вернулся в Новгород. Между 25 и 27 января 1615 г. он уже принимал в Новгороде гонца из Москвы Якова Епанчина²².

Гарнизон Порхова во главе со шведским комендантом Геннингом Грассом пережил зиму 1614–1615 гг. благополучно. Юхан Видекинд сообщает об этом, сравнивая обстановку в Новгороде и Порхове²³.

Воевода Порхова И.А. Мещерский вскоре после зимнего похода к Пскову вернулся в свой город. Однако уже летом 1615 г. он вновь оказался под Псковом. Теперь главные силы шведов во главе с самим королем Густавом Адольфом двигались к Пскову со стороны Нарвы, а Эверт Горн

шел из Новгорода через Порхов на соединение с королевским войском. В Порхове вновь, как и зимой 1615 г., в качестве гарнизона остался для охраны крепости небольшой отряд коменданта крепости Геннинга Грасса.

Грандиозный поход шведов к Пскову летом-осенью 1615 г. под личным руководством короля Густава Адольфа завершился провалом, как и все предыдущие. Отступившим от Пскова шведам ничего другого не оставалось делать, как вступить в переговоры о мире, к тому же при значительно ослабленных позициях Швеции²⁴. Король и канцлер Оксеншерн в секретных указаниях своим комиссарам (от 14 ноября 1615 г.)²⁵ определили те границы уступок, на которые могли пойти шведы. Героизм защитников Пскова в 1615 г. сохранил для России Новгород, Старую Руссу и Порхов. Что касается Ладого и Гдова, то здесь еще предстояла длительная борьба военных и дипломатов.

Голландский посол Альберт Иоахими, находившийся в шведском лагере под Псковом в последние дни осады крепости, 25 октября 1615 г. отправился к месту предполагаемых переговоров в Старую Руссу в сопровождении крупного отряда для охраны. По пути он посетил Порхов и оставил интересные воспоминания о состоянии крепости и ее округи²⁶. Посол пишет о трудностях в обеспечении лошадьми и повозками. Здесь ему большую помощь оказал Иван Мещерский, «соградоначальник Порхова», который сопровождал посла по дороге из Пскова в Порхов²⁷. Посла охранял от нападений сторонников Москвы большой отряд шведов и новгородцев.

Из письма голландского посла мы узнаем о действиях партизан (казаков и крестьян-шишей), которые в Порховском уезде представляли серьезную угрозу для шведов и их союзников²⁸. Посол почувствовал себя в безопасности только возле самой Порховской крепости. Он также пишет о том, что гать в миле от Порхова была неисправна. Возможно, это тоже дело рук партизан.

29 октября 1615 г. А. Иоахими прибыл в Порхов, «маленький городок с каменными стенами». Он пишет: «Город населен русскими, кроме гарнизона, который содержится королем шведским под командой немецкого губернатора. Прежде в нем было значительное укрепление, где жило много купцов и крестьян, ибо окружающие его поля весьма приятны и плодородны». «Значительное укрепление» – это острог, сгоревший во время осады крепости псковичами в 1613 г. Воевода Мещерский прислал через своего сына посудку и хлеб²⁹. Далее посол описывает свой визит домой к Мещерскому и говорит о том, как хозяйка дома принимала и провожала посла³⁰. Эти русские обычаи поразили голландца.

1 ноября 1615 г. посол отправился из Порхова в Старую Руссу. Он пишет, что «оба градоначальника, Мещерский и барон Лаврентий Грасс проводили меня со многими дворянами и

боярами на полмили за город». Посол жалеет, что дальше к Старой Руссе его сопровождал конвой значительно меньше прежнего³¹. Далее посол рассказывает о зверствах партизан-шишей в этой местности «на этой неделе»³². Но для голландского посла все обошлось без происшествий, и 5 ноября 1615 г. Иоахими прибыл в Старую Руссу, где произошла его встреча с другими послами. Отсюда послы направились к месту переговоров в село Дедерино.

Шведские послы еще накануне этих переговоров в Дедерино писали королю о невозможности далее «удерживать Новгород, Старую Руссу и Порхов и продовольствовать на них войска и гарнизоны»³³. В дальнейшем король согласился с мнением своих послов, поэтому вопрос о судьбе Порхова решился относительно быстро. Уже к моменту завершения Дедеринских переговоров (февраль 1616 г.) шведы соглашались уступить Новгород, Старую Русу и Порхов, а также не упоминать о кандидатуре шведского королевича как кандидата на московский престол. Труднее решался вопрос о Ладоге и Гдове, которые шведы требовали оставить в качестве залога, а также о размерах контрибуции. Русские послы соглашались уступить шведам только крепость Корелу с уездом. В итоге было заключено перемирие до 1 июня 1616 г.³⁴

Однако во время этого перемирия обстановка для жителей Порховского уезда не была спокойной. В архиве Деллагарди в Тарту сохранилось ответное письмо псковских воевод И.Д. Плещеева, С.С. Собакина и дьяка Ч. Оботурова к порховскому коменданту Геннингу Грассу от апреля 1616 г. Комендант Порхова Геннинг Грасс в апреле 1616 г. жаловался псковским воеводам, что Иван Косицкий со своими людьми из Пскова совершает набеги к Порхову «... и ходя ворует, православных крестьян мучает, побивает и грабит»³⁵. Интересен ответ псковских воевод, которые сообщают, что эти разбойники уже давно живут на шведской территории («Косицкий из Опочки сошел в Порховский уезд 1 марта»), им, воеводам, известно от самих порховцев об этих набегах. Воеводы рекомендуют Геннингу Грассу: «И вам бы велети тех воров имать и казнить».

Со своей стороны псковские воеводы пишут: «Мы велим тем ворах по сыску наказание учинить за их воровство, не для твоего письма, но чтоб иным ворах неповадно было воровать и государя нашего, его царского величества земли пустошить и крестьян побивать и грабить»³⁶, т.е. псковские воеводы пишут о Порхове как о своей земле. Для того чтобы эта земля, которая должна вскоре отойти к Москве, не подвергалась разорению, воеводы согласны действовать заодно со шведами. Здесь также содержится намек на то, что шведам не следует обижать местных жителей и грабить перед уходом (по принципу «после нас хоть потоп»). Одновременно воеводы выражают недовольствие Геннингу Грассу за нарушение в

написании царского титула: «Нам таких листов не пригоже и принимать, но только принимали для покоя крестьянского, а в дальнейшем велим ваши листы отсылать к вам»³⁷.

Сведения о переписке Геннинга Грасса с псковскими жителями о перемирии сохранились также в РГАДА. Об этих переговорах о перемирии между псковичами и «немецкими державцами Гдова и Порхова» сообщили боярам в Москве псковские посадские люди, прибывшие в столицу в июне 1616 г.³⁸. Дополнительная информация о перемирии псковичей с наместниками Гдова и Порхова Сванте Баннером и Геннингом Грассом и о враждебных действиях между сторонами содержится в июльской отписке Ивана Плещеева к Сванте Баннеру и в ответе последнего псковичам от 24 июля 1616 г. Оба документа в переводе на немецкий язык сохранились в архиве Деллагарди в Тарту. Геннинг Грасс и Сванте Баннер еще раньше писали Плещееву, чтобы тот не посылал ратных людей и не допускал грабежей и кровопролития, пока не будет установлен прочный мир между государствами. Воеводы Пскова строго запретили своим ратным людям причинять шведским поданным какой-либо ущерб в надежде, что шведы будут верны своему слову и также не станут производить бесчинств. Однако на деле произошло иное. Описывая неприязненные действия шведов из Гдовского уезда и на Псковском озере по отношению к псковичам, И.Д. Плещеев ничего не пишет о нарушении перемирия порховским воеводой³⁹.

Летом 1616 г. боевые действия возобновились. Шведский военачальник Карл Гюлленгейм пытался в очередной раз овладеть Псковом⁴⁰. Основные свои силы шведы направили к Пскову со стороны Нарвы и Гдова. В то же время источники ничего не сообщают об активизации боевых действий со стороны Новгорода и Порхова. Складывается впечатление, что комендант Порхова продолжал соблюдать условия перемирия, сам не нападал на Псков и пресекал попытки псковских казаков грабить порховские земли. Возможно, такими своими действиями Геннинг Грасс заслужил уважение местных жителей Порховского уезда. Не с этим ли связан один странный документ 1617 г., который по-иному заставляет взглянуть на деятельность последнего шведского коменданта в Порхове⁴¹?

В архиве Деллагарди в Тарту сохранилось донесение священников, старост и волостных людей трех погостов Порховского уезда (Карачунского, Болчинского и Ясенского) на имя Якова Деллагарди. Этот документ был написан в тот момент, когда Столбовский мир уже был заключен и происходила процедура передачи Порхова московским представителям (конец марта 1617 г.), так что особого давления шведов на подписавших этот документ русских людей не могло быть (если только эти русские люди не собирались уезжать жить вместе с «любимым комендантом» к нему в Ревель).

В этом документе скрупулезно перечисляются все налоги, которые русские люди платили Геннингу Грасу в течение полутора лет (с 11 октября 1615 г. по 20 марта 1617 г.). Всего с трех перечисленных погостов выплачено около 500 рублей, примерно 260 четвертей ржи, 20 четвертей ячменя и 78 четвертей овса. Деньги и корма жители поставляли регулярно, помесечно. Далее в этом же документе подписавшие его три попа, три дьячка, три старосты и девять волостных людей расхваливают поведение воеводы Геннинга Грасса в период его правления в Порхове. По их словам, воевода ничего лишнего с них не брал, защищал жителей от грабежей⁴².

Возможно, комендант Г. Грасс просил прислать в Порхов продовольствие, чтобы не разорять до конца местных жителей. В одном из писем Якова Делагарди Геннингу Грассу 1616 г., которое было перехвачено партизанами под Порховом и отправлено в Москву, шведский военачальник сообщал, что он не может удовлетворить просьбу Г. Грасса о снабжении Порховского гарнизона провиантом, так как в Новгороде в нем нуждаются еще больше⁴³.

Катастрофа шведского войска Карла Гюлленгейма под Псковом в декабре 1616 г. ускорила подписание Столбовского договора на условиях более выгодных для русской стороны, чем рассчитывали сами русские к моменту начала переговоров в Столбово. Это известие о капитуляции шведов в устье реки Великой (шанец в Устье, где в настоящее время находится церковь Николы) и о взятии псковичами шведского наряда привез в Столбово 7 января 1617 г. новгородский сын боярский Докучай Харламов. По его словам, он был отпущен из Пскова 27 декабря 1616 г.; ехал он «на Дубровку, да на Порхов, да на Новгород». Таким образом, жители Порхова в последние дни декабря первыми узнали о победе под Псковом.

27 февраля 1617 г. был подписан «великими послами» первый в царствование Михаила Романова договор о вечном мире. Полный текст Столбовского договора был опубликован в ПСЗ, у Н.П. Лыжина, Юхана Видекинда⁴⁴. Главная цель – возвращение Новгорода с уездом – была достигнута. Шведы обязаны были уже через две недели очистить Новгород, Старую Русу, Порхов с их уездами и Сумерскую волость. В четвертой статье Столбовского договора говорилось, что при уходе из городов, в том числе из Порхова, шведы обязывались «никаких русских людей не выводить, насильства им и грабежа не чинить и наряду не вывозить»⁴⁵.

Особых споров между русской и шведской сторонами по поводу возвращения Порхова не было. Видекинд пишет, что Яков Делагарди дал указания Карлу Гюлленгейму, «чтобы тот без задержек и препятствий согласно условиям договора в течение 14 дней сдал уполномоченным Великому князю Новгород, Старую Русу и Порхов и следил, чтобы солдаты не чинили русским ни-

каких насилий, грабежа или оскорблений, чтобы освобождение занятых мест прошло спокойно и в полном порядке. Так все это произошло в марте месяце»⁴⁶. Шведский историк ничего не пишет о конфликте из-за пушек и колоколов в ряде русских городов, в том числе и в Порхове.

В десятой статье Столбовского мирного договора говорилось, что пушки, воинский запас, колокола и все другое, что было вывезено шведами до 20 ноября 1616 г., остается за ними. Но тот наряд, который все еще находился в городах, возвращаемых царю, там и должен оставаться⁴⁷. В данной статье уже заложен конфликт из-за пушек и колоколов, которые шведы начнут экстренно вывозить с 20 ноября 1616 г. и до середины марта 1617 г., когда в эти крепости придут русские послы⁴⁸.

Прибыв в Порхов, московские представители выяснили, что из города в декабре 1616 г. вывезено по указанию Геннинга Грасса несколько колоколов и две пушки⁴⁹. Этот вопрос о порховских пушках и колоколах также поднимался русскими послами в 1618 г. в Стокгольме при ратификации Столбовского договора⁵⁰.

Сейчас трудно восстановить, как проходила передача Порхова московским представителям в марте 1617 г. Можно предположить, что некоторые наиболее уважаемые жители Порховского уезда были 13 марта в Новгороде на торжественной встрече московских послов. Порховчане уже знали из грамоты, которую привезли незадолго до этого послы, о царских словах: «Мы великий Новгород от неверных для того освободили, чтобы вас всех православных христиан видеть в нашем царском жалованье по-прежнему, а не для того, чтоб наши царские опалы на кого-нибудь класть»⁵¹.

В Псковской летописи кратко подведен итог Столбовского мира: «Немцы с Государем помирились и отдаша города Новгород, и Порхов, и Ладого»⁵².

Как же сложилась судьба порховского воеводы Ивана Афанасьевича Мещерского? В соответствии с грамотой Михаила Федоровича о прощении всех, служивших шведам, он также не был наказан. Правительство действовало разумно. Большинство русских воевод, которые служили шведам и воевали против Михаила Романова, были отправлены (на всякий случай) воеводами в дальние волжские и сибирские города. Многие дворяне и дети боярские сразу же направлялись на борьбу против поляков. Королевич Владислав уже начал поход на Москву, поэтому московским боярам нужны были все воины. Бывшие новгородские сторонники шведов не испытывали никакого угрызения совести, воюя против Польши (общего врага их прежних хозяев – шведов, и нынешних хозяев – московских бояр). В декабре 1617 г. в поход под крепость Белую, которую осадили поляки, был назначен идти из Москвы «Иван князь Офанасьев сын Мещерский». Сохранился и наказ от 9 декабря, который получил И.А. Мещерский.

Однако этот поход фактически не состоялся. Прибыв в Торопец, И.А. Мещерский узнал, что дворяне и дети боярские на службу сюда не явились, «и к Белой ему идти не с кем. А он, князь Иван лежит в Торопце болен, и государь бы о том велел указ учинити». Бояре указали И.А. Мещерскому «ехать к Москве, а под Белую ходити ему не велено»⁵³. Дальнейших сведений о нем пока не найдено.

Первым московским воеводой Порхова после Смуты был Игнатий Харитонович Харламов, который в трудное время переговоров в Столбово был воеводой в Тихвине⁵⁴. По-видимому, правительство доверяло такое ответственное назначение в возвращаемые крепости тем воеводам, которые уже зарекомендовали себя с положительной стороны. В Книгах разрядных приводится состав Порховского гарнизона в 1617 г.: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов; а с ним детей боярских Шелонской пятины 9 ч., стрельцов 50 ч., посадских людей 11 ч.»⁵⁵. Эти же сведения приводятся за следующие 1618–1620 гг.: «всего в Порхове всяких людей 70 ч.»⁵⁶.

Некоторое время после Игнатия Харламова в Порхове был воеводой Василий Клепик Федоров сын Бутурлин, которого вскоре, в 1619 г., отозвали в Москву. Следующим порховским воеводой стал известный деятель Смуты Матвей Шаврук Муравьев, участник посольства архимандрита Киприана в Москву в 1615 г.⁵⁷. Матвея Муравьева в 1621 г. сменил вновь Игнатий Харламов, после которого в крепости были воеводами Иван Аничков, Андрей Нащокин и Афанасий Дубровский⁵⁸.

Состав Порховского гарнизона за эти годы значительных изменений не претерпел. Так, за 1625 г. в книгах разрядных записано: «В Порхове дворян и детей боярских Шелонской пятины 12 ч., пушкарей и затинщиков и воротников 13 ч. с сотником стрельцов 49 ч.; и всего в Порхове всяких людей 75 ч». Аналогичные сведения содержатся в записях за 1626 и 1627 гг.⁵⁹. В дальнейшем этот состав длительное время так и оставался неизменным⁶⁰.

После бурных событий Смутного времени Порховская крепость постепенно утрачивает военное значение. С тех пор она ни разу больше не подвергалась осаде. События Смоленской войны 1632–1634 гг., а также войн России с Польшей и Швецией во второй половине XVII в. происходили далеко от Порхова. В конце XVII в. крепость находилась уже в довольно запущенном состоянии. Опись 1699 г. свидетельствует, что в Порхове были воевода, 50 стрельцов, пушкарь, 2 воротника и «посадских людей, которые в службе Великого князя написаны 190 человек», при общей сумме всяких чинов жителей 444 человека. В это время на трех башнях (Псковской, Средней и Никольской) находилось три медные пушки (по одной в каждой башне), крепость имела также 27 пищалей⁶¹. Сохранилось описание небольшого подземного хода, служившего для водоснабжения крепости. Вывод был неутешительный: «И ныне тот тайник стоит

порушився, и в осадное время водою прожить немочно. А в городе Порхове колодезей, oprичь того тайника, нет никакого»⁶².

В 1766 г. Порховскую крепость собирались даже совсем разобрать. Но, к счастью, ограничились только устранением тех деталей, которые могли обрушиться, поэтому значительная часть оборонительных сооружений Порхова сохранилась.

Герб Порхова был утвержден в 1781 г. В верхней половине щита был изображен барс (герб Пскова), в нижней части – древний, много претерпевший от осад замок, начинающий возобновляться. Одна из башен замка показана в окружении строительных лесов. Однако изображение на гербе не соответствовало реальному положению дел. Именно в XVIII в. происходили наибольшие разрушения Порховской крепости, а в XIX в. она продолжала медленно разрушаться.

Хочется надеяться, что приведенные здесь сведения откроют для многих интересующихся героическим прошлым родного края и страны в целом новую страницу в истории этого древнего русского города, возбудят интерес к событиям Смуты в данном регионе у местных краеведов, помогут привлечь новые потоки туристов в этот небольшой районный центр Псковской области. Ведь до настоящего времени история Порховской крепости во времена Смуты начала XVII в. остается тайной для исследователей. При внимательном изучении источников выясняются новые причины восстания в Порхове против шведов в 1613 г. Многие даже не догадываются о той роли, которую играла в Смутное время, в период противостояния Пскова и Новгорода, Порховская крепость, самая древняя из сохранившихся каменных крепостей Руси.

Примечания

- ¹ Договорная запись стольника и воеводы Семена Головина и дьяка Сыдавного Зиновьева с шведскими послами об уступке Швеции города Корелы с уездом (секретная часть Выборгского договора). Выборг, конец февраля 1609 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. II, № 160. ; Копия с договору о помощи шведской, учиненного в Выборге в 1609 году, чрез стольника и воеводу Семена Головина с товарищи с российской стороны // *Шафиров П.П.* Рассуждение, какие законные причины Петр Великий... к начатию войны против Карола XII Шведского 1700 года имел... СПб., 1722. С. 92–101. (1-е изд.–1717 г.); См. также: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 139–141.
- ² См.: *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. Волгоград, 1999.
- ³ См.: *Новый летописец* // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14, Первая половина. СПб., 1910. О Клушинской битве сохранился ряд польских источ-

- ников: С. Жолкевский (1871), Н. Мархоцкий (2000), «Дневник Й. Будилы» (1872) и др. Ценные сведения о битве содержатся также в сочинении английского наемника Генри Бреретона (2002), шведского дипломата П. Петрея (1997) и др. См. также: *Коваленко Г.М.* Клушинское сражение 1610 г. Великий Новгород, 2007.
- 4 См.: *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях. СПб., 1894. Т. II. С. 83. Шведский король писал: «... как скоро он (Делагарди) заметит, что русские замедлят выполнением договора и не выдадут шведам Кексгольма, или что поляки одерживают верх в войне с русскими, то ему нужно всего ревностнее стараться об удержании Новгорода в своей власти – приятно ли то русским, или нет».
 - 5 См.: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913; См. также: *Замятин Г.А.* «Новый Летописец» о сношениях между Ярославем и Новгородом в 1612 г. // Журн. Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1914. Т. 50, № 3.
 - 6 ПСРЛ. Т. 14. С. 116. Гл. 282. О взятии градов от Немца.
 - 7 См.: Договор Новгородского государства с Делагарди 1611 г. / Пер. с нем. М.Ф. Ласковской // Сб. Новгород. об-ва любителей древности (НОЛД). Вып. V. Новгород, 1911. Документ № 1. Новгородцы при этом действовали в соответствии с приговором подмосковного ополчения Ляпунова от 23 июня 1611 г., они заявили себя представителями не только Новгорода, но и всей России. Также следует учесть, что среди подписавших договор с Делагарди были и представители Подмосковного ополчения, оставшиеся в Новгороде после захвата его шведами. Не следует забывать, что у новгородцев уже имелся опыт совместных боевых действий со шведскими наемниками против тушинцев в период похода Скопина-Шуйского к Москве.
 - 8 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 166.
 - 9 См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в. Рукопись. // Древнехранилище Псковского гос. объединенного ист. архит. и худ. музея-заповедника (ПГОИАХМЗ). № 1205. Л. 45–55.
 - 10 О восстании в Порхове см.: *Рабинович Я.Н.* «Псковское товарное дело» и восстание в Порхове против шведов в 1613 г. (в печати). См. также: *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // Чтения в обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР). 1890. Кн. 1. С. 11–16. Несмотря на запреты оккупационных властей, между Порховом и «мятежным Псковом» в 1612 г. происходили тайные торговые операции. Узнав об этом, власти конфисковали товары псковичей и порховчан. Склад этих товаров находился внутри Порховской крепости. Восстание в Порхове против шведов и попытка псковичей захватить Порховскую крепость в какой-то степени были вызваны стремлением вернуть конфискованные товары, которые летом 1613 г. продолжали находиться внутри крепости под охраной шведского гарнизона.
 - 11 Грамота получена в Москве 4 декабря 1614 г., подверглась обсуждению на заседании Боярской Думы 18-го декабря 1614 г. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье»: героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г. // Ист. записки (ИЗ). 1952. Т. 40, С. 186
 - 12 14-го декабря 1614 г. Э. Горн сделал письменное предложение по этому вопросу новгородцам. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187.
 - 13 23 января 1615 г. это посольство из Новгорода архимандрита Киприана достигло Осташкова. Подробно об этом посольстве см.: *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // Новгород. ист. сб. (НИС). Л., 1937. Вып. II.
 - 14 См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187.
 - 15 И.А. Мещерский писал в Новгород: «... да тот же, государи, лен и пенька иное давали во Псков лазутчикам, которых посылали для вестей во Псков немецкие воеводы, чтобы им с чем было приехать в город». (*Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского Государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. первая. М. 1890. С. 30. Прилож. к описанию столбцов № 9).
 - 16 Матвей Евреев пришел в Псков 31-го декабря 1614 г. и сказал воеводам: «Ивер Горну с (немецкими) людьми однолично быти подо Псков вскорее, и запасы ... в Порхове про него пасли». (*Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 210. Прилож. № 1. Отписка в Разрядный приказ псковских воевод И. Хованского, Ф. Бутурлина, В. Кокушкина с вестями о неприязненных действиях шведов у Пскова. 1615 г. Февраль.)
 - 17 Степан Воронов, пришедший 18-го января 1615 г. в Псков, сообщил со слов приехавшего 17-го января 1615 г. из Порхова на Дубовно Фельки Прокудина, что «ис Порхова немецкой воевода Ивер Горн да князь Иван Мещерской с немецкими и с литовскими людьми идут на осад подо Псков генваря в ... (число не разобрано) а с ним немецких людей идет четыре тысячи опричь литовских людей и черкас, а те литовские люди и черкасы пришли в Порхов из Старые Русы, а ко Пскову приступати им с трех сторон с пикардами и с лестницами; а будет ... приступом надо Псковом промысл их немецких людей не учинитца, и им стояти подо Псковом до весны и вымаривати голодом, а запасы за ними из Нова города и ис Порхова везут». (*Замятин Г.А.* «Псковское сиденье»... С. 210. Прилож. № 1).
 - 18 В распросе Брезнинский сказал: «Пришли из Порхова на Промещицу ото Пскова за три версты немецкой воеводка Каптемир (генерал-вахтмейстер Robert Moor или Роберт Мюр, которого русские называли «капитан Мир»), да Павел Готберь (полковник-лейтенант Paul Gottberg или Пауль Готтберг), а с ними пришло немецких людей конных четыреста да пеших немец солдат семь сот человек да тотар тритцат человек, а дожидаются де пинард; а как де ... пинарды к ним привезут, и немецким де людем с пинардами приступать ко Пскову; и будет де пинардами промысл их надо Псковом не учинитца, и им де, немецким людем стоять меж Пскова и Изборска, а ждать ... им из Иваня города прибыльных немецких людей с нарядом». По рассказу Брезнинского, в шанце у Пскова скопилось всего (конницы и пехоты) 1430 человек. (*Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187, 211. Прилож. № 1).
 - 19 Со слов Якова Епанчина, «как он приехал в Порхов, и Ивер Горна в Порхове не застал, и был он в Порхове

- день, и из Порхова воевода немецкой с теми ж немцы, которые его из Русы провожали, отпустили (его) в Новгород». (Возвратный в Москву приезд посланного в Новгород дворянина Якова Епанчина с грамотой от бояр к шведскому воеводе Эверту Горну о размене пленных, тут же и ответ на эту грамоту о назначении съезда для прекращения войны. 1615 января 12 – февраля 14 // *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. СПб., 1857. Прилож. № 13. С. 179–186).
- ²⁰ Яков Епанчин сообщал: «...как де Ивер Горн пошел подо Псков, а хотели де мужики псковские государю изменить десять человек, что было Ивер Горну приттить подо Псков, а им было под стену подкатить зелье, и Ивер де Горн подо Псков не подоспел; а мужики де зелье под стену подкатили, и стену разорвало, и тех де мужиков во Пскове переимали, и тое стену опять заделали; а Ивер де Горн после того подо Псков пришел, и его де побили. А сказывал ему Гаврило Шаблыкин, да Иван Иванов сын Овцын, да Иван Коситцкой. А как де Ивер Горна подо Псковом побили, и в те де поры взяли у него 25 человек салдатов». (*Лыжин Н.П.* Указ. соч. С. 181).
- ²¹ *Замятин Г.А.* Борьба за Псков... Л. 102.
- ²² Оставшиеся под Псковом шведские части Роберта Мюра 25-го января 1615 г. сожгли вокруг крепости монастыри и посады, а затем отошли за 12 верст и стали между Псковом, Изборском и Печерским монастырем с целью отрезать подвоз продовольствия из Лифляндии. См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 187.
- ²³ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александра; Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 341. «В Новгороде в это время распространилась тяжелая болезнь (30–50 чел. ежедневно умирало). Среди конницы – тоже (многие рейтары умерли). В пехоте, которая зимовала в Старой Руссе, Порхове, Тесове... все обстояло хорошо».
- ²⁴ См.: *Замятин Г.А.* «Псковское сиденье» ... С. 210.
- ²⁵ См.: Лист канцлера Оксеншерны шведским комиссарам. (Прилож. к Королевской Инструкции). 15.11.1615 г. // Сб. НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 5. № 28. С. 87.
- ²⁶ См.: Журнал нидерландских посланников Рейнгоута ван Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоакими об их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах. Представлен 17 октября 1616 г. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
- ²⁷ «Трудно было также достать лошадей для посла и свиты, еще труднее – повозки или телеги для провизии и поклажи, которые были отданы на руки князю Ивану Никитичу Мещерскому, соградоначальнику Порхова, и им распределены по телегам разных других князей и бояр, отправившихся с голландцами. Их вместе с прислугой было до 150 чел. Кроме них отправилось 5 конных взводов и 3 роты пехоты, частью в качестве конвоя, потому что дороги были очень опасны из-за казаков и шишей (эти последние – суть крестьяне, скитающиеся в лесах, грабящие и убивающие проезжих), а частью потому, что им следовало отправиться на зим-
ние квартиры». (Журнал нидерландских посланников ... С. 221)
- ²⁸ Впервые на действия партизан в Порховском уезде обратил внимание В.А. Фигаровский. Он использовал более раннее и более подробное издание Журнала нидерландских посланников. См.: *Фигаровский В.А.* Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. / НИС. Новгород, 1939. Вып. VI. С. 48.
- ²⁹ «Князь Иван Никитич Мещерский прислал через своего сына 3 бутылки водки и 2 корзины – одну с белым и другую с ситным хлебом». (Журнал нидерландских посланников ... С. 222)
- ³⁰ «Когда я дал ему визит, то при приходе и уходе моем он дал мне случай увидеть свою хозяйку и поговорить с ней; это у русских считается за самую большую честь, которую они могут оказать друзьям своим». (Там же. С. 222).
- ³¹ «Из конвоя, пришедшего с нами из лагеря (из Пскова. – *Я.П.*), пошло далее не более одной полуроты рейтаров, из них 40 человек оставили нас в 2 милях от Порхова». Хотя, кроме конвоя, вместе с послом находилась большая свита. (Там же).
- ³² «На этой неделе шиши захватили в этой местности 4 рейтаров, посланных военачальником с письмами. Они связали им руки за спину, отрубили им головы. Затем двое слуг бросили жребий, кто из них отрубит голову другому». (Там же).
- ³³ Сб. НОЛД. Вып. V, № 28. С. 87.
- ³⁴ Подробно ход переговоров в Дедерино и Столбово разобран в трудах Н.П. Лыжина и С.М. Соловьева. См.: *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1995 (также – другие издания).
- ³⁵ Отношение Псковских воевод Ивана Дмитриевича Плещеева и Сергея Степановича Собакина, а равно дьяка Четы Оботурова к Порховскому коменданту Геннингу Грассу. Псков. 1616 г. (после 19 апреля) // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1896. Документ № 6. С. 28–30.
- ³⁶ *Саблер Г.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Псковичи рассказывали боярам: «... а изо Гдова и из Порхова немецкие державцы писали во Псков к гостям и ко всегородным старостам и к посадским людем, чтоб изо Пскова ратные люди не ходили на Порховские и на Гдовские места, а из Порхова и изо Гдова немецкие люди не станут приходить на псковские места. И изо Пскова гости и всякие люди писали к ним, что псковские ратные люди на Порховские и на Гдовские места ходити не станут...» (*Замятин Г.А.* Борьба за Псков ... Л. 204–206).
- ³⁹ См.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков... Л. 206.
- ⁴⁰ Подробно об этом походе см.: Там же. Л. 180–230.
- ⁴¹ См.: Донесение священников, старост и волостных людей Новгородских погостов к графу Якову Делагарди

1617. Март. Около Новгорода // *Саблер Г.* Собрание русских памятников... Документ № 10. С. 37–40.
- 42 «А больше того у нас воевода денег и хлеба не имывал, насильства и грабежу никакого над нами не дельывал, без пени никого в тюрьму не саживал и не мучивал, и куниц и лисиц не имывал, и денег никаких на себя не правливал, и пашни на него не пахивали, и дела никакова не дельывали, опроч дворового дела, что на него в Порхове двор поставили. А немецким людям солдатам также воевода вольности и насильства никакова делати не давал, и в деревни наши немецким людям ходити не велел, делал нам все добро, и от сторон нас от казаков и шишов оберегал» (*Саблер Г.* Указ. соч. № 10. С. 37–40).
- 43 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. 1616. Д. 11. Л. 28. Впервые на данный документ обратил внимание В.А. Фигаровский. См.: *Фигаровский В.А.* Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. // НИС. Новгород, 1939. Вып. VI. С. 48.
- 44 См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1; *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествующие. С приложением актов. СПб., 1857; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 434–435. Впервые вопросы, связанные с передачей русской стороне крепостей, захваченных шведами в Смутное время, были рассмотрены в трудах Н.П. Лыжина и С.М. Соловьева. См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. М., 1995 (также – другие издания).
- 45 *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 438: «Ст. 5. Через 14 дней... наместники и войсковые начальники (шведы) должны встретиться с (русскими лицами), которых Михаил назначает в города воеводами и произвести в присутствии Мерика или гофьонкера, посланного Мериком, передачу и прием крепостей: ...Порхова с областью...».
- 46 Там же. С. 451.
- 47 Там же. С. 438.
- 48 Мезецкий с товарищами в мае 1617 г. будут требовать от шведов возвращения ряда захваченных пушек и колоколов. См.: Отношение подписавшихся с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к графу Якову Делагарди и шв. фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгейму. Новгород. 1617 г., 23 мая // *Саблер Г.* Собрание русских памятников... Документ № 12. С. 55.
- 49 «А ныне писали к нам, великим послам, царского величества их городов из Ладogi и из Порхова приказные люди, что после договору, ... из Порхова сослал воевода Генникрас в Свею в декабре месяце два колокола Михайловского погоста с полоном, вымуча на дворовом крестьянине на Нестерке, да з города с стены два колокола, да в генваре месяце сослал в Свею ж две пушечки полковых». (*Саблер Г.* Указ. соч. С. 55).
- 50 См.: *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 57.
- 51 *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 84–85. Подробный текст двух грамот Михаила Федоровича к новгородцам привел С.М. Соловьев. Первую грамоту прислали великие послы 5 марта, а вторую Мезецкий зачитал новгородцам по прибытию в Новгород 14 марта. См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 92–94. Актуально звучат слова царя Михаила Федоровича Романова о всепрощении: «А которые люди, будучи у свейских людей, им доброхотали и служили, и во всем были им покорны, и волно их творили волею и неволею, и тех по нашему царскому милостивому нраву жаловать хотим, никто бы ничего от нас не опасался; как было, будучи у свейских людей в руках, воли их не творить?». Первая грамота была опубликована в Собрании государственных грамот и договоров (СГД). Т. III. СПб., 1822. № 34, а вторая – в АИ. Т. III. СПб., 1841. № 284.
- 52 Псковские летописи. М., 1837. С. 234.
- 53 Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб., 444–448.
- 54 Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 237: «На Тихвине воеводы Василий Федоров сын Неплюев да Иван Иванов сын Баклановский, и Василия и Ивана велено отпустить, а на их место велено быть Игнатию Харламову». См. также: Книги разрядные. Т. 1. Стб. 178.
- 55 Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 390.
- 56 Книги разрядные. Т. 1. Стб. 522.
- 57 Книги разрядные. Т. 1. 1619 г. Стб. 641: «В Порхове воевода Василий Клепик Федоров сын Бутурлин, и Василью велено быти к Москве, на его место велено быти Матвеем Муравьеву; а с Матвеем ...» (Цифры 9, 50, 11 – аналогично предыдущим годам).
- 58 Книги разрядные. Т. 1. 1620 г. Стб. 716: «В Порхове Матвей Шавруков сын Муравьев». 1621 г. Стб. 762: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов». 1622 г. Стб. 865: «В Порхове Игнатий Харитонов сын Харламов». 1623 г. Стб. 923: «В Порхове Иван Михайлов сын Оничков». 1624 г. Стб. 1031: «В Порхове Иван Михайлов сын Оничков, а Ивану Оничкову велено быть с городом, а в Порхове велено быть Ондрею Иванову сыну Нащокину».
- 59 Книги разрядные. Т. 1. 1625 г. Стб., 1135.
- 60 В 1647–48 гг. количество служилых людей в Порхове определялось: 50 стрельцов с сотником, пушкарей 2 человека, да воротников 2; в съезжей избе – подьячий и сторож. См.: *Лебедев Е.Е.* Город Порхов и его окрестности. Новгород, 1915. Прилож. № 4.
- 61 См.: *Лебедев Е.Е.* Указ. соч. Прилож. № 5
- 62 «В городе Порхове под городовую стену в Шелонь реку тайник каменный; тот тайник горазно осыпался и водою скуден горазно. И которые в тайник были трубы из колодезя в Шелонь реку, и те трубы засегли» (*Лебедев Е.Е.* Указ. соч. Прилож. № 5. С. 5).

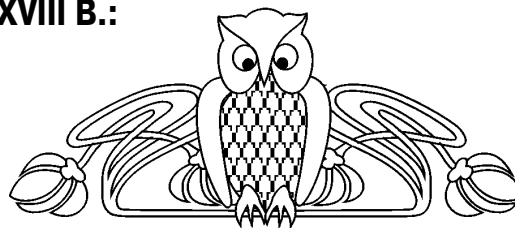

УДК 9(470 «1792/1794»)

ВОЕННЫЙ ПОСТОЙ В ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XVIII В.: РОСТОВСКИЙ КАРАБИНЕРНЫЙ ПОЛК В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1792–1794 гг.)

И.Н. Плешаков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

Проблемы квартирования военных частей в российской провинции XVIII в. до сих пор не получили достаточного освещения в работах историков. В статье рассказывается о постое в Саратовской губернии в 1792 – 1794 гг. Ростовского карабинерного полка. Статья основана на документах Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Саратовской области, а также свидетельства современников и очевидцев. В статье содержится малоизвестная биографическая информация, рассматриваются проблемы взаимоотношений военных с местными властями и населением, раскрывается большая роль армии в общественной, экономической и культурной жизни региона. Квартирование военных частей сопровождали многочисленные факты коррупции и финансовых злоупотреблений со стороны офицеров и местных чиновников.

Ключевые слова: Русская армия, квартирование воинских частей, Саратов.

Quartering in the Volga Region in the end of XVIII Century. Rostov Mounted Regiment in Saratov Region (1792–1794)

I.N. Pleshakov

The problem of of militaries in Russian provinces. is not widely examined in historical works. The article deals with the problem of temporary living of Rostov dire guards in the Saratov region in 1792 – 1794. This article is basis on the Russian state military historical archives of the Saratov region. The evidences of the contemporaries and witnesses play important rule.

There is a lot of unknown biographical information about officers of the Rostov dire guards. There variable sources allow us to examine the relations between the military and local authorities and the peoples in details. The article depicts the great role of the army in the political, social and cultural life of the region.

Key words: Russian army, military quartering, Saratov.

С давних пор в отечественной историографии утвердился односторонний взгляд на военную историю, прежде всего как на историю войн. В подобной трактовке есть ощутимый изъян: она совершенно не учитывает, что армия всегда представляла нечто большее, чем простое скопление людей, обученных убивать. За рамками военно-исторических исследований неизменно остаётся обыденное существование воинских частей в мирный период, проблемы постоя, вопросы взаимоотношений с гражданским населением, региональными властями и т. п. Между тем именно это состояние «обязательной и безупречной праздности», как его определил Л. Н. Толстой,

составляло основное содержание повседневной жизни вооружённых сил Российской империи. В данной статье предпринята попытка комплексного рассмотрения заявленной проблемы на примере квартирования на Волге в конце XVIII в. одного из конных полков Русской армии.

В середине октября 1792 г. в Саратове было получено известие о назначении на постой в губернию следующего с Кавказа Ростовского карабинерного полка со штатной численностью в 1106 военнослужащих¹. Эти «покирасиренные драгуны», как их метко назвал А. А. Керсновский, отличались от привычных драгун (зачастую, лишь на бумаге) более рослыми лошадьми и тяжёлыми палашами². Как и драгуны, карабинеры должны были успешно действовать как в конном, так и в пешем строю³.

Более шести лет в Саратове не стояла ни одна воинская часть и после получения известия об идущем сюда полке в городе закипела работа. 19 октября, по словесному приказанию вице-губернатора Т. А. Ярославова и сообщению магистрата, в городской думе было заведено особое дело «О приготовлении квартир и починке конюшен для карабинерного полка, следующего в Саратов». Ещё в начале XX в. в составленной одним из членов учёной архивной комиссии описи материалов архива думы это интересное дело числилось под № 47⁴. К сожалению, в последующие годы оно было утрачено. Частично восполнить потерю позволяет реконструкция его содержания по другим документам городской думы и магистрата.

Ростовский карабинерный полк следовал к Саратову с Моздокской линии через калмыцкие степи. В Царицыне командование над вторым эскадром принял перешедший из Астраханского драгунского полка и официально к новой части ещё не причисленный ротмистр Александр Семёнович Пишчевич⁵. Благодаря оставленным им обширным запискам у нас есть уникальная возможность взглянуть на жизнь полка глазами его офицера. Жизнь эта, «очень беспокойная от частых передвижений, бивуачная, крайне беспорядочная и вместе скучная»⁶, преобразалась в те периоды, когда часть прибывала на квартирование во внутреннюю губернию. В 1792 г. автору воспоминаний, родившемуся 31 мая 1764 г., исполнилось 28 лет. Его отец, сербский дворянин

«цесарской нации» С. С. Пишчевич, был принят в русскую службу в том же звании капитана в 1752 г. в царствование императрицы Елизаветы, дослужился до генеральского чина и стал достаточно состоятельным человеком. Ему принадлежат несколько сочинений по истории сербского народа и обширная автобиография⁷. Мемуарный почин отца поддержал его сын, получивший хорошее домашнее образование и в 1776 г. начавший военную службу (в восемь лет!) корнетом в Ахтырском гусарском полку. В 80-е гг. ему довелось участвовать в покорении Крыма, сражаться на Кавказе, а в 1791 г. во время Русско-турецкой войны штурмовать Анапскую крепость⁸.

Как вспоминал А. С. Пишчевич, приблизившись к Саратову в последних числах октября 1792 г., военнотружачие «начали чувствовать всю лютость зимы великороссийской, и потому, не входя в город всем полком, эскадроны были распущены ближайшими дорогами в определённые им селения от наместнического правления. Ни одного не было назначено в Саратов, кроме штаба»⁹. Последнему утверждению противоречит сделанная местным священнослужителем Г. А. Скопиным запись в дневнике. Согласно ей 1 ноября 1792 г. из состава Ростовского карабинерного полка «в Саратов вступил один эскадрон и весь штаб, а прочие по уездам расположились»¹⁰. В тот же день в городе им были отведены квартиры и конюшни. По поручению думы и магистрата это ответственное задание исполнял ратман Плотников¹¹. Из материалов Российского государственного военно-исторического архива следует, что в Саратовском уезде разместился один эскадрон, в Вольском и Камышинском – по два. Ещё один встал на квартиры в Новохопёрской «округе»¹². 2-й эскадрон А. С. Пишчевича по приказу командира части полковника А. Д. Буткевича остановился «в экономическом селе Мордовом¹³, на берегу Волги лежащем». Населявших его крестьян офицер «нашёл в преизбыточном состоянии». «Двадцать с лишком лет тогда было, как на берегу Волги не видали никакого войска¹⁴, и потому мы были приняты с распростёртыми руками»¹⁵. Вопреки ожиданиям Пишчевича, вместо «определённых было квартир в прекрасном и богатом селе Покровском, на левом берегу Волги лежащем, против самого города»¹⁶, он «долженствовал расположиться с эскадроном в селе Лог¹⁷, в 60-ти верстах от Саратова по пензенской дороге»¹⁸. Далее офицер повествует о своём пути к новому месту квартирования. Рассказ этот интересен тем, что обнажает устоявшуюся практику противозаконных действий гражданских и военных чинов, вскрывая один из источников их обогащения. «Нельзя не сказать того, что во время сего перехода я бы мог нажать изрядные деньги; крестьяне, по селениям которых я с эскадроном проходил, были крайне именем солдатским настрашаны, который в них страх чины земского суда старались поддержать своей ради пользы.

Исправник Горбунов¹⁹ выехал мне на встречу для препровождения эскадрона, предлагал мне разные дороги кривые к достижению Лога; мужики лишь сведали о сём посещении, то и стеклись на мой путь с деньгами для откупления себя от оногo; я отрёкся от их подарков, говоря, что долг мой есть прямейшим трактом следовать. Уверял их, что они не имеют причины опасаться солдат, которые суть не разбойники, но их сограждане и защитники, водимые начальниками, которые честью своею обязаны не допускать своих подчинённых до шалостей»²⁰. Опираясь на рекомендации В. Г. Горбунова, офицер бы «кружился около своих квартир месяц или и более», а не приняв его советов, добрался до назначенной стоянки за шесть дней. Как шутил А. С. Пишчевич, в этой истории исправник «хотел играть роль Моисея, но в моём эскадроне не нашёл израильтян, и я расположен был узреть землю Логовскую прежде сорока лет». Встретив столь необычное поведение офицера, Горбунов счёл его опасным смутьяном, который «готов революцию затеять». Для того чтобы невзлюбить автора воспоминаний, у чиновника были весьма основательные причины, так как он, несомненно, рассчитывал на весомую долю из собранной таким образом дани. «Денег бы, с ним поделившись, на мою часть из сего похода досталось тысячи две рублей, – писал А. С. Пишчевич, – но я лучше согласился веселиться, занимая оныя, нежели грабить своих соотчичей»²¹. Следует отметить, что поступок офицера действительно выходил за рамки давно ставшего привычным порядка взаимоотношений армейских чинов с местным населением. Генерал-поручик С. М. Ржевский в своей известной записке о екатерининской армии так описывал права полковых командиров: «Для личных выгод дозволяется полковнику с полком брать такую дорогу, какую он заблагорассудит и как долго идти хочет. Какие же от того следствия происходят или для каких резонов полковник о сих выгодах старается, легко всякой понять может; а бедные обыватели всех вернее могут сказать, что им стоит посещение такого полку»²². О том, что генералы и полковники имели возможность «переменять квартиры для прихотей своих», в те же годы писал выдающийся русский военачальник П. И. Панин²³.

Одним из первых занятий офицера на новых квартирах стала поимка разбойников, орудовавших в окрестностях села. Вскоре выяснилось, что долю от их воровской добычи получали «воры, заседавшие в правлении наместническом и нижнем земском суде». Заплатив капитан-исправнику В. Г. Горбунову и советнику Саратовского наместнического правления Н. В. Есипову три тысячи рублей, разбойники остались безнаказанными²⁴. «Внутренний порядок в сём наместничестве был не забавен, но жалости достоин, – резюмировал мемуарист свой саратовский опыт. «Разбойники, видя себя покровительствуемых, смело везде делали грабежи и смертоубийства»²⁵.

10 июля 1793 г. по ордеру командующего Кавказского корпуса генерал-аншефа И. В. Гудовича ротмистр А. С. Пишчевич вместе с секунд-майором того же полка И. Н. фон Бушем был определён ассессором военного суда в г. Борисоглебск и на некоторое время покинул пределы края²⁶. 17 июля находившийся в Саратове эскадрон, согласно дневнику Г. А. Скопина, «выступил в лагерь под Вольск»²⁷. Как следует из рапорта полковника А. Д. Буткевича в Военную коллегию от 17 августа 1793 г., «компанент» полка находился «при речке Терёшке, близ села Синодского»²⁸. Согласно высочайше утверждённой в 1766 г. «Инструкции конного полка полковнику» ежегодный выход в лагерь должен был длиться более двух месяцев, в зависимости от климата и состояния травяного покрова²⁹. После окончания лагерного времени квартирное расположение эскадронов Ростовского полка было изменено. Эта обязательная мера предусматривалась всё той же полковничьей инструкцией и устанавливала «справедливое уравнение» условий квартирования для разных воинских подразделений³⁰. Два эскадрона полка разместились в Камышинской «округе» (уезде), один в Петровской и три в Вольской. Среди последних оказался и эскадрон вернувшегося к полку А. С. Пишчевича, ставший на зимние квартиры в с. Терса³¹. Вскоре А. Д. Буткевич на несколько месяцев уехал в Санкт-Петербург, где, по воспоминаниям внука, «только и мог жить»³². За отсутствием следующего по старшинству офицера подполковника Г. Баранова, находившегося «за некоторыми надобностями» у генерала И. Д. Савельева на Кавказской линии, начальство над полком принял секунд-майор А. М. Щеглов, – как отозвался о нём А. С. Пишчевич, «человек робкий и уступчивый»³³.

Терса – «обширное и богатое село», жители которого, по словам мемуариста, «были все соборники изверга Пугачёва, следственно все разбойники», составляло с находившимися на левом берегу Волги Иргизскими старообрядческими монастырями «как бы одну семью». И те, и другие «изобилия деньгами, откупались в Саратове от всякородных мошенничеств». Доход от них получали фактически управлявшая наместничеством супруга губернатора властная и деятельная Мария Семёновна Нефедьева и уже упоминавшийся выше Н. В. Есипов. Благодаря его интригам жители с. Лох, где прежде квартировал эскадрон А. С. Пишчевича, «внесли просьбу губернатору в неплатеже им ... провиантских денег». По утверждению офицера, крестьяне «подарили» эти деньги эскадрону на общем сходе. Часть выданных ими квитанций, подтверждавших правоту Пишчевича, оказались не заверенными капитан-исправником земского суда и автору записок пришлось выплатить крестьянам двести рублей. «В сём случае обижался не я, а мои подчинённые», – вспоминал он. Дело в том, что из сэкономленных таким образом денег командир эскадрона «составлял денежную сумму в их артели, как-то водилось в нашем войске»³⁴. Этот эпизод нуждается в поясне-

нии. Согласно действовавшим в ту пору законам, крестьяне должны были «доставлять солдату лишь место для постели и солому. Солдат должен кормиться сам, тем, что отпускает ему казна; но обычай одержал верх, и крестьянин кормит солдата вместе с собою и позволяет ему его муку или продавать, или получает деньгами. Если он ему отказывает в этом, ... то последний придумывает тысячу ухищрений, чтобы склонить его на это»³⁵. Такой порядок взаимоотношений даже закрепился в обращённой к хозяевам солдатской поговорке: «Мой паёк, твой привар»³⁶. Кража провиантских сумм являлась одним из источников обогащения недобросовестных офицеров. Эта порочная практика нашла своё продолжение и развитие в Русской армии XIX столетия. Каждый месяц и при выходе воинского подразделения на другие квартиры жители должны были опрашиваться об их претензиях и, в случае отсутствия жалоб, крестьяне давали военным справки о «благополучном квартировании». «Если они довольны (что бывает редко), то они выдают их вполне охотно, ничего не требуют и солдатские провиантские деньги частью поступают в артель, а частью в карманы полкового и ротного командиров», – писал генерал А. Ф. Ланжерон. «Если же крестьяне не довольны, их поят вином, заставляют плясать, напаяют, их ласкают, и они подписывают. Если же, несмотря на всё это, они отказываются подписывать, то им угрожают, и они кончают тем, что умоляют, и подписывают». В случае серьёзных злоупотреблений офицеры обращались к помещику или капитан-исправнику. Последний «всегда держит сторону полковых командиров, которые или платят ему, или делают подарки»³⁷. По свидетельству А. Ф. Ланжерона, для которого такой метод обогащения был «отвратителен», доход командиров полков от пищевого довольствия солдат был «громиден», достигая нескольких тысяч рублей в год³⁸. Характерная черта эпохи: зачинщик интриги против А. С. Пишчевича, Н. В. Есипов, полагая, что офицер «теми деньгами пользовался», привычно отнёс ротмистра к числу командиров, обкрадывавших своих подчинённых³⁹. Иных, надо полагать, чиновник никогда прежде не встречал. Но, как писал А. С. Пишчевич, «нажива от эскадрона не могла иначе произойти, как грабя казну, следственно, обнищивая солдата, защиту Отечества, моему начальству, моему презрению вверенного; нажива от поселян сопряжена была с ограблением их собственности, то и другое должно было с уничтожением своего имени производить! Боже, какого духа долженствовало быть, чтоб пуститься на такую гнусность!»⁴⁰. Подводя своеобразный итог времени, проведённому в Саратовской губернии, автор записок заключал: «Неоспоримо, я в две зимы моего на Волге квартирования, имея в руках эскадрон, мог бы нажить великие деньги; но для сего надлежало иметь приятельскую связь с исправником, делиться с оным всеми доходами, пить и гулять вместе, грабить добродушных

поселян, ловить воров и, ограбив их, отпущать. Таковы были стези, по которым следуя, можно было нажиться!»⁴¹. Но ещё большие возможности «нажиться» имели непосредственные начальники А. С. Пишчевича. О некоторых личностях уместно рассказать подробнее.

Биография командира Ростовского карабинерного полка Александра Буткевича, которому в 1792 г. исполнилось 35 лет, достаточно типична для заката Екатерининской эпохи. Его отца, Дмитрия Михайловича Буткевича, в 50-е гг. служившего в конной гвардии, хорошо знал известный мемуарист А. Т. Болотов. Жена офицера, Татьяна Алексеевна, урождённая Балк, запомнилась ему как «боярыня молодая и модная и великая щеголиха». В молодости она слыла красавицей и отличалась крайней раздражительностью. Женившись на ней, «великий богомол и постник» Д. М. Буткевич, бывший первым новгородским предводителем дворянства, получил «значительное состояние», о котором «ходили баснословные легенды». К концу 60-х гг. он дослужился до генеральского чина и удобно пристроился в армии П. А. Румянцева «по провиантской части»⁴². В судьбе сына достигнутое Д. М. Буткевичем высокое положение и связи, надо полагать, сыграли не последнюю роль. Единственному и долгожданному ребёнку родители дали хорошее домашнее образование, но одновременно сильно его избаловали. Хорошие стартовые позиции для дальнейшего карьерного роста дала ему служба в Лейб-гвардии Конном полку, в который он, по сложившейся пагубной традиции, был записан ещё ребёнком. Молодость А. Д. Буткевич провёл «весело и шумно», усвоив «все пороки людей екатерининского времени»⁴³. За полтора десятилетия с 1769 г. обласканный императрицей⁴⁴ адъютант генерал-аншефа Н. В. Репнина, – «высокий, статный, замечательно ловкий и сильный» красавец, – без особых усилий прошёл путь от ефрейт-капрала до секунд-ротмистра. В 1784 г. он был переведён в Черниговский карабинерный полк с производством в подполковники – следствие существовавшего преимущества гвардии над армией в две ступени по «Табели о рангах». После нескольких лет службы в различных конных полках А. Д. Буткевич в 1789 г. производится в полковники. В 1790 г. он причисляется сверх комплекта к Ростовскому карабинерному полку и вскоре принимает командование над ним. Его боевая биография включает в себя участие в осаде Очакова в 1788 г., сражениях при Аккермане и Бендерах в 1789 г. За присутствие при штурме Анапы в 1791 г., во время которого А. Д. Буткевич находился в свите главнокомандующего генерал-аншефа И. В. Гудовича, и почти на правах ординарца посылался им «в разные опасные места с приказами», он удостоился ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени⁴⁵. В Тверской, Рязанской и Новгородской губерниях А. Д. Буткевич владел 1340

крепостными душами⁴⁶. Из последней губернии происходила и вторая супруга рано овдовевшего полковника, блиставшая в столице своей красотой, «преисполненная достоинств» Анна Ивановна фон Моллер. В Саратове эта «прелюбезная, умная и веселого нраву женщина», которая «бойкостью своею кружила головы молодёжи», не замедлила сделать из отведённой супружеской чете квартиры «дом всеобщего удовольствия»⁴⁷. Сам А. Д. Буткевич предпочитал проводить время в северной столице или соседней Пензе. Здесь этот «приятный в обращении человек» запомнился местному вице-губернатору и поэту князю И. М. Долгорукому⁴⁸. Как писал внук Буткевича Н. С. Маевский, начальство его деда над своими подчинёнными «было согласно с тогдашними обычаями: неумолимо суровое к нижним чинам, оно было патриархально добродушное с дворянами-офицерами. Все они ежедневно и неуклонно должны были являться к шефу полка на обед»⁴⁹. Характерно, что крайне нуждавшемуся в деньгах в момент перехода в его полк А. С. Пишчевичу Буткевич одолжил крупную сумму денег⁵⁰.

Как писал А. С. Пишчевич, и так отнюдь не бедствовавший А. Д. Буткевич «получал в год от полка до тридцати тысяч рублей», и в Саратове его богатство никого не удивляло⁵¹. По свидетельству Л.-Ф. Сегюра, жившего в России в 1785–1789 гг., в Русской армии тех лет «полковые командиры наживались так, что даже не скрывали этого и считали делом совершенно естественным и законным получать таким образом от 20 до 25 тысяч рублей ежегодной прибыли»⁵². «Свидетелем позорных злоупотреблений» в армии был и С. Р. Воронцов. В своей «Записке о русском войске» он писал, что полковые командиры грабили казну «с невозможным бесстыдством, и бедные солдаты бесчеловечно были лишены тех ничтожных денег, на которые они имели права»⁵³. На это же указывал и С. М. Ржевский⁵⁴. Получение такого «безгрешного» дохода, не имевшего ничего общего с официальным окладом офицера, вовсе не было секретом для представителей верховной власти. «Воровство было таким образом дозволено, а честность считалась глупостью», – писал по этому поводу другой современник К. Массон⁵⁵. Особенно доходными являлись как раз кавалерийские полки, так как командование ими позволяло производить масштабные хищения средств, выделявшихся на покупку конского состава и фуража для него⁵⁶. О плохом содержании лошадей в русской кавалерии и её низких боевых качествах писал генерал А. Ф. Ланжерон. По его словам, «часто кавалерийский полк имеет на 300 лошадей менее определённого числа; но злоупотребление это доставляет командирам кавалерийских полков 25, 30 и даже 50000 рублей дохода»⁵⁷. По мнению британского историка Джеффри Хоскинга, русский полк «воплощал партнёрство между государством и частным предприятием, в котором полковник являлся предпринимателем» и, в сущности, «играл роль,

аналогичную роли деревенского помещика»⁵⁸. С помещиками военных командиров сравнивали и дореволюционные исследователи Н. Ф. Дубровин и С. С. Шашков⁵⁹. Не менее категорично высказывался И. Д. Белов, заявляя, что «с течением времени управление полками приняло характер совершенного кормления»⁶⁰. «После положения главнокомандующего я не знаю другого в военной среде, которое можно было сравнить с положением полкового командира в России, – писал по этому поводу А. Ф. Ланжерон, – он неограниченный деспот, богат и уважаем в своём полку, заискиваемый и ласкаемый помещиками, в имениях которых находится, имеет 100 офицеров и несколько тысяч солдат в своём распоряжении»⁶¹. «Под тиранским полковничьим правлением офицеры находятся в рабстве, – свидетельствовал С. М. Ржевский, – офицер доведён до уныния, ... от безмерного и принуждённого щегольства, разоряется»⁶². Между тем «незначительность содержания русских офицеров физически не позволяет им существовать», – дополняет А. Ф. Ланжерон⁶³. Не случайно генерал-фельдмаршал П. А. Румянцев признавал в эти годы, что «в армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов»⁶⁴.

Помимо прямых хищений государственных средств, у полковых командиров было немало других источников дохода. Самым безопасным из них, безусловно, являлось использование бесплатного труда солдат, широко практикующееся и до наших дней. Первые упоминания о таких работах относятся ещё к XVII в., когда московские стрельцы жаловались на принуждение к ним государю Фёдору Алексеевичу⁶⁵. Надо полагать, что в следующем столетии подобные факты имели место и на территории Саратовского Поволжья. Так, по утверждению осведомлённого мемуариста Ф. Ф. Вигеля, после того как в конце XVIII в. генерал-аншеф князь С. Ф. Голицын приобрёл имение в Балашовском уезде, «он три года стоял в нём на бессменных квартирах с ... Смоленским драгунским полком ... Все построения Зубриловки были дело рук солдатских; это извиняется дурным обычаем: полк давался тогда как аренда»⁶⁶. Но для производства необходимых полковнику работ ему порой даже не нужно было привлекать строевых солдат. В каждой части содержалось значительное число мастеровых, среди которых можно было отыскать виртуозов различных ремёсел, «начиная с плотника и кончая гравёром»⁶⁷.

В своих записках А. С. Пишчевич подробно рассказывает ещё об одном высоком воинском начальнике – командире бригады, в которую входил Ростовский карабинерный полк, участнике Семилетней войны бароне Иосифе Фёдоровиче фон Беервице. Он происходил из баварского дворянского рода и до конца 1777 г. служил в «цесарской» армии Австрийской империи Габсбургов. Покинуть её пришлось из-за конфликтов с кронпринцем Иосифом. В Россию подполковник Беервиц направился с рекомендательным письмом

от императрицы Марии-Терезии. Надо полагать, именно благодаря ему Екатерина II, крайне неохотно принимавшая на службу иностранцев⁶⁸, приказала в том же звании зачислить гонимого офицера в русскую армию. К моменту прихода его бригады в Поволжье он получил орден Св. Георгия 4-й степени за отличие при штурме Анапы в 1791 г.⁶⁹ и достиг звания генерал-майора⁷⁰. «Должно себе представить Беервица, старика лет около семидесяти⁷¹, росту двух аршин и 9-ти вершков,⁷² тонкого, худощавого, имевшего лице угреватое, глаза впалые, в обеих ушах серьги, волосов на голове весьма мало, предлинной широкой нос, которой на конце загибаясь, спускался, минуя губы, на подбородок, из которого висели сосульки хотя и табачные, но ничего глазам приятного не представляющие», – писал хорошо знакомый с ним А. С. Пишчевич⁷³. По его словам, И. Ф. Беервиц «был превесёлого нраву, ... любил службу, был храбрый и сведущий человек, но был столь оригинального характера, что трудно изобразить»⁷⁴. По совету управляющего имением графа А. К. Разумовского Леопольда фон Гогеля⁷⁵ он переехал из Пензы⁷⁶ в селение Аркадак⁷⁷ Балашовского уезда Саратовской губернии и поселился в графском доме. Хитрый управитель, соблазненный Беервице рассказами о выгодности жизни и хорошем местоположении селения, преследовал свою собственную цель. Как свидетельствует А. С. Пишчевич, жители Аркадака упорствовали в платеже податей и, желая их «несколько проучить», Гогель пригласил в селение И. Ф. Беервице. Таким образом, его проживание «почтено иначе не могло быть, как командой экзекуции, в пользу г-на Гогеля устроенной»⁷⁸. И команда эта была отнюдь не малой. Согласно документам, «для караула» при бригадном командире находилось 2 трубача и 28 карабинер при 2 капралах. Ещё по одному капралу, карабинеру и писарю состояло у него «на ординарцах»⁷⁹. Этот незначительный, на первый взгляд, факт выявляет ещё одну сторону взаимоотношений армии и населения: военный постой использовался в качестве наказания.

Помимо интересных зарисовок армейского быта, записки А. С. Пишчевича содержат подробный отчёт автора о победах на любовном фронте. Пикантные детали его бесчисленных романов, в изобилии рассыпанные по всему тексту воспоминаний, были, вероятно, (и, кажется, остаются до сих пор), одним из препятствий, не позволившим историкам в полной мере использовать богатый материал, предоставляемый этим интереснейшим источником⁸⁰. Из значительного русского мемуарного массива XVIII столетия воспоминания А. С. Пишчевича выделяются вызывающей откровенностью повествования, чем-то сближающей его с известными записками Джакомо Казановы. Любовные истории красной нитью проходят через весь рассказ офицера и являются как бы главной, так сказать, «текстобразующей» идеей его повествования. При этом автор, очевидно, был

подвержен практически неизбежному в таких случаях «сгущению красок», тому, что Ю. М. Лотман называл «театрализацией» воспоминаний⁸¹.

Крупнейший дореволюционный специалист по русской мемуаристике XVIII в. Н. Д. Чечулин рассматривал офицера скорее как нетипичного представителя своего круга. По мнению исследователя, А. С. Пишчевич «был офицер-кутила, далеко не пошёл по службе; подыскать же себе такое общество, конечно, возможно всегда и везде»⁸². Но одновременно историк признаёт возросшую к концу столетия распущенность высшего сословия и, особенно, офицеров гвардии. Представители последней, составлявшие, по определению А. Ф. Ланжерона, «позор и бич русской армии», распространяли «нравственную порчу» в провинцию⁸³. В этом смысле А. С. Пишчевича вполне можно рассматривать в качестве одного из первых представителей нового и вскоре повсеместно распространившегося типа офицеров, для которых триумфы над женскими сердцами были не менее важны, чем лавры военных побед. Собственно, этот тип поведения и был привнесён в Россию соотечественниками автора записок, для которых военное наёмничество стало своеобразным ремеслом. Именно с сербов по горделивому заявлению отца мемуариста началась «бессмертная слава гусар». Не случайно императрица Екатерина II доверила формировать гусарские полки в России именно сербским офицерам⁸⁴. Несколькими годами позже сложившийся первоначально в среде сербских и мадьярских наёмников образ лихого гусара был канонизирован в творчестве Д. В. Давыдова.

Выше было показано, чем оборачивался военный постой для сельских жителей. Несколько иные проблемы возникали у горожан. На примере квартирования в Саратове подразделений Ростовского карабинерного полка мы можем рассмотреть некоторые механизмы их решения.

Результатом «общественного рассуждения» на состоявшемся 31 декабря 1792 г. собрании горожан стало постановление «требуемые квартиры под господ того полка штаб и обер офицеров» подготовить «по найму у разных людей». Для исполнения задуманного на том же собрании утвердили «добровольную складочную сумму», все вносившие которую освобождались от постоя штаб-офицеров. По произведённой в думе «раскладке» были согласованы и утверждены «приговорами» размеры взносов от купеческого и посадского общества города. Собранные деньги шли на наём и ремонт квартир для офицеров, постройку кузницы при существовавших с давних пор городских конюшнях «на горах», ремонт находившейся там же «довольно пространной» избы с сенями, использовавшейся в качестве «караулки». Первый известный контракт о найме дома был заключён уже 25 октября. Двухэтажное деревянное здание, принадлежавшее саратовскому купцу К. Шуваеву, было снято для постоя офицера Ростовского

полка за 150 руб. в год. До 10 мая 1793 г. в нём квартировал секунд-майор И. Н. фон Буш, после чего переселился в нанятый городским обществом «дом госпожи Карамышевой»⁸⁵. Для командира части полковника А. Д. Буткевича саратовская дума сняла одно из лучших зданий города, принадлежавший П. С. Шевырёву⁸⁶ двухэтажный с балконом «дом со всеми при нём службами». Это «огромное здание» было построено в январе 1781 г. в качестве резиденции наместника⁸⁷. По закону, А. Д. Буткевич, как и подчинённые ему штаб-офицеры, мог претендовать на занятие не более чем трёх «покоев»⁸⁸. Можно предположить, что в данном случае ему удалось разместиться куда более просторно. Помимо квартир пяти главным офицерам, город нанял помещения для полковой канцелярии и лазарета. По требованию Саратовского наместнического правления, изложенному в указе думе от 3 февраля 1793 г., лазарет полка должен был состоять «непосредственно при штабе, дабы господину полковнику удобнее можно было усматривать больных и подавать способы ко излечению»⁸⁹.

Уже в ноябре 1792 г. дума столкнулась с новой проблемой. Настали холода и полк потребовал от города обеспечить отопление всех нанятых ею домов и конюшен. Вдруг выяснилось, что при расчёте «складочной суммы» этот расход учтён не был. Ещё во время работы Уложенной комиссии в 1767 г. горожане, среди прочего, жаловались на то, что офицеры «во взятые дров никакого пределу и расчисления не имеют, и жгут оные сверх потребного числа»⁹⁰. Поведение военных не изменилось и четверть столетия спустя. 25 ноября 1792 г. купеческий и посадский старосты Ф. Кудрявцев и М. Волков рапортовали в думу, что вопреки словесному распоряжению городского головы, никто из офицеров не соизволил дать им расписок о получении дров. В середине декабря те же старосты сообщили, что за период с 15 октября по 3 декабря они доставили военным 55 сажень дров, «которые, уповательно, сего месяца к 15 числу все уже употребятся. За каковым употреблением настоять будут и ещё требованием неотменным». Поставленная перед фактом, что на отопление жилищ офицеров и полковых заведений «в течение двухмесячного времени дров употребляется в расход великое количество», дума на заседании 16 декабря рекомендовала Саратовскому городскому магистрату выдавать дрова «по сходству закона, кому сколько должно быть покоев и по тому какая препорция должна отпускатся». Купеческому и посадскому старостам было предписано требовать от офицеров расписки в получении дров, о чём дума сообщила и полковнику А. Д. Буткевичу.

Расходы города оказались весьма значительными. Только съём и ремонт дома для полкового командира и поправление конюшен обошлись ему в 992 руб. 77 с половиною коп., а отопление квартиры А. Д. Буткевича только за декабрь 1792 – январь 1793 г. – 87 руб. 75 коп. К весне 1793 г.

денег в собранной с горожан «складочной сумме» почти не оставалось. Уже в апреле купеческому и посадскому старостам пришлось срочно изыскивать дополнительные средства, необходимые для обеспечения дальнейшего квартирования полка⁹¹.

Как уже было сказано, согласно общественному приговору 31 декабря 1792 г. все домовладельцы, внесшие в установленном размере деньги в «складочную сумму», освобождались от постоя офицеров Ростовского полка. То, как это решение городского общества выполнялось на практике, прекрасно показывает прошение саратовского купца С. Кривопалова, рассмотренное в думе 31 октября 1793 г. В нём он сообщал, что владеет домом, находящемся «в здешнем городе в 3-й части, в коем также имеет постой здешнего батальона⁹² сержант Григорей Трофимов з женою и сыном, а сверх того на содержание квартиры занятые Ростовского карабинерного полку господами полковником и майором заплачено им по общественному приговору со освобождения ево от постоя денег 15 рублей, но сверх оного во означенной его дом оного карабинерного полку поставлен для квартирования священник, единственно к его (противу прочих) отягощению». Кривопалов просил думу свести от него нового постояльца и «от вышеписанного отягощения защитить». Справясь с документами, дума установила, что проситель действительно внёс через гражданского старосту В. Рогожина указанную сумму и, рассудив, что в Саратове «есть таковые дома, кои совсем не имеют постоя, равно на наём квартир и на содержание оных деньги не платят, а мещанскою городовою выгодою пользуются, ... приказали: в Саратовский городской магистрат сообщить, и требовать дабы оной благоволил ныне у купца Кривопалова без очереди постоя свести ... на другую очередную квартиру, и впредь таковым, кои обязались на содержание штабских квартир платить по общественному приговору деньги постоем не ставить». Среди упоминаемых в документе лиц, не имевших квартир и не вносивших денег, фигурирует несколько саратовских и один сызранский купец, трое чиновников и бывший астраханский губернатор генерал-поручик И. В. Якоби⁹³. Несколько месяцев спустя ситуация с квартирами военнотружущих Ростовского карабинерного полка заинтересовала временно исполнявшего комендантскую должность командира гарнизонного батальона секунд-майора А. В. фон Гартонга. Ему приходилось назначать квартиры приезжавшим в город генералам и штаб-офицерам, но некоторые домовладельцы Саратова отказывались принимать постояльцев, объявляя себя свободными от выполнения повинности. Опираясь на его рапорт, Саратовское наместническое правление направило в городскую думу указ, рассмотренный уже после ухода полка из губернии на заседании 3 июля 1794 г. В соответствии с ним от думы требовалось сообщить, «по какому законоположению» она

«збирает скупы⁹⁴ с лутчих домов, избавляя от постоем, и тот скуп на какой именно расход для господ штаб и обер офицер Ростовского карабинерного полку употребляет»⁹⁵. В ответ на требование наместнического правления дума сообщила, что никаких «скупов» она не собирает, «а нанимались квартиры ... от купеческого и посадского обществ по добровольному между себя согласию и приговором для того именно, чтоб частных людей не обременить таковым важным постоем, ибо ежели штаб офицера поставить к частному человеку, то по неимению покоев и служб принуждён будет хозяин отдать свой дом постояльцу, а себе нанять у посторонних людей особой, а сверх того давать в свой дом постояльцу дрова, на что по дороговизне оных вышла б большая сумма денег, каковая частному человеку быть может весьма отяготительна, в рассуждении чего и содержания были штабские квартиры общественным коштом». Наём домов для офицеров полка потребовал 633 руб. 25 коп. Вместе с деньгами, затраченными на отопление всех нанятых зданий, но без учёта стоимости их ремонта, постой Ростовского полка обошёлся городу в 1882 руб. 75 коп.⁹⁶ Перечислив купцов, из чьих взносов составлялась «складочная сумма»⁹⁷, дума сообщала, что «сделали они обществу в вышеписанных расходах подмогу, за что и уволены были ... от постоя». Гартонгу предлагалось послать указ из наместнического правления, в котором предложить, «дабы он, во время надобности квартир, требовал оные от городского магистрата чрез определённых и всегда состоящих у него на лице⁹⁸ городских квартирмейстеров»⁹⁹.

Было бы ошибочно считать, что полк, находившийся на квартировании во внутренней губернии, пребывал в некоем статичном состоянии, лишённом каких-либо значимых событий. На самом деле в такие периоды внутренняя жизнь части не только не замирала, но, порой, напротив, наполнялась новым содержанием. Приход военной оживлял экономику региона, вливал свежую струю в общественную жизнь местного дворянства. Офицеры активно участвовали в коллективных охотах, торжественных мероприятиях, балах, маскарадах, обедах и вечерах с неизбежными карточными играми. Здесь заводились новые знакомства, заключались сделки, возникали заёмные обязательства. Как вспоминал А. С. Пищевич, офицеры Ростовского полка, «покинув пустыню Кавказскую, увидели себя посреди многолюдного общества». В Саратове «дни в недели были разобраны лучшими в городе домами, в которые popolудни съезжались, занимались картами, а в вечеру начинались танцы, которые продолжались нередко далеко за полночь»¹⁰⁰. В начале 1793 г., когда дворянство съехало в губернскую столицу для выборов должностных лиц, балы уже стали «вещью обыкновенною и потому дано было четыре сряду маскарада»¹⁰¹. Время пребывания в Саратове, по признанию А. С. Пищевича, «текло между разными утехами»¹⁰².

В ряды армейского формирования спешили вступить молодые дворяне, чтобы, пользуясь пребыванием части в их губернии, формально «отбыть срок» до получения заветного офицерского чина, так сказать, «по месту жительства». Как только полк уходил на новые квартиры, многие из таких новобранцев немедленно подавали в отставку. Подобные примеры были весьма обычны в 70–80-е гг., когда в Саратовском крае находились на постое Астраханский, Владимирский, Санкт-Петербургский драгунские полки, двухротная команда 1-го Артиллерийского фузельёрного полка, подчинённая конторе опекунов иностранных поселенцев, и другие части. Для той же цели часто использовался и Саратовский гарнизонный батальон¹⁰³.

Активный приток новобранцев из числа дворян с лихвой возмещал отток из полков выходивших в отставку офицеров. Обычный мотив расставания с армией – брак с дочерьми местных помещиков или богатыми вдовами. А. С. Пишчевич называет в своих записках, по крайней мере, одного сослуживца 26-летнего ротмистра Николая Никаноровича Струкова¹⁰⁴, покинувшего родной полк именно с такой целью. Женившись в Саратове, он «получил за женою 300 душ бородастых мужиков¹⁰⁵, а это было для него довольно выгодно, ибо он бедняк ничего не имел». «Для моего друга сия женитьба составила состояние, которого, может, по службе бы ему не довелось сделать, и я доволен тем, что он, вышед в отставку, продолжает дни покойные. Судьба его привела ради сего в Саратов», – писал по этому поводу А. С. Пишчевич¹⁰⁶. В качестве завидного жениха в городе рассматривали и самого мемуариста, но его в эти годы узы Гименея ещё не привлекали.

В то время, когда офицеры всеми возможными способами разнообразили свой досуг, рядовые солдаты оставались разбросанными по селениям губернии, часто без какого-либо надзора со стороны своих непосредственных начальников. Вернуться в своё «первобытное» крестьянское состояние им мешали лишь необходимость заботы о лошадях и амуниции, а также случавшиеся иногда служебные командировки. Так, согласно официальным данным, в 1793 г. за период с мая по август включительно в различных «отлучках» находилось 123 комплектных и 6 сверхкомплектных воинских чина с 32 строевыми и 2 подъёмными¹⁰⁷ лошадьми¹⁰⁸. Иногда такие командировки удавалось сделать весьма выгодными для посылавшихся в них солдат. Пример такого рода мы находим в тех же записках А. С. Пишчевича. Во время квартирования в Терсе к нему обратился местный капитан-исправник, просивший определить к нему двух карабинер «для понуждения взноса казённых недоимок». Пишчевич, «ведая, что при таком случае солдаты получают подарки, ... чтоб дать случай ... подчинённым нажать копейку, выбрал двух отличного поведения и рачительной службы солдат и дал ему»¹⁰⁹. За время поста в Саратовском наместничестве претерпел изменения и кадровый

состав Ростовского карабинерного полка. 30 апреля 1793 г. «за неспособностью к полевой службе» часть покинули 30 человек. В губернскую штатную роту гражданского подчинения, под командой капитана И. Н. Образцова, были определены каптенармус, 3 капрала и 26 рядовых. Взамен их комендант полковник В. В. фон Гартонг прислал в полк несколько новонабранных и пойманных из бегов рекрут, а также рядовых гарнизонного батальона. Ряды карабинер пополнил даже один «праздно шатающейся церковник»¹¹⁰.

В первой половине января 1794 г. генерал-майор князь А. Щербатов, которому было поручено возглавить силы, предназначенные к усмирению казаков нескольких донских станиц, предписал командирам Каргопольского и Ростовского полков, «выступя под видом к выгоде для перемены квартир, приблизиться к границам донским и расположиться, не входя в оные, одному Новохопёрского уезда, а другому на Медведице в самых последних селениях»¹¹¹.

Приказ о выступлении от временного командовавшего Ростовским полком секунд-майора А. М. Щеглова Пишчевич получил «в исходе января». 24-го числа его эскадрон покинул Терсу и, «с крайней поспешностью без всяких отдыхов, по безмерной глубине снега просёлочными дорогами, при почти нестерпимых морозах и вьюгах», достиг места сбора – с. Усть-Бурлук Камышинского уезда¹¹². Сюда же спешно прибыл из Петербурга и полковник А. Д. Буткевич, отпущенный в столицу на месяц в отпуск с 16 ноября 1793 г.¹¹³ Ростовский карабинерный полк первоначально выступил в половинном составе: 512 человек при 468 лошадях из состоявших «налицо» к началу января 1794 г. 1012 военнослужащих и 1004 лошадей¹¹⁴. «Когда все эскадроны собрались, то мы вошли в Донские пределы», – вспоминал А. С. Пишчевич¹¹⁵. 20 июня 1794 г. Г. А. Скопин отметил в своём дневнике уход из Саратова «на Дон» последних карабинеров Ростовского полка¹¹⁶.

Полуторогодичный постой в Саратовской губернии Ростовского карабинерного полка завершил собой длительный период в истории края, когда в его пределах регулярно размещались на квартиры воинские части Русской армии. В конце XVIII столетия вектор внешней политики России начал резко склоняться к западу, следствием чего явилось постепенное перемещение туда и основной части военных сил государства.

Примечания

- 1 См.: Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904. Вып. XVI. С. 26.
- 2 Конский состав кавалерийских полков, расположенных на южных границах империи, нередко пополнялся малорослыми лошадьми местных степных пород,

- привлекавших военных, помимо прочего, своей дешевой и выносливостью. Естественно, что всадники на таких лошадях выглядели весьма непрезентабельно и мало походили на идиллические картинки из знаменитого издания А. В. Висковатого.
- ³ См.: Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 121.
- ⁴ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 181 об., 182; Д. 407. Оп. 1. Д. 1441, Л. 1 об.
- ⁵ В послужном списке офицера и некоторых официальных документах его фамилия писалась как *Пишчевич*.
- ⁶ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 4. С. 267.
- ⁷ См.: [Пишчевич С. С.] Известие о походе Симеона Степановича Пишчевича // Чтения Императорского общества истории и древностей России. 1882. Кн. 2.
- ⁸ См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 60 об, 61; Собрание всех помещённых в ведомостях обеих столиц с 1788 по 1790 год включительно реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. Ч. II. М., 1791. С. 178; Русский биографический словарь: В 20 т. Т. 12. «Педашенко – Пятовы». М., 2001. С. 137; [Пишчевич А. С.] Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1805. В трёх частях // Чтения Императорского общества истории и древностей России. 1885. Кн. 1–2. С. 1.
- ⁹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁰ Скопин Г. А. Дневник происшествий // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской учёной архивной комиссией в память трехсотлетия города Саратова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 34.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 61. Л. 99 об, 102 об, 103, 106.
- ¹² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 47.
- ¹³ Ныне с. Мордово Красноармейского р-на Саратовской обл. Экономическое село, т. е. населённое экономическими крестьянами. До секуляризации церковных земель в 1764 г. они принадлежали монастырям.
- ¹⁴ На самом деле значительно меньше.
- ¹⁵ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁶ Имеется в виду Покровская слобода (ныне г. Энгельс), населённая малороссиянами-солевозчиками. О том, что обыватели слободы «зажиточны», писал в 1769 г. путешественник И. П. Фальк ([Фальк И. П.] Записки путешествия Академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук, по предложению её президента с примечаниями, изъяснениями и дополнениями. СПб., 1824. Т. 6. С. 117).
- ¹⁷ Речь идёт о с. Лох, ныне находящемся в Новобураском р-не Саратовской обл.
- ¹⁸ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁹ Имеется в виду главный уездный орган власти Саратовский Нижний земский суд, который «Учреждение об управлении губерниями» 1775 г. наделяло широкими полномочиями. Члены суда избирались на три года из местных дворян, возглавлял которых капитан-исправник. В указанный период эту должность занимал известный своими злоупотреблениями прапорщик В. Г. Горбунов. Пойманных без документов бродяг, доставлявшихся к нему в суд, он имел обыкновение оставлять у себя в качестве подневольных работников. В 1789 г. В. Г. Горбунов проходил подозреваемым в нашумевшем деле об «изветах» коллежского регистратора И. И. Игнатьева. Главными объектами его разоблачений стали тогда губернатор И. И. Поливанов и вице-губернатор М. И. Агалин. Под горячую руку попали и некоторые из местных чиновников. Согласно показаниям Игнатьева, В. Г. Горбунов производил систематические натуральные поборы с саратовских бобылей. К Масленице они доставляли ему рыбу, к Пасхе – гусей и яйца, к Петрову дню (29 июня по ст. ст.) баранов. Кроме того, чета Горбуновых предпочитала в своих разъездах бесплатно пользоваться крестьянскими лошадьми. Разумеется, никто из нещадно эксплуатируемых жертв исправника не посмел подтвердить показания И. И. Игнатьева. Умер В. Г. Горбунов всего через несколько месяцев после описываемого А. С. Пишчевичем эпизода. О том, что «от исправника и секретарей житья нам нету», в стихотворной форме жаловались несколькими годами позже саратовские крестьяне (См.: Щеглов С. А. Просьба, принесённая от крестьян на земский суд // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 342–345). Тиранские нравы и поборы с населения сделали капитан-исправников хрестоматийной фигурой в обличительных сочинениях последней четверти XVIII столетия (См.: Гуковский Г. А. Орлов В. Подпольная поэзия 1770–1800 годов // Литературное наследство. М., 1933. Кн. 9–10. С. 32).
- ²⁰ «Мужик ничего так не боится, как солдата», – писал в те же годы И. М. Долгорукий (См.: Долгорукий И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. СПб., 2004. Т. 1. С. 107). Саратовец А. Н. Радищев писал о «обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат» (Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1983. С. 183). В «Недоросле» Д. И. Фонвизина Простаков пугается известия о приходе солдат, которые «разорят ... до конца», а его супруга так благодарит офицера Милона за его подчинённых: «Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул!» (Действие 1. Явление 8; Действие 2. Явление 5).
- ²¹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 158 – 159.
- ²² Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 2. Д. 39. Л. 5 об, 6; [Ржевский С. М.] О русской армии во второй половине екатерининского царствования. Современная записка генерал-поручика С. М. Ржевского // Русский архив. 1879. № 3. С. 360.
- ²³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 222. Карт. 16. Ед. хр. 2. Л. 63 об.
- ²⁴ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 163. «Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньги в карман. Как такого благодетеля извести?», – говорит Кирилл Петрович Троекуров

- в знаменитом романе А. С. Пушкина «Дубровский» (См.: *Пушкин А. С. Избранные сочинения*. М., 1978. Т. 2. С. 464).
- ²⁵ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 173. Например, в том же 1792 г. в окрестностях Хвалынского орудовала дерзкая шайка атамана Н. И. Елина, для поимки которой пришлось вызывать воинскую команду из Саратова (ГАСО. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 86).
- ²⁶ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 165; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 55, 61, 205.
- ²⁷ *Скотин Г. А.* Указ. соч. С. 34.
- ²⁸ Ныне Воскресенский р-н Саратовской обл. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 50).
- ²⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. XVII. № 12543.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Ныне в Вольском р-не Саратовской обл. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 183).
- ³² *Маевский Н. С.* Из семейных воспоминаний // Исторический вестник. 1881. № 10. С. 325.
- ³³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 171 – 172. Этот «робкий» офицер, происходивший из бедных дворян, даже не имевших крепостных, вступил в службу простым солдатом в 1766 г. «За отличие ... при взятии штурмом крепости Анапской» в 1791 г. он 9 августа 1792 г. получил похвальную грамоту и был произведён сверх комплекта в чин секунд-майора. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 49 об, 53); Собрание ... С. 175; Список воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, таже-де кавалерам военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1794 год. СПб., 1794. С. 261.
- ³⁴ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 171–172.
- ³⁵ *Ланжерон А. Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 151–152.
- ³⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб; М., 1882. Т. 3 «П». С. 9.
- ³⁷ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 153. То, что солдатские пайки попадали к обывателям «далеко не в полной мере», признавала впоследствии и официальная история военного ведомства. См.: Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902. Т. VII. Ч. 1. С. 486. В 1767 г. крещеная мордва и чуваша соседних с Саратовской округой Петровской, Пензенской и Саранской провинций в своём наказе в Уложенную комиссию жаловались, что военные «берут ... всякий съестной харч и на лошадей фураж без всякого денежного платежа ... и ... принуждают ... к подписке, что якобы оные нам никаких обид не чинили» (См.: Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 134). Очевидно, что практика фактического ограбления крестьян уходила своими корнями к первым годам существования русской регулярной армии. См., также: *Гуковский Г. А.* Солдатские стихи XVIII века // Литературное наследство. С. 114–117.
- ³⁸ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 161. Сложившаяся в XVIII столетии практика обогащения офицеров за счёт желудков солдат и крестьян оставалась неизменной и в последующие десятилетия. Согласно показаниям одного из лидеров декабристов М. И. Муравьёва-Апостола «большая часть полковых командиров ... пользуются незаконным образом солдатским провиантом < ... >. Ротные командиры, желая иметь также какую-нибудь выгоду, угрожают жителям, которые кормят солдат, и дают им квитанции. Это заставляет их быть несправедливыми, когда бывают жалобы» (Цит. по: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 119).
- ³⁹ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 172. Для Н. В. Есипова, менее десятилетия тому назад покинувшего армию секунд-майором, такая практика, надо полагать, являлась самой обычной. Это не мешало властям рассматривать его в качестве верного слуги престола. 22 октября 1790 г. его «усердная ... служба, радение в делах и ревностные труды в исполнении должности» были вознаграждены орденом Св. Равноапостольного кн. Владимира 4-й степени. Благополучная карьера Н. В. Есипова продлилась ещё порядка полутора десятилетия. В Саратове он проживал в богатом доме с железной крышей, находившемся на Царицынской ул. (ныне ул. Чернышевского) в приходе церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы. Дом имел обширный дворовый участок в 1612 сажени. Соседом Есипова был знаменитый вольский откупщик В. А. Злобин, с три раза меньшим по площади с дворовым местом и огромным садом. В 1803–1809 гг. Н. В. Есипов состоял в должности Камышинского и Царицынского уездного предводителя дворянства (ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 207; Ф. 15. Оп. 1. Д. 113. Л. 18; Ф. 19. Оп. 1. Д. 440. Л. 10–12, 218–219).
- ⁴⁰ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 158. Впрочем, сам мемуарист далее признаётся, что однажды он всё-таки запустил руку в артельную сумму, уменьшив её на 200 руб. (Там же. С. 173).
- ⁴¹ Там же. С. 176. О казнокрадстве и злоупотреблениях в русской армии см. также: *Экитум С. А.* «Мзда не лихва». Безгрешные доходы как феномен русской истории // Родина. 2006. № 8.
- ⁴² *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для потомков: В 3 т. Т. 1. 1738–1759. М., 1993. С. 166; *Маевский Н. С.* Указ. соч. С. 324–325.
- ⁴³ *Маевский Н. С.* Указ. соч. С. 325–326; № 11. С. 554.
- ⁴⁴ Дома у А. Д. Буткевича хранилась большая фарфоровая чашка с портретом императрицы, подаренная ему самой Екатериной II. Другой подарок государыни – перстень с «необыкновенной по величине бирюзой» – он не снимал до самой смерти (*Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 326).
- ⁴⁵ Внук А. Д. Буткевича Н. С. Маевский ошибался, полагая, что этот орден его дед получил за участие в штурме Очакова (См.: *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 326). А. Ф. Ланжерон писал о таких искателях орденов: «Если кампания оканчивается штурмом, они делают вид, что находились на нём и требуют себе наград. Так как все они сыновья или двоюродные братья министров или фаворитов, то начальник включает их в свою реляцию. Тотчас же на этих маленьких газетных и будуарных героев сыплются дождём сабли, кресты и медали» (См.: *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. № 4. С. 176).

- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2905. Л. 32; Д. 2906. Л. 51 об – 52; Собрание ... С. 174–175; Список ... С. 138; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 192.
- ⁴⁷ *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 326; *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 107, 164. Знакомство и дружба с ней у А. С. Пишчевича переросла в более близкие отношения. Заподозрив офицера в ухаживаниях за супругой, А. Д. Буткевич под предлогом предстоящего смотра вверенного ему эскадрона отослал А. С. Пишчевича на его квартиру в с. Лох. Близкие отношения Пишчевича с Анной Ивановной продолжились в 1796 г. в Санкт-Петербурге. Примерно в то же время между Буткевичем и его женой произошёл разрыв и скорый развод. Согласно семейному преданию, однажды супруг, сам открыто изменявший жене, застал свою вторую половину в обществе сослуживца, «весьма впоследствии известного генерала», которого ревнивый муж выкинул в окно (*Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 214; *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 327). Бедствовавшей после развода Анне Ивановне император Павел в 1796 г. пожаловал 300 душ крестьян (Указы, распоряжения и резолюции императора Павла. 1796–1801 // Русская старина. 1873. № 4. С. 495).
- ⁴⁸ *Долгорукий И. М.* Указ. соч. С. 306.
- ⁴⁹ *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 328. Автор интересных воспоминаний об А. Д. Буткевиче доводился сыном другому довольно известному мемуаристу, соратнику и подчинённому А. А. Аракчеева, начальнику Старо-русских военных поселений генерал-майору С. И. Маевскому (1779–1848). С дочерью Буткевича Любовью Александровной он обвенчался 16 октября 1829 г. (Там же; *Маевский С. И.* Мой век или история генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 11. С. 777).
- ⁵⁰ См.: *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 160.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия в XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 359.
- ⁵³ [*Воронцов С. Р.*] Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске (1802) // Русский Архив. 1876. № 11. С. 348.
- ⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 39. Л. 6; *Ржевский С. М.* Указ. соч. С. 357.
- ⁵⁵ См.: *Массон К.* Секретные записки о России и в частности о конце царствования Екатерины II // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках. М., 1998. С. 210.
- ⁵⁶ См.: *Бородкин М. М.* Русская армия при Екатерине II // Военный сборник. 1909. № 8. С. 11. См. также: *Бегунова А. И.* «Сабли остры, кони быстры ...» (Из истории русской кавалерии). М., 1992. С. 68.
- ⁵⁷ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 156 – 160.
- ⁵⁸ *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск, 2000. С. 199.
- ⁵⁹ См.: *Шапков С. С.* Недуги русского общества в XVIII и в начале XIX в. // Дело. 1883. № 11. С. 126–134; *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1901. № 12. С. 475.
- ⁶⁰ *Белов И. Д.* Наш солдат в песнях, сказаниях и поговорках // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 320.
- ⁶¹ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 162 – 163. См. также: *Массон К.* Указ. соч. С. 210.
- ⁶² РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 39. Л. 6–6 об; *Ржевский С. М.* Указ. соч. С. 360.
- ⁶³ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 162.
- ⁶⁴ См.: *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 118.
- ⁶⁵ См.: *Буганов В. И.* Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 316. Подробно о труде военнослужащих на своих командиров см.: *Шапков С. С.* Указ. соч. С. 127.
- ⁶⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 285.
- ⁶⁷ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 150.
- ⁶⁸ См.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 71.
- ⁶⁹ Одновременно с А. Д. Буткевичем (См.: Военный орден ... С. 192).
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7020. Л. 128 об – 129; Список ... С. 45; Расписание Главной армии с её корпусами под предводительством генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического (Приложение к рескрипту 16 мая 1791 г.) // Русский архив. 1874. № 2. С. 263.
- ⁷¹ На самом деле в 1793 г. ему было всего 51 год (по другим данным – 55 лет). См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7020. Л. 128 об. Любопытно, что «стариком» называет его и князь И. М. Долгорукий (*Долгорукий И. М.* Указ. соч. С. 344).
- ⁷² Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.
- ⁷³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 165 – 166.
- ⁷⁴ Там же. С. 166.
- ⁷⁵ Идентифицирован по: ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 210.
- ⁷⁶ В г. Нижний Ломов Пензенской губернии квартировал ещё один полк его бригады – Каргопольский карабинерный. Командовал им тоже «весёлого свойства человек» полковник Д. М. Тараканов (См.: *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 170; Список ... С. 142; *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961. С. 344).
- ⁷⁷ Ныне районный центр Саратовской обл.
- ⁷⁸ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 166. В начале 90-х гг. крепостные из вотчин сенатора и камергера двора А. К. Разумовского – одного из просвещённых людей эпохи, совершали частые побегии на Кавказскую линию в убеждении, что от них скрывают изданные якобы указы «о вольности и о свободе помещичьих крестьян» (ГАСО. Ф. 414. Оп. 1. Д. 164. Л. 16 и далее; Д. 165. Л. 4 а об; Д. 170, Л. 428 и далее).
- ⁷⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 204 об. В дальнейшем И. Ф. Беервиц достигнет чина генерал-лейтенанта. При императоре Павле он был шефом Сибирского драгунского полка, а чуть позже стал инспектором кавалерии Сибирской инспекции.
- ⁸⁰ Из саратовских историков на записки А. С. Пишчевича, почему-то названные «дневником», обратил внимание А. А. Герасимов, нашедший в них «очень любопытные

- сведения о местном обществе того времени» (См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 46). Попутно ссылалась на текст Е. Н. Кушева (См.: *Кушева Е. Н.* Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 8. С. 687).
- ⁸¹ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб., 1999. С. 207.
- ⁸² *Чечулин Н. Д.* Указ. соч. № 5. С. 93.
- ⁸³ *Ланжерон А. Ф.* Указ. соч. С. 89, 96; № 4. С. 172.
- ⁸⁴ См.: *Попов Н. А.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. № 6. С. 612.
- ⁸⁵ Возможно, речь идёт о доме местной помещицы супруги капитана гвардии В. Ф. Карамышева Александре Ивановне.
- ⁸⁶ Один из наиболее богатых саратовских дворян тех лет. Большое состояние он, вместе с братом, унаследовал от отца – пензенского помещика, разбогатевшего на винных откупах и незаконных операциях с солью и рыбой. В доме отставного артиллерийского поручика П. С. Шевырёва к услугам хозяев и гостей всегда находились крепостные музыканты. В 1793 – 1805 гг. он последовательно занимал должности Саратовского уездного и губернского предводителя дворянства и в последнем качестве участвовал в коронации императора Александра I. Его сын – С. П. Шевырёв (1806 – 1864) стал впоследствии известен как литературный критик и историк русской словесности (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 241 а. Л. 111 об – 113 об).
- ⁸⁷ *Скотин Г. А.* Указ. соч. С. 20; *Духовников Ф. В.* К истории топографии Саратова. Черновые наброски покойного профессора Г. С. Саблукова // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 113.
- ⁸⁸ ПСЗ. Т. XVII. № 12543.
- ⁸⁹ Полковничья инструкция предписывала избирать под лазарет «спокойной и в свежем воздухе выстроенной дом с кухнею» (Там же).
- ⁹⁰ *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 69.
- ⁹¹ См.: *Пищевич А. С.* Указ. соч. С. 164; ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 319, 319 об; Д. 34. Л. 93, 93 об; Д. 35. Л. 9 – 9 об, 85, 85 об, 135; Д. 44. Л. 181 об, 182, 421; Ф. 15. Оп. 1. Д. 70. Л. 10 об, 69; Д. 75. Л. 9 об.
- ⁹² Имеется в виду сформированный в 1764 г. Саратовский гарнизонный батальон.
- ⁹³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 181, 182; Д. 44. Л. 92 об.
- ⁹⁴ *Скуп* – откуп от чего-либо, выкуп; здесь в значении соответствующего взноса. См.: *Даль В. И.* Указ. соч. «Р – V». СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 213.
- ⁹⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 69.
- ⁹⁶ Там же. Л. 92 об – 93 об.
- ⁹⁷ В их числе были такие известные личности, как будущий городской голова О. Ф. Горбунов и основатель дворянского рода М. А. Устинов.
- ⁹⁸ Здесь читай: «налицо».
- ⁹⁹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 44. Л. 94 – 94 об. Городские квартирмейстеры, избравшиеся из числа горожан, состояли при магистратах и, по согласованию с полицией, занимались размещением в домах обывателей военных и гражданских чинов.
- ¹⁰⁰ *Пищевич А. С.* Указ. соч. С. 159.
- ¹⁰¹ Там же. С. 160.
- ¹⁰² Там же. С. 164.
- ¹⁰³ Применительно к Ростовскому карабинерному полку известны имена, по крайней мере, 17 новобранцев из саратовских дворян и чиновников. В 1793 г. в него поступили К. К. Спасков, И. И. Болтенков, В. И. и А. И. Быковы, М. А. Алфимов, И. И. Неклюдов, И. Г. Лутохин, А. И. Москвитин, И. Н. Гусев, Ф. Н. Биглов, Г. Ф. Михирев, П. И. Шустов, Ф. М. Авилов, А. Д. Гавришин, В. А. Тебенков, С. В. Бондаревский, Ф. Д. Митюрин (*Хованский Н. Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 165; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 249. Л. 2; Оп. 3. Д. 92. Л. 19, 28; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 24 об – 25, 28 об – 30). Личность последнего из перечисленных офицеров привлекает особое внимание. В начале XIX столетия ему довелось участвовать в кампаниях против турок и французов в 1806–1809 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе Русской армии. Ф. Д. Митюрин сражался при Смоленске и Бородино, Малоярославце, Красном и Лейпциге, штурмовал Париж. За отличие в битве при Лаоне он был награждён Золотой шпагой (См.: *Хованский Н. Ф.* Указ. соч. С. 165).
- ¹⁰⁴ Не путать с его братом Никанором Никаноровичем Струковым, позже служившим городничим в г. Вольске.
- ¹⁰⁵ Женившись на дочери майора Елизавете Павловне Карамышевой, он получил вместе с нею более полутора сотни крестьян (с жёнами и детьми – порядка четырёх сотен). В 1794 г. супруги активно приобретали в губернии крепостных. (ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 20 об – 21 об; Д. 102. Л. 170 об – 177 об; Ф. 107. Оп. 1. Д. 156.
- ¹⁰⁶ *Пищевич А. С.* Указ. соч. С. 181. Согласно послужному списку, Струков «вступил в службу» рядовым в 1770 г., когда ему едва исполнилось пять лет. Через 13 лет его произвели в подпоручики пехоты. В составе Ростовского карабинерного полка, в который он вместе с младшим братом Александром перешёл в начале 1791 г., ему довелось участвовать в стычках с ногайцами и штурме Анапской крепости. В последнем деле он был ранен «в левую ногу черепом от бомбового ядра». Полную отставку секунд-майором Н. Н. Струков получил по собственному прошению «за чахоточную болезнию» лишь в начале 1795 г. Мать Н. Н. Струкова владела в Богородском уезде Московской губернии 600 душами крестьян (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 6 об – 7; ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 20 об – 21 об; Д. 102. Л. 170 об – 177 об). 6 ноября 1793 г. в часть из Тамбовского пехотного полка поступил ещё один самый старший из братьев Струковых Григорий. Его судьба сложилась совершенно иначе. Способности и храбрость офицера вскоре были замечены начальством и в 1796 г. Г. Н. Струкова перевели в свиту императора Павла «по квартирмейстерской

части» (прообраз Генерального штаба). В 1799 г. офицер попал в плен к французам во время голландской экспедиции русских войск. С 1802 г. Струков служил при Оренбургском генерал-губернаторе, произвёл съёмку и описание киргиз-кайсацких степей, руководил устройством Илецкой линии. Здесь, уже в отставке, он умер 28 января 1846 г. (См.: Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский – Суворин». С. 566–567).

¹⁰⁷ Т. е. грузовыми, предназначенными к запряжке.

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 205.

¹⁰⁹ Пишчевич А. С. Указ. соч. С. 176–177.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 178 об.

¹¹¹ Цит. по: *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 343.

¹¹² Ныне с. Бурлук Котовского р-на Волгоградской обл.

¹¹³ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 177. Дальнейшая биография А. Д. Буткевича складывалась вполне благополучно. 27 сентября 1794 г. он был переведён в Тамбовский мушкетёрский полк, а в 1804 г. и вовсе вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта, по-

селся в Петербурге, где, будучи заядлым игроком, «никогда не выходил из долгов». После завершения Отечественной войны и заграничных походов он во главе Комитета Санкт-Петербургского ополчения занимался его роспуском. Скончался и похоронен был А. Д. Буткевич в принадлежавшем ему селе Спасском Старорусского уезда Новгородской губернии 9 апреля 1832 г. (См.: *Маевский Н. С.* Указ. соч. № 10. С. 329–330; № 11. С. 559; *Апухтин В. Р.* Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. Т. 1. М., 1912. Прил. 1. С. 18). Ещё раньше Ростовский полк покинул А. С. Пишчевич, перейдя 10 марта 1794 г. в Каргопольский карабинерный полк. 20 ноября 1796 г. он был переименован в коллежские ассесоры и причислен к герольдическому ведомству. Оставшиеся годы жизни Пишчевич посвятил мемуарному и литературному творчеству.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2906. Л. 183; *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 344.

¹¹⁵ *Пишчевич А. С.* Указ. соч. С. 178.

¹¹⁶ См.: *Скопин Г. А.* Указ. соч. С. 35.

УДК 347.965(470–89)+929[Токарский+Чернышевский]

ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ А.А. ТОКАРСКИЙ («НА ЕГО РУКАХ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И УМЕР...»)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматриваются последние 113 дней жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского в Саратове, его общение в этот период с присяжным поверенным А.А. Токарским, воспоминания которого об этих встречах содержат впечатления об образе мыслей писателя и малоизвестные фрагменты его повседневной жизни. В работе также приводится краткая биографическая характеристика Токарского – популярного саратовского адвоката, видного общественного и политического деятеля России начала XX в.
Ключевые слова: присяжный поверенный, А. А. Токарский, Чернышевский, воспоминания, последние дни жизни.

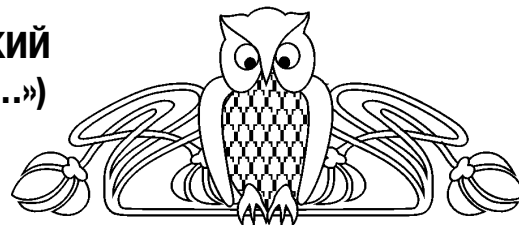
**The Juror confidant A.A. Tokarskiy.
(«On his hands Chernyshevskiy is dead...»)**

Yu.V. Varfolomeev

In article are considered last 113 days to life and activity N. Chernyshevskogo in Saratov, his contact in this period with juror confidant A.A. Tokarskiy, memory which about these meeting contains the impressions about image of the thoughts of the writer and a little-known fragments his ordinariness. In work also happens to short biographic feature Tokarskogo – a popular lawyer of the Saratov, well-known public and politician to Russia begin XX century.

Key words: Juror confidant, Tokarskiy, Chernyshevskiy, remembered, the last days of life.

В ночь с 16 на 17 октября 1889 г. Н.Г. Чернышевского не стало. Рядом с ним в эти по-

следние мгновения были самые близкие люди, среди которых оказался и присяжный поверенный А.А. Токарский. Кто же был этот человек, таким печальным образом вошедший в биографию Чернышевского?

Александр Ардалионович Токарский родился 23 июля 1852 г. в Петербурге. Из дворян, но его род не был записан в родословные книги. В 1874 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 21 декабря 1874 г. по 6 марта 1876 г. состоял помощником присяжного поверенного округа Петербургской Судебной Палаты. В марте 1876 г. на основании определения общего собрания отделений Саратовского окружного суда был принят помощником, а в феврале 1880 г. – присяжным поверенным округа Саратовской Судебной Палаты¹.

Казалось бы, что общего было у этих двух людей – писателя и адвоката? Но их судьбы удивительным образом переплелись еще в начале 60-х гг. XIX в. Первые воспоминания Александра Токарского о Н.Г. Чернышевском связаны с его детскими годами. Дом Пыпиных был первым домом, куда он попал. «Мы жили в деревне. Семья наша хорошо была знакома с Пыпиными; одна из них, Варвара Николаевна, с отцом своим, Николаем Дмитриевичем Пыпиным, проживала

в том же селе Баланде, где жила и наша семья, и была крестною матерью младшего брата моего Ардалиона², – вспоминал А.А. Токарский. Как-то раз отец Александра, приехав из Саратова, рассказал, что Чернышевский арестован и посажен в крепость. «Мое собственное представление о Чернышевском, – подметил в связи с этим Токарский, – а вернее всего, слезы матери убедили меня в том, что случилось страшное несчастье»³.

В то время, когда шел процесс по делу Чернышевского, а в обществе распространялись самые невероятные и гнетущие слухи, юный Александр Токарский старался быть в курсе всех перипетий этой человеческой драмы и искренне сопереживал судьбе революционера вместе с его родственниками. «Старшие сдерживались, но глубоко впечатлительный Петр Николаевич (сын Н.Д. Пыпина, ровесник Токарского. – Ю. В.) весь находился под этими тяжелыми слухами, – вспоминал о тех днях Токарский. – И я хорошо помню наши продолжительные прогулки по огромному двору Пыпиных и то, что он мне все рассказывал по секрету о Николае Гавриловиче, о его деле, о его деятельности. <...> Но вскоре последовал приговор и ссылка Чернышевского. Это я тоже узнал из рассказов Петра Николаевича <...> эти рассказы были как бы приобщением меня к общему семейному горю родных Чернышевского, и они меня как бы связали с этой семьей»⁴.

Но именно тогда Токарский понял, что и эти рассказы, и его общение с родственниками опального революционера связывали его таким образом, и с самим Чернышевским. Когда сверстники Александра еще не знали и имени Чернышевского, он уже прочитал все, что принадлежало его перу. «Мои гимназические и студенческие годы относятся ко времени наибольшего увлечения не скажу идеями Чернышевского, а романом “Что делать?”, – отмечал Токарский. – Я знал множество Оленек и Машенок, которые переделывались в Верочек. Знал Лопуховых, Кирсановых и особенно Рахметовых. К началу семидесятых эти волны опали, и отношение к идеям Чернышевского стало глубже и вдумчивее»⁵.

Через семью Пыпиных Токарский познакомился и с О.С. Чернышевской, часто бывал у нее и «...одно время даже чему-то обучал младшего сына Михаила Николаевича, но чему – не помню»⁶, – признавался он. «В отличие от своего старшего брата, жившего в семье известного русского врача П.И. Бокова, – отмечает Е.Н. Манонова, М.Н. Чернышевский не имел гувернанток и домашних учителей»⁷. Таким образом, в роли домашнего учителя Михаила Чернышевского одно время выступал и юный Александр Токарский.

Чаще всего Александр бывал у жены Чернышевского в начале весны. Она снимала дачу, и хотя учебные занятия еще продолжались, но гимназисты, среди которых был и Токарский, не только в праздники, но и в будни находили время прибегать к ней. «К ней влекла нас полная свобода, которую

она нам предоставляла, и непринужденность, с которой она нас встречала, – отмечал он. – Мы шли к ней с своей провизией, чаем, сахаром и всякими предметами своей практической и научной изобретательности, вплоть до инструментов и материалов для постройки воздушного корабля. Все наши занятия перемешивались с рассказами Ольги Сократовны о Николае Гавриловиче»⁸.

В начале 80-х гг. XIX в., уже занимаясь в Саратове адвокатской практикой, Токарский, как только освободился дом Чернышевского, снял его под квартиру и прожил в нем несколько лет. Дом на тот момент долго не ремонтировался, и чтобы оставаться в нем дольше, необходимо было произвести капитальный ремонт. Поэтому А.А. Токарский с начала весны 1889 г. по соглашению с Ольгой Сократовной начал ремонтировать дом в счет арендной платы. На это время семья присяжного поверенного переехала на дачу, а он сам каждый день приезжал в город и вел прием клиентов в летней кухне, которая находилась в глубине двора.

В конце мая О.С. Чернышевская получила известие о том, что Николаю Гавриловичу разрешено переехать в Саратов, и стала искать квартиру. Узнав об этом, Токарский предложил ей занять дом, который он снимал, но она наотрез отказалась, заявив, что денег, затраченных им на ремонт, у них нет, а брать в долг она бы не хотела. «Притом же, мы найдем квартиру дешевле, нас только двое, дом велик, и мы будем в барышах»⁹, – рассудительно прикинула хозяйка.

Между тем Ольга Сократовна вспомнила, что когда-то Николай Гаврилович посадил желтый шиповник и теперь спрашивал, растет ли он еще. Они осмотрели двор, но никаких следов шиповника не нашли. Тогда Токарский пообещал ей, что к приезду Николая Гавриловича он обязательно посадит точно такой же куст шиповника. «Мы приблизительно определили место, – вспоминал Токарский об этой операции, – и я потом из леса с комом земли перенес на него огромный куст желтого шиповника»¹⁰.

Наконец, Н.Г. Чернышевский «27 сего июня прибыл в Саратов и остановился на квартире в доме Никольского на Соборной площади <...>, – докладывал Саратовскому губернатору полицмейстер Х.М. Лотовицкий. – На другой же день по приезду Чернышевский побывал в своем доме, где жил с семьей А.А. Токарский, присяжный поверенный Саратовского окружного суда, навестил Пыпиных и семидесятичетырехлетнего родственника И.Н. Виноградова»¹¹.

А вот как знаменательную встречу с опальным мыслителем описал Токарский: «Однажды я сидел в кухне и принимал клиентов. Прием был очень большой. В середине приема из калитки к кухне прошел бодрой, даже спешной походкой человек высокого роста, с шатеновыми вьющимися волосами, задал какой-то вопрос стоящим на крыльце и такой же бодрой походкой пошел обрат-

но, но в середине двора круто повернул и направился к тому месту, где был посажен шиповник. Но он так был непохож на те портреты Н. Г-ча, которые я видел, что мне даже и в эту минуту не пришло в голову, что это мог быть он. Но мысль уже заработала, и к приему последних клиентов я был уверен, что приходил именно Н. Г-ч. Я очень пожалел, что упустил его, и решил тотчас же справиться у Пыпиных, не приехал ли Н. Г-ч. Мало того, я уже решил встретиться с ним словами «привет дорогому учителю». И еще я вспомнил, что в это утро был полит шиповник, а это могло навести Н. Г-ча на мысль о замене им посаженного другим. Провожая последнего клиента, я спросил его, нет ли еще кого-нибудь, и, получив ответ, что есть еще один, просил пригласить. В этот момент, вероятно, услышав мои слова, вошел сам Н. Г-ч и – со словом «Чернышевский» – протянул мне руку. И так прост был его привет, что приготовленные слова завязли у меня в горле, и я тоже только назвал свою фамилию. И заговорили мы, точно давно знакомые люди. Я убирал и приводил в порядок бумаги, а он рассказывал, что вчера только приехал в Саратов, был сейчас у Пыпиных и зашел ко мне. Успел осмотреть двор. На мое предложение посмотреть дом он заявил, что так как там производится ремонт, то смотреть теперь не стоит. Я предложил ему чаю, но он заявил, что чай пить ждет его дома О.С., и позвал к себе»¹².

Токарскому необходимо было идти в суд, а это было по пути с Чернышевским, и, он, собрав нужные бумаги, составил компанию Николаю Гавриловичу, который жил в доме Никольского на Соборной улице, и они до квартиры писателя дошли вместе. «Все время он говорил о той улице, по которой мы шли, узнавал дома, которые были еще при нем, и называл их хозяев, оказалось, что многие дома по Гимназической ул.¹³ еще принадлежат тем лицам, которым они принадлежали в то время, когда Н. Г-ч жил в Саратове»¹⁴.

Токарский все время пока был в суде находился под впечатлением этой встречи и, закончив дела, не удержался, чтобы не зайти к Николаю Гавриловичу, который, в свою очередь, ему сказал, что очень занят работой, и поэтому все время распределил буквально по минутам, и для отдыха назначил себе сумерки с 7 до 9 часов вечера. «Я в это время решительно не мог бывать у него, – сокрушался адвокат, – и для меня он сделал исключение, прося заходить во всякое свободное время. Других же лиц я имел право приводить к нему только в назначенные часы. С этого времени я стал бывать у Н. Г-ча довольно часто»¹⁵.

Эти встречи, как видно, увлекали и того и другого, и вот однажды Токарский допоздна засиделся у Чернышевского, несмотря на то, что в 9 ч., как и положено, Ольга Сократовна – «блостительница установленного режима» – предусмотрительно напомнила о конце визитного времени и заяви-

ла, что в 10 ч. она идет спать¹⁶. Однако Николай Гаврилович попросил Токарского еще немного задержаться. Продолжившаяся беседа затянулась далеко за полночь. Только около двух часов ночи Токарский взглянул на часы и с ужасом сообщил Чернышевскому о времени. Решили немедленно разойтись. Хозяин взял в руки свечку, так как в зале огня не было, и пошел вперед. «Шел он на цыпочках, – вспоминал подробности этой ночи адвокат. – Нужно было пройти мимо комнаты О. С. Я шел за ним тоже на цыпочках и старался шаг в шаг попасть в его следы. Как раз перед дверью комнаты О. С. он оглянулся, и, вероятно, моя фигура показалась ему столь комичной, что он поставил свечку на пол и неудержимо расхохотался. Мы стояли, наклонившись друг к другу, и смеялись. Слабый свет стоявшей между нами свечки освещал наши наклонившиеся фигуры. О [льга]. С [ократовна]. проснулась, вскочила с постели и в щелку двери увидела эту сцену»¹⁷. «Что вы тут делаете?», – почти, как заглавие книги мужа сформулировала она свой удивленный вопрос. Но полуночники не смогли объяснить, что они делали, и молча прошли в переднюю. И только там Чернышевский уже серьезно заметил: «А все-таки разбудили», и произнес он эти слова «...с чувством такого сокрушения, такой сердечной боли, что мне стало совестно за свое мальчишество»¹⁸, – также с горечью признался Токарский.

В начале сентября Токарский с семьей переехал с дачи в город, и с этого момента Чернышевский очень часто стал заходить к ним в гости. Как правило, он приходил между 7–8 часами и уходил ровно в 9, строго придерживаясь установленного распорядка, «...и никакими силами нельзя было задержать его долее, – вспоминал Токарский. – Если рассказ не был окончен, то он обрывал его на полуслове и уходил»¹⁹. В это время, предполагал Токарский, их удивительный гость работал над своими воспоминаниями, и казалось, что он рассказывал им то, о чем он будет писать завтра. «Но при этих рассказах он отклонялся и тогда делал характеристики деятелей 60-х годов, исторических деятелей, или делал поправки к воспоминаниям разных лиц о 60-х годах, – уточнял адвокат. – Помню, целый вечер он посвятил воспоминаниям Панаевой»²⁰.

По свидетельству Токарского, рассказчик Чернышевский был превосходный, говорил он всегда просто и ясно. Рассказывал Николай Гаврилович всегда сидя. У себя дома любил забиться в угол турецкого дивана. Диктовал же при работе всегда на ходу, довольно быстро шагая из угла в угол. «В близоруких серых глазах искрилась ирония, легкая улыбка играла в углах губ, и в зубах торчала папироска, – фотографично запечатлел он писателя. – В самый небольшой рассказ Н. Г-ч умел вложить и содержание, и отличающую все его рассказы сердечную теплоту»²¹.

Близкое знакомство, доверительные отношения с Чернышевским и характерные эпизоды из

его саратовского бытия позволили Токарскому составить достаточно полное впечатление о том, каким был этот человек и общественный деятель в последний период своей жизни. На основе своих личных наблюдений и общения с Николаем Гавриловичем адвокат пришел к целому ряду выводов.

Во-первых, Токарский убедился в том, что «Фактические знания Н. Г-ча, и притом решительно по всем отраслям, не исключая и техники, были необыкновенно велики. Они значительно превышали тот запас сведений, с которыми он отправился в ссылку. Память Н. Г-ч имел удивительную. Иногда он шутя цитировал целые страницы из какого-нибудь писателя и притом безразлично: публициста, беллетриста или этнографа. Исторические даты, химические формулы, лингвистические формы – все это с одинаковым удобством вмещалось в голову Н. Г-ча. С текущей литературой он был знаком хорошо. Но я уверен, что манера шутливо говорить могла маловнимательному человеку показаться незнакомством с текущими течениями»²².

Во-вторых, Токарский с восхищением отзывался о «трудоиспособности и работоспособности» писателя. «Ни единой минуты он не мог сидеть без дела, и дело у него кипело в руках. Спокойно, бодро и весело он работал, безразлично – сам ли писал или диктовал. Устали он не знал и, оторвавшись от работы (работой он называл и писанье и перевод под диктовку), тотчас принимался за чтение начатой книги или перелистывание журналов и газет»²³.

В-третьих, адвокат развенчал расхожий слух о замкнутости и нелюдимости Чернышевского, приводя в доказательство весьма показательный эпизод. Однажды в свободное время писатель по обыкновению зашел к Токарскому и, узнав, что последнему необходимо идти по делам в суд, предложил составить ему компанию. Пока адвокат решал вопросы в суде Николай Гаврилович остался дожидаться его на улице. Каково же было удивление присяжного поверенного, когда он, выйдя из здания суда, увидел следующую сцену: Чернышевский оживленно беседовал с целой толпой крестьян. «А я тут с вашими клиентами разболтался»²⁴, – заявил он Токарскому. Крестьяне, пообщавшись со знаменитым революционером и получив от адвоката информацию о назначении их дела к слушанию, раскланялись и ушли.

Очень скоро выяснилось, что у Чернышевского имеется большое число знакомых, которых он бы желал видеть, и еще более значительное число лиц, которые желали бы встречи с ним. «Николай Гаврилович сделался центром общественного внимания, – справедливо отмечал Токарский, – но формы для выражения этого внимания выработано не было, и результатом отсутствия этой формы получилось отягощение и мучительство для Н. Г-ча и неудовлетворенность для лиц, думавших одним личным появлением выразить ему

сочувствие»²⁵. Тогда стало очевидно, что наплыв этих людей будет отнимать очень много времени у писателя от его работы, и у него возник вопрос, каким образом разрешить эту проблему. Токарский предложил ему назначить вечер в клубе один раз в неделю. Мысль эта чрезвычайно понравилась Николаю Гавриловичу. «В клубе, непременно в клубе, – согласился он, – а то, знаете, дома не хорошо. Одни просто приходят тебя посмотреть и, правду говоря, сами не знают, с чего начать. Более смелые начинают с вопроса, как я поживал на каторге, другие спрашивают, как понравился наш город, а посмирнее просто молчат. Да и с теми, с которыми есть о чем поговорить и которых очень желал бы сам послушать, как-то неловко. У всех бывать я не могу, а бывать только у некоторых, знаете, неудобно»²⁶. И эти слова Чернышевского, по мнению Токарского, как раз и служат достаточным объяснением астраханских слухов об его одичании, об уклонении от знакомства и сближения с людьми²⁷.

Казалось, ничто не могло помешать этому размеренному и насыщенному ритму жизни вернувшегося в родной город писателя. Однако осенью 1889 г. застарелые болезни жестоко напомнили Н.Г. Чернышевскому о себе. 14 октября лечащий врач А.В. Брюзгин отметил у него «пароксизм малярийной лихорадки». Больной бредил, и это, по мнению врача, указывало на слабость нервной системы. Между тем лекарства на какое-то время возымели действие, и наутро 15 октября Чернышевский почувствовал себя лучше и тут же принялся за работу. Но ослабленный и надорванный долгими годами ссылки организм не выдержал напряжения, и вечером того же дня приступ повторился. В этот момент Брюзгина дома не оказалось. Тогда А.А. Токарский, все это время постоянно находившийся возле больного, отправился к доктору Н., но тот, как видно, забыв о клятве Гиппократова, отказался идти, сославшись на бывших у него гостей. «Об этом странном, если не сказать больше, отказе доктора Н. от исполнения просьбы посетить больного, – по свидетельству А.А. Демченко, – писала саратовская газета»²⁸. Эти напряженные и трагические моменты последних часов жизни Чернышевского отложились также и в воспоминаниях М.Н. Пыпина: «...Токарский поехал за докторами: тот отказывается, тот спит; в конце концов кроме Брюзгина явились Кротков и Бонвеч»²⁹, но в 12 часов 37 минут ночи последовал апоплексический удар, ставший для Чернышевского роковым.

Как сложилась судьба присяжного поверенного Токарского после смерти Чернышевского? Всего 113 дней близкого знакомства связывали их, но в памяти Токарского на всю жизнь запечатлелся образ Чернышевского, его «величаявая по своей нравственной силе и выдержке фигура страдальца»³⁰. Думается, что общение с великим земляком оказало решающее влияние на политические взгляды и жизненную позицию адвоката.

С тех пор имя Токарского мы неизменно встречаем в хронике корпоративной и общественной жизни в Саратове. Он состоял членом 30 культурно-просветительских обществ в Саратове, в большинстве из которых он был учредителем. В качестве защитника Токарский выступал в знаменитом процессе о холерных беспорядках в Саратовской губернии, вел большое количество дел по так называемым «чумным бунтам», аграрным волнениям и политическим делам. В декабре 1898 г. он принял активное участие в создании первого регионального руководящего органа адвокатского сословия – комиссии присяжных поверенных при Саратовском окружном суде, и был избран членом этой комиссии³¹, а в 1905 г. Токарский был избран в первый состав Совета присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты³², и вплоть до 1917 г. являлся бессменным членом Совета.

Оппозиционный настрой и желание оказывать правовую помощь борцам с самодержавным режимом привели Токарского в ряды «молодой адвокатуры» – неформального объединения политических защитников, выступивших на рубеже веков за обновление адвокатской корпорации России и активное участие в борьбе с произволом и беззаконием властей. Одним из организаторов и активных участников саратовской группы политических защитников «молодая адвокатура» как раз и стал А.А. Токарский. «Сильная группа политзащиты сложилась в Саратове»³³, – отмечает Н.А. Троицкий, и в подтверждение своих слов приводит фамилии ее наиболее видных деятелей, среди которых называет и А.А. Токарского.

Неоднозначную, но достаточно разностороннюю характеристику Токарскому дал известный саратовский адвокат и общественный деятель И.Я. Славин: «По своим познаниям, дарованиям и трудоспособности он не стоял в первых рядах нашей присяжной адвокатуры, отдавая много времени общественной и политической деятельности и партийной работе <...> Но у него были личные симпатичные черты, располагавшие к нему. Добродушие, незлобливость, мягкость в обращении, полное отрешение от каких-либо интриг и коварных подходов к товарищам – все эти личные качества и свойства сделали его имя популярным среди адвокатской молодежи»³⁴.

Более доброжелательно отзывался о Токарском его коллега и соратник по «молодой адвокатуры» Н.Н. Мясоедов. В 1912 г. в своей речи на праздновании 60-летнего юбилея Александра Ардалионовича он отметил: «...участь огромного большинства, всех тех, кому не суждено возвыситься над толпой. И чем реже исключения, тем ценнее они. К таким натурам принадлежит и Александр Ардалионович. Чуткий, отзывчивый, всегда готовый откликнуться на первый зов к добру. Они до многолетних юбилеев сохраняют чисто юношескую способность с разумной (любопытством) подходить к каждому новому явлению,

будь то село или слободка, общественное бедствие или радостный подъем народного духа. Чувство самой широкой общечеловечности всегда и неизменно от юношеских лет проникает во все стороны его деятельности, с той самой поры, когда услышал он и понял встрепенувшийся душой из глубины ее дошедший голос, так властно звавшей идти вперед»³⁵.

Говоря о политических убеждениях Токарского, Славин безошибочно определил, что они «были с очень заметным левым уклоном»³⁶. Американский ученый Д. Дж. Рейли, уточняя политическую позицию адвоката, справедливо причисляет его к числу «известных конституционных демократов города» и даже называет Токарского лидером саратовских кадетов³⁷. Всероссийскую политическую известность член I Государственной Думы Токарский приобрел в 1906 г., когда в числе других 167 депутатов подписал знаменитое «Выборгское воззвание», за что был привлечен к суду³⁸.

И, наконец, подлинным взлетом и в то же время «лебединой песней» юриста и политика Токарского следует считать революционный 1917 год. 5 марта он был избран председателем только что созданного в Саратове общественно-городского исполнительного комитета (далее – ОГИК) – местного органа власти Временного правительства. Правда, в июле 1917 г. по причине болезни он в течение месяца не мог принимать участие в работе Комитета. В его отсутствие заседания ОГИК и его президиума не проводились. Это обстоятельство обескуражило и огорчило Токарского. «Вступив в должность, – вспоминал он, – я усмотрел, что они (заседания комитета. – Ю.В.) не могли состояться в течение месяца... Мало этого. За все это время не было заседаний и президиума...»³⁹. Обоснованные претензии по этому поводу Токарский предъявил новому губернскому комиссару меньшевику Д.А. Топуридзе, который, как оказалось, намеренно не созывал заседания ОГИК, руководствуясь директивами Президиума исполкома Совета рабочих депутатов. «Осознание того, что роль ОГИК сыграна и что Совет оказывает на него давление, подтолкнуло Токарского к отставке, – справедливо считает Д. Рейли. – По-видимому, Токарский счел недопустимым давление Совета на Общественный исполнительный комитет губернии»⁴⁰.

1 июля 1917 г. приказом по ведомству Министерства юстиции за № 17 А.А. Токарский был «определен на службу членом Саратовской Судебной Палаты»⁴¹. Однако времени и сил на служебную и политическую деятельность у Токарского уже не оставалось, его тяжелое заболевание усугублялось, и 16 октября 1917 г. он скончался. Как это не парадоксально, но Токарский, всю жизнь отдававший себя людям, и будучи известным и успешным адвокатом, а в конце своей жизни влиятельным политическим деятелем и крупным судебным чиновником, не оставил после

себя никаких денежных средств. В связи с этим Председатель Саратовской Судебной Палаты был вынужден направить телеграмму в Министерство юстиции, в которой сухо и лаконично были отбиты горькие, щемящие душу слова: «Петроград Министерство Юстиции Директору Второго Департамента Скончался Член Палаты Токарский неоставивший никаких средств ходатайствую пособию на погребение...»⁴².

Жизнь Александра Ардалионовича Токарского оборвалась всего за несколько дней до большевистского октябрьского переворота. Но думается, это, как ни парадоксально, спасло его от более трагичной участи при советском режиме⁴³, так как его правозащитные идеалы, подвижническая и гуманная натура, окончателно выпестованные общением с Н.Г. Чернышевским, скорее всего, не вписались бы в «прокрустово ложе» новой советской действительности.

Примечания

- 1 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 3. Д. 457. Л. 2.
- 2 Токарский А.А. Н.Г. Чернышевский (По личным воспоминаниям) // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 414.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 415.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Манова Е.Н. Общественная и культурно-просветительская деятельность М.Н. Чернышевского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 15.
- 8 Там же. С. 416.
- 9 Там же. С. 417.
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: Н.Г. Чернышевский. Литературное наследие: В 3 т. М., 1928–1930. Т. III. С. 640–641.
- 12 Токарский А.А. Указ. соч. С. 417.
- 13 Ныне ул. Некрасова
- 14 Токарский А.А. Указ. соч. С. 417–418.
- 15 Там же. С. 418.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 419–420.
- 18 Там же. С. 420.
- 19 Токарский А.А. Указ. соч. С. 420.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 421.
- 22 Там же. С. 423.
- 23 Там же. С. 424.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 425.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский: Научная биография: В 4 ч. Саратов, 1994. Ч. 4. С. 304.
- 29 Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 461.
- 30 Токарский А.А. Указ. соч. С. 431.
- 31 См.: Хроника // Право. 1899. № 2. Стб. 105.
- 32 Исторический очерк деятельности Совета присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 3.
- 33 Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 149.
- 34 Славин И.Я. Минувшее-пережитое // Волга. 1999. № 8. С. 151.
- 35 ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.
- 36 Славин И.Я. Указ. соч. С. 151.
- 37 Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 44, 101.
- 38 Подробнее см.: Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 1–173.
- 39 Саратовский вестник. 1917. № 173, 5 авг. С. 3.
- 40 Рейли Д. Дж. Указ. соч. С. 195.
- 41 ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 457. Л. 3.
- 42 Там же. Л. 1.
- 43 В опубликованных Д. Дж. Рейли отрывках из воспоминаний крупнейшего знатока саратовской истории конца XIX–начала XX вв. А.А. Минха приводится «скорбный лист саратовцев», погибших в первые годы советской власти. В этом мартирологе, составленном женой Минха Э.В. Минх (Гантке), мы встречаем имена коллег и соратников А.А. Токарского – В.Н. Поляка, Н.И. Семенова, А.И. Скворцова и др. Поэтому вполне возможно, что если бы Токарский остался жив, то его постигла бы та же участь. (Подробнее см.: Рейли Д. Дж. «Заложник пролетариата». Отрывки из воспоминаний А.А. Минха / Под ред. О.Ю. Абакумова. Саратов, 2001. С. 70–71).

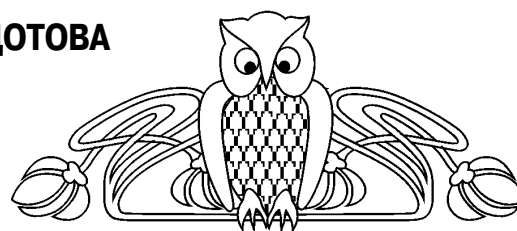

УДК 1(470)+929 Федотов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.П. ФЕДОТОВА В ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ

А.А. Галямичева

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: Galyamina@rambler.ru

В статье рассматривается одна из сфер многогранной общественно-политической деятельности Г.П. Федотова в годы его эмиграции – его вклад в издательское дело. На примере издания журнала «Новый град» рассматриваются представления Г.П. Федотова о роли периодической печати в духовной жизни эмиграции, особенности стиля его работы в качестве редактора и издателя.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, русская эмиграция, издательское дело, «Новый град», эмигрантские журналы, редакция.

Publishing Activity of G.P. Fedotov during the Period of Emigration

A.A. Galyamicheva

This article relate about a publishing activity of P.G. Fedorov during the period of his emigration. The author of this work describe a journal "New Hail" and his publisher. In this article the author investigate Fedorov's ideas about a role of press in spiritual life of Russian emigration and peculiaritys of his editor of his editors style.

Key words: G.P. Fedotov, Russian emigration, publication, the «New Hail», emigrant's journals, editorial office.

Издательская деятельность представляла собой важнейшее звено духовной жизни русской эмиграции послеоктябрьской волны. По справедливому замечанию американского историка Марка Раева, «изгнанники, оказавшиеся за пределами России, видели в изобретении Гуттенберга основное средство решения своих специфических проблем: сохранить и приумножить культурное наследие родины в надежде использовать его впоследствии на благо освобождённой от большевизма России»¹. Значение издательской деятельности определялось тем, что подавляющее большинство покинувших Советскую Россию людей принадлежало к образованным слоям общества, занимавшимся на Родине интеллектуальным трудом, и чтение для них являлось первейшей жизненной потребностью. Видное место среди эмигрантов, посвятивших себя издательской деятельности, принадлежит Георгию Петровичу Федотову (1886–1951), который ещё в 1918 г. в России заявил о себе как энергичный и вдумчивый издатель журнала «Свободные голоса»².

Журнал, главным голосом которого являлся голос Федотова, выпускался участниками религиозно-философского кружка Александра Александровича Мейера «Воскресение», и на

его страницах были впервые опубликованы такие яркие произведения Федотова-публициста, как «Лицо России» и «Мысли по поводу Брестского мира».

В период эмиграции талант Федотова-издателя развернулся в полном блеске. Главным его детищем в области издательской деятельности стал журнал «Новый град. Философский, религиозный и культурный обзор», который издавался в Париже с 1931 по 1939 г. при финансовой поддержке Союза христианских молодых людей. За время его существования свет увидело 14 номеров. В качестве соредакторов «Нового града» выступили такие известные общественно-культурные деятели, как Илья Исидорович Бунаков-Фондаминский (1880–1942) и Фёдор Августович Степун (1884–1965), но главной фигурой редакции, несомненно, являлся Георгий Петрович Федотов, что единодушно отмечают исследователи. Прежде всего Федотов оказал огромное влияние на формирование идейно-мировоззренческого направления журнала, выступив в качестве автора ряда программных статей и талантливого редактора.

Одной из главных причин возникновения журнала стало обострение внутреннего кризиса эмиграции. К тому времени перед эмигрантским сознанием появился ряд серьёзных проблем, главной из которых стала проблема повседневного существования.

Резкое ухудшение экономической ситуации в Западной Европе, вызванное мировым экономическим кризисом, обусловило, как известно, падение жизненного уровня населения. В первую очередь пострадали самые незащищённые слои общества, среди которых оказались русские эмигранты. К этому же времени обострилась так называемая проблема «отцов и детей»: если абсолютное большинство эмигрантской молодёжи уже воспринимало себя частью западной цивилизации³, то для старшего поколения делом чести и долга было сохранение духовной связи с Родиной, её традициями и культурой⁴.

Идея журнала, предложенная Федотовым и его коллегами, состояла в том, чтобы, с одной стороны, сохранить духовные ценности русской эмиграции, сплотив вокруг издания всех тех, кто был обеспокоен этой проблемой, а с другой – дать возможность авторам зарабатывать на жизнь своим профессиональным искусством – литера-

турным трудом. Речь шла о том, чтобы с помощью нового издания возродить «орден русской интеллигенции», именно «орден – сообщество людей, подчинивших себя определённому образу жизни, основанному на определённом мировоззрении», как пояснял в одной из своих статей Фёдор Стегун⁵.

«Новый град» ставил перед собой задачу найти путь к обновлению раздираемого противоречиями мира. Его создатели пытались определить вектор третьего пути для России и Европы, а в идеале – для всего человечества, минуя капитализм и социализм, казармы тоталитаризма и бездуховность материализма. Своё понимание «исторической ответственности» философы и публицисты, объединившиеся вокруг журнала, выразили уже в самом названии. «Новый град», – заявляли они, – это земной город, новое общество – *сité nouvelle*, – должностующее сменить разлагающийся мир враждующих между собой империалистически-капиталистических государств⁶.

Основной же темой оставалась тема России: «России отдаём мы наши самые заветные мысли... Мы хотим уловить образ подлинной – это не значит чистой и безгрешной – России и определить основы, на которых должна сложиться её историческая жизнь. Если хоть некоторые из наших страниц дойдут до неё и помогут кому-нибудь там в мучительном деле национального и социального самоопределения, мы будем сторицей вознаграждены за наш труд»⁷. Таким манифестом открыл Г.П. Федотов первый номер основанного им журнала.

Несмотря на нелёгкие материальные условия и сокращающийся круг читателей⁸, «Новый град» стал одним из самых популярных журналов и обрёл мировую известность.

Несомненно, главная заслуга в таком результате принадлежала Георгию Федотову. Пожалуй, именно 1931 г. можно назвать кульминационным в его творческой биографии: основание «Нового града» совпало с завершением одного из главных трудов его жизни – книги «Святые Древней Руси». К этому времени Федотов уже прочно вошёл в плеяду наиболее известных и влиятельных деятелей русской эмиграции. Его авторитет обеспечил «звёздный» состав авторов, публикующих свои работы в «Новом граде».

Федотов приглашал к сотрудничеству только самых ярких и талантливых эмигрантских публицистов. В «Новом граде» были опубликованы статьи, рецензии и заметки более сорока авторов. Среди них были философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Н. Ильин, историк П.М. Бицилли, религиозные мыслители Б.П. Вышеславцев, Е.Ю. Скобцова, известная как мать Мария⁹, экономист Б.С. Ижболдин, правовед Н.Н. Алексеев, писатель В.С. Яновский, поэтесса М.И. Цветаева, литературные критики К.В. Мочульский, Ю.П. Иваск, В.В. Вейдле и многие другие. Редакторская политика Георгия Федотова преследовала

своей целью создать такое издание, на страницах которого русский читатель мог бы познакомиться со всем богатством духовной жизни эмиграции не только в области политической публицистики, но и в области научного и художественного творчества.

Успеху редакторской работы Федотова в огромной степени способствовали особенности его личности. Будучи глубоко верующим человеком, обладавшим мягким, ровным характером, он пользовался всеобщим доверием и уважением¹⁰. Эти же качества помогали ему решать и сложные финансово-производственные вопросы.

Яркий свет на работу Федотова-редактора проливают материалы его переписки с Мариной Ивановной Цветаевой 1932–1933 гг.¹¹

Строки писем М. Цветаевой свидетельствуют прежде всего о редкой деликатности стиля работы Федотова-редактора. Так, например, в ряде писем обсуждался ход работы М.И. Цветаевой над статьёй «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)», напечатанной в журнале «Новый град» (1932. № 6–7).

Поэтесса неоднократно благодарила Г.П. Федотова «за такое человеческое редакторство»¹². На протяжении всей работы происходил постоянный обмен мнениями между автором и редактором, благодаря которому статья постепенно приобрела свой окончательный вид.

Взаимоотношения Цветаевой и Федотова не ограничивались сугубо деловой сферой. Это были отношения дружбы и взаимопомощи. Имевший возможность её оказать, Георгий Петрович заботился о своевременной выплате Цветаевой гонорара, когда она особенно остро нуждалась в нём¹³ и даже в поиске необходимой для написания статьи литературы¹⁴.

Помимо редакторского труда необходимо отметить особую роль Г.П. Федотова как автора публицистических работ, посвящённых историко-философскому осмыслению прошлого, настоящего и будущего России и всего человечества¹⁵.

Вокруг журнала выросло влиятельное в среде русской эмиграции течение, получившее название новоградство. Обретение социальной стабильности и гармонии в обществе новоградцы связывали с обращением к истинному христианству.

Как уже упоминалось выше, журнал прекратил свое существование в 1939 г. в непосредственной связи с началом Второй мировой войны¹⁶. Однако сделанного оказалось достаточно, чтобы оставить глубокий след в судьбах русской эмиграции и в развитии русской общественно-политической и философской мысли XX века.

Эмигрировавший после фашистской оккупации Франции в США Федотов отошёл от редакторско-издательской деятельности и сосредоточил свои усилия на написании фундаментальных научных исследований по истории духовного развития русского Средневековья¹⁷.

Таким образом, парижский период жизни и творчества Георгия Петровича Федотова стал своеобразным «звёздным часом» его издательской деятельности.

Примечания

- ¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. С. 97.
- ² В литературе присутствуют разночтения относительно количества вышедших номеров данного журнала. Наиболее достоверным нам представляется свидетельство Н.П. Анциферова, вспоминавшего, что свет увидело два номера журнала. Первый номер датирован 22 апреля (5 мая) 1918 г., второй – 23 июня (6 июля) того же года. См.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 448.
- ³ См.: *Kelly C.* Russian Culture and Emigration, 1921–1953 // *Russian Cultural Studies.* Oxford, 1998. P. 304.
- ⁴ Приостановить процесс утраты русского национального самосознания пытались многие видные деятели русской эмиграции в Париже. Так, например, Надежда Тэффи в завоевавшем симпатии сборнике рассказов «Городок» (1927) нарисовала иронические картины жизни Парижа, отражавшие все страхи за эмиграцию: потерю достоинства и «национального лица». См.: *Kelly C.* Op. cit. P. 300–301.
- ⁵ Цит. по: *Ананьев О.В., Ермичев А.А.* «Новый град»: проект духовного переустройства мира // *Философия и общество.* 1999. № 1. С. 155–156.
- ⁶ Цит. по: *Кувакин В.А.* Религиозная философия в России. Начало XX века. М., 1980. С. 137–138.
- ⁷ *Федотов Г.П.* Новый град // *Литературная учёба.* 1989. № 4. С. 133.
- ⁸ В обстановке экономического кризиса создать новое издание было непростой задачей. Ещё сложнее было организовать его распространение среди разобщённых и небогатых читателей. Цены нужно было устанавливать как можно более низкие, что также было проблемно, поскольку тиражи были небольшими, а сбыт – сложным и дорогостоящим. Книжные магазины отказывались брать большое число экземпляров книг или журналов. Непроданные экземпляры возвращались в издательство, которое должно было в таких случаях компенсировать все издержки. См. подробнее: *Раев М.* Указ. соч. С. 97–98.
- ⁹ В 10-м и 11-м номерах «Нового града» были опубликованы отчёты о заседаниях религиозной организации «Православное дело», в которую входили Г.П. Федотов, мать Мария, И.И. Бунаков-Фондаминский и другие. Общество издавало сборник «Круг», в редактировании которого принимал участие Федотов.
- ¹⁰ Уместно в этой связи привести очень показательное свидетельство Ф.А. Степуна: «Впервые я услышал имя Георгия Петровича Федотова от Семёна Ильича Штейна, очень умного, саркастического историка, специалиста по средним векам, который мало о ком отзывался положительно. От Федотова же, которого он знал ещё по Петербургу, он был в восторге. Хвалил его глубокую эрудицию, его исключительный писательский талант и его чуткое, даже нежное, сердце». (*Степун Ф.А.* Г.П. Федотов // *Степун Ф.А.* Сочинения. М., 2000. С. 747).
- ¹¹ Впервые письма были опубликованы в «Новом журнале», до сих пор издающемся в США. См.: *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1961. № 63. С. 164–172. В нашей стране эти материалы были впервые опубликованы журналом «Литературное обозрение» (1990. № 7. С. 107–112), а затем в семитомном собрании сочинений М.И. Цветаевой (М., 1995. Т. 7. С. 427–437).
- ¹² Письмо М.И. Цветаевой Г.П. Федотову от 15 февраля 1933 года // *Цветаева М.И.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 7. С. 431. См. также письмо М.И. Цветаевой Г.П. Федотову от 14 февраля 1933 года: «Большое спасибо за чудное обращение, так хорошо со мной, с времён Воли России, НИКТО не обращался» (Там же).
- ¹³ См.: Письмо М.И. Цветаевой Г.П. Федотову от 4 марта 1933 года: «Умоляю ещё раз (подчёркнуто нами. – А.Г.) написать Фондаминскому о гонораре, нас уже приходили описывать – в первый раз в жизни». (*Цветаева М.И.* Собр. соч. М., 1995. Т. 7. С. 432).
- ¹⁴ См.: Письмо М.И. Цветаевой Г.П. Федотову от 26 ноября 1932 года: «В Тургеневской Библиотеке я не записана. Так что обращаюсь к Вам с просьбой: достать что можете. Чем больше достанете – тем живее будет вещь... Моя дочь часто бывает в городе, напишите когда и куда ей зайти, – а м.б. проще переслать, вернее пересылать по мере поступления – по почте? Книг задерживать не буду, тут же выпишу что нужно и верну – Вам». (*Цветаева М.И.* Собр. соч. М., 1995. Т. 7. С. 427).
- ¹⁵ На страницах «Нового града» были опубликованы такие важные работы Георгия Федотова, как «Сумерки отечества» (1931. № 1), «Россия, Европа и мы» (1932. № 2), «В плену стихии» (1932. № 4), «О национальном покаянии» (1933. № 6), «Основы христианской демократии» (1934. № 8), «Молодая Англия» (1934. № 9), «Борьба за искусство» (1935. № 10), «Христианин в революции» (1937. № 12), «К смерти или к славе?» (1939. № 14).
- ¹⁶ О резком изменении условий издания русских эмигрантских журналов с началом войны см. подробнее: *Kelly C.* Op. cit. P. 304.
- ¹⁷ *Fedotov G.P.* A Treasury of Russian Spirituality. N.Y., 1948; *Idem.* The Russian Religions Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the thirteenth Centuries. Cambridge, 1946; *Idem.* The Russian Religions Mind. Vol. II. The Middle Ages. The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. Cambridge, 1966.

УДК 94(47).083

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ И ХОЛЕРНЫЙ ВИБРИОН: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, МЕДИЦИНА И БАКТЕРИОЛОГИЯ НАЧАЛА ХХ ВЕКА ПЕРЕД УГРОЗОЙ ХОЛЕРЫ

Д.В. Михель

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Российской цивилизации
E-mail: miheldv@info.sgu.ru

Статья посвящена ранней истории становления российского здравоохранения, связанной с попытками царского правительства разработать меры по защите империи от эпидемий. Принятие в 1903 г. холерного законодательства послужило поводом для обострения отношений между правительством и либеральной медицинской общественностью, которая осознала чуждость царской политики своим профессиональным интересам. Очередная холерная эпидемия, начавшаяся в 1904 г., привела к радикализации позиции врачей, которые к тому времени уже осознавали себя главными защитниками общественного здоровья. В лагере оппозиции оказались также ученые-бактериологи. В результате этого в короткий период бактериологические знания стали достоянием врачей, а сами бактериологи оказались способны занять руководящие позиции в медицинском сообществе. Сложилась предпосылка для формирования современной системы здравоохранения.

Ключевые слова: холера, эпидемия, социальная медицина, бактериология, Российское правительство.

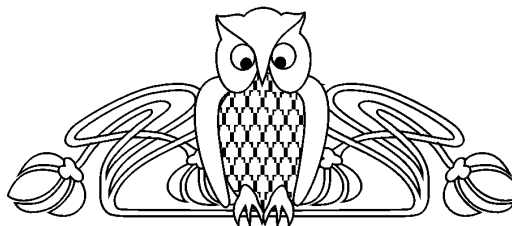
Public Health and the Cholera Vibrio: Russian Empire, Medicine and Bacteriology of Early XX Century in the Face of Cholera Danger

D.V. Mikhel

The article is devoted to the early history of formation of Russian health care, which is related with to the efforts of tsarist government to develop the measures of defense of empire against epidemics. Taking of cholera regulations in 1903 gave occasion for straining of relations between the government and the liberal medical community, which has realized the extraneousness of tsarist policy to their professional interests. The usual cholera epidemic in 1904 has resulted in the radicalization of position of physicians, who have been by now realized themselves as main defenders of public health. The bacteriologists are also found themselves in the opposition camp. In the end, the bacteriological knowledge became the property of physicians and the bacteriologists might to take the leading positions within medical community. The preconditions for formation of contemporary health care are appeared.

Key words: cholera, epidemic, social medicine, bacteriology, Russian Government.

В 1899 г. в Индии вспыхнула очередная эпидемия холеры, которая через два года распространилась за пределы южно-азиатского субконтинента. В 1901 г. болезнь была занесена в Индокитай, Индонезию и Японию. В 1902 г. холера дала о

себе знать в Китае и в том же году проникла на российский Дальний Восток. Эпидемией были охвачены четыре губернии – Приморская, Амурская, Забайкальская и Иркутская. В 1904 г. холера уже охватила Персию, Месопотамию, Египет и Турцию и в августе того же года появилась в Европейской России. Таково было начало шестой всемирной пандемии холеры, продолжавшейся более четверти века (1901–1926)¹.

Демографические последствия этой пандемии, как и предыдущих пяти, были ужасны. Огромные человеческие потери понесли Япония и Китай, а в Индии они были еще больше: в 1900 г. от холеры умерло почти миллион индийцев², а всего к 1920 г. – около 12 миллионов человек³. Масштабы заболеваемости холерой в России, как и число смертных случаев, были значительно меньше, чем в Индии, но отличались в худшую сторону от того, что было на Западе. В 1902 г. заболели холерой 2 167 человек и умерли 1 393, в 1904 г. – 9 226 и 6 850. Новый подъем начался в 1907 г.: заболели 12 703, умерли 6 424. В 1910 г. был достигнут максимум: заболели 230 232, умерли 109 560⁴.

Не менее существенными были и социально-политические последствия этой пандемии. В России они переплелись с революционными потрясениями 1905 и 1917 гг. и Гражданской войной. Но, как и в Европе в XIX в., связь между холерными эпидемиями и революциями не была однозначной⁵. Вместе с тем сочетание этих двух форм общественной нестабильности дало сильный совокупный эффект. Вступая в период шестой пандемии, Россия еще только приступила к формированию собственной национальной системы здравоохранения, а выходя из него, страна, ставшая совершенно другой, уже имела такую систему. На протяжении всего этого периода проблема охраны общественного здоровья постоянно находилась на повестке дня. Холера, наряду с чумой и другими заразными болезнями, стала грозным вызовом для правительства и профессионалов, которые стремились дать на него адекватный ответ.

В 1904 г., когда холера распространилась по 15 европейским губерниям царской России, общество уже имело восьмидесятилетний опыт

знакомства с этой болезнью. Однако формирование научного знания о природе болезни и способах противодействия ей едва только началось. Ситуация осложнялась тем, что и власть, и народ, и медики с большим подозрением относились друг к другу⁶. Очередной пик этих подозрений, переросших в ряде случаев в открытую враждебность, пришелся на период революции 1905 г. Начавшаяся революция послужила толчком к мобилизации всех общественных сил, в том числе врачей, которые не только поддержали остальную часть российской либерально-демократической интеллигенции в ее антиправительственных выступлениях, но и сумели связать вопрос о холере с требованиями построения эффективной системы здравоохранения. Одновременно с этим медики впервые начали усваивать новые представления о холере, которые были предложены сравнительно немногочисленной группой первых ученых-бактериологов. Усилившийся интерес врачей к холерному вибриону во многом был следствием внешних причин, понять которые не всегда удавалось историкам прошлого.

Очевидно, что первые несколько лет XX в. стали наиболее важными в судьбах зарождающегося российского здравоохранения. Именно тогда были поставлены вопросы о том, каким ему быть. Некоторые ответы на такие вопросы были даны не сразу. Тем не менее, именно тогда родилось осознание того, что охрана общественного здоровья должна строиться с учетом самых передовых достижений науки. Борьба за реализацию этой идеи стала одним из наиболее существенных событий отечественной истории начала XX в.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка исследовать, что представляла собой политика охраны общественного здоровья в Российской империи в первые годы XX в., совпавшие и с началом очередной холерной пандемии, и с периодом первой русской революции. С этой целью будут рассмотрены вопросы о том, какие меры предприняла государственная власть для защиты страны от надвигающейся холерной опасности, как восприняла эти меры российская медицинская общественность и в чем состоял вклад такой новой области знания, как бактериология, в дело укрощения холеры и охрану общественного здоровья.

1. Российская империя и эпидемии в начале XX века

Вторая половина XIX в. была временем дальнейшего разрастания Российской империи. Были присоединены новые территории в Средней Азии и на Дальнем Востоке. В самом конце столетия Россия начала строительство Китайской Восточной железной дороги (1897–1903). В самом Китае был приобретен Порт-Артур, ставший самым удаленным форпостом империи. Продви-

гаясь на Восток, модернизирующаяся империя столкнулась с угрозой новых эпидемий. Первый тревожный сигнал прозвучал в 1894 г., когда в портовых городах Южного Китая вспыхнула эпидемия бубонной чумы. В 1896 г. чума уже была в Бомбее, что означало резкое возрастание опасности для всех западных держав, связанных с Индией пароходными сообщениями⁷.

Для защиты своих границ царское правительство приступило к решительным действиям. 11 января 1897 г. был издан царский указ о создании «Высочайше утвержденной комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой» – знаменитой Противочумной комиссии. В том же месяце с целью прекращения контактов с Афганистаном, Персией и Турцией были закрыты все южные границы и порты на Черном и Каспийском морях. В феврале для изучения эпидемии чумы в Бомбей была отправлена небольшая экспедиция во главе с профессором В.К. Высоковичем. В том же году в Петербургском институте экспериментальной медицины приступили к изготовлению противочумной сыворотки для крупного рогатого скота. Продолжая готовиться к приходу чумы, царское правительство отправило с инспекторской миссией по городам Поволжья особую комиссию под председательством сенатора В.И. Лихачева, который в итоге дал отрицательную оценку санитарного состояния Астрахани и других больших городов региона⁸.

Поступающие по телеграфу все новые сообщения об эпидемической обстановке в Китае вынудили правительство мобилизовать все силы для отражения надвигающейся чумы. Когда она вспыхнула в 1901–1902 гг. в Одессе, Противочумная комиссия приняла решительные меры для ее ликвидации⁹.

В 1903 г. в связи с холерной эпидемией на Дальнем Востоке было принято решение о расширении полномочий Противочумной комиссии: теперь наряду с чумой Комиссия должны была заниматься и противодействием холере. Весной 1903 г. Комиссия подготовила новый проект о мерах борьбы с холерой на востоке страны. По просьбе министра внутренних дел В.К. Плеве министр финансов С.Ю. Витте должен был усилить противохолерную работу в районе Китайской Восточной железной дороги¹⁰.

По инициативе В.К. Плеве для противодействия чуме и холере была создана единая система противоэпидемической безопасности, состоящая из губернских санитарно-исполнительных комиссий, подчиненных министерству внутренних дел и координирующих свою работу с Противочумной комиссией. Был шанс, что санитарно-исполнительные комиссии должны были начать работу только в восточных губерниях страны, где не было земских санитарных организаций. Однако ввиду начала в 1904 г. холерной эпидемии на территории Европейской России В.К. Плеве добился того,

чтобы санитарно-исполнительные комиссии действовали на территории всей империи, т.е. и в земских губерниях также. Деятельность санитарно-исполнительных комиссий регулировалась «Высочайше утвержденными 11-го августа 1903 г. правилами о принятии мер к прекращению холеры и чумы». Они были широко опубликованы в местных санитарно-медицинских периодических изданиях.

Согласно этим правилам, Комиссии предоставлялось право «объявлять неблагополучными (зараженными) по чуме и холере отдельные населенные пункты (город, порт, местечко, селение и др.), целые губернии и области или их части и угрожаемыми по названным болезням», а также «издавать обязательные для всех ведомств, учреждений и лиц постановления, касающиеся борьбы с холерой и чумой»¹¹. Санитарно-исполнительные комиссии должны были действовать не на постоянной основе, а на период эпидемии. Для каждого административно-территориального образования должна была быть создана своя комиссия – губернская, уездная, городская. Состав губернской комиссии определялся следующим образом: губернатор – в качестве председателя, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий казенной палатой, губернский врачебный инспектор, старший фабричный инспектор, окружной горный инженер, полицмейстер, по одному представителю от местного управления государственных имуществ, местных округов путей сообщения, управлений местных железных дорог, военного и духовного ведомств, а в портовых городах – представитель морского ведомства местных портовых управлений. Кроме того, в комиссию должна была входить губернская земская управа в полном составе, городской голова губернского города и по одному врачу от городской управы и от губернской земской управы. При этом председатель имел возможность включать в состав комиссии необходимых с его точки зрения лиц.

При необходимости комиссии имели право прибегать к самым решительным противоэпидемическим мерам – устанавливая оцепления зараженных районов, закрывать ярмарки, базары, запрещать скопления людей, продажу спиртных напитков и пр. Комиссиям предписывалось вводить надзор за приезжающими из зараженных районов, не допускать ввоза зараженных предметов, прибегать к домашней или больничной изоляции зараженных лиц, проводить дезинфекцию жилищ и вещей, назначать в угрожаемые и зараженные местности санитарных попечителей, организовывать работу по очищению местностей, заниматься контролем за чистотой жилищ, качеством питьевой воды и продовольствия, а также прибегать к уничтожению крыс и мышей в местностях, где обнаружена чума. Комиссия могла также привлекать к работе врачей, нанимать санитаров, вести разъяснительную работу с населением, организовывать работу

кладбищ, не допускать уличной торговли старьем и отбросами и пр.¹²

19-го августа 1903 г. в дополнение к министерским «Правилам о принятии мер к прекращению холеры и чумы» Противочумной комиссией были разработаны и Высочайше утверждены «Правила для санитарно-исполнительных комиссий», в которых были дополнены и развиты положения к «Правилам» от 11-го августа. Таким образом, в августе 1903 г. была разработана официальная система противоэпидемических правил, имеющая законодательный статус. В рамках этой системы противохолерные правила ставились в один ряд с противочумными.

В советской историографии деятельность вновь созданных санитарных комиссий, равно как и все холерное законодательство 1903 г., оценивалась негативно¹³. Во многом такая оценка все еще остается верной, однако полезно иметь в виду, что царское правительство, двигаясь по пути жесткой регламентации противоэпидемической работы, руководствовалось не только идеей тупой бюрократизации, но и понятным желанием добиться большей эффективности и управляемости всей системы. К тому же, как участник международных санитарных конференций и сторона, подписавшая международные санитарные конвенции, российское правительство должно было иметь четкую информацию об эпидемической обстановке в своей стране и при необходимости взаимодействовать с другими государствами. Последнее обстоятельство заставляет отнести к правительственным инициативам с некоторым пониманием.

В одном ряду с новыми холерными правилами шли правительственные мероприятия по изменению структуры управления российской системой здравоохранения. К 1904 г. такая система уже существовала, хотя и в самом зачаточном виде. При этом она была дуалистичной по своей структуре. Как напоминает Н. Фриден, российские законы 1890-х гг. предоставляли губернаторам право ведать общими вопросами охраны общественного здоровья на подведомственных им территориях, однако на период возникновения эпидемий решение таких вопросов сосредотачивалось в руках земских медицинских чиновников – особой санитарно-исполнительной комиссии при губернской земской управе, возглавляемой председателем управы. Однако в первые годы XX в. с таким дуализмом было покончено. По мысли Н. Фриден, идея ограничения прав земских организаций впервые пришла в голову министру финансов С.Ю. Витте в 1899 г. Затем к ней обратился тогдашний директор Медицинского управления при Министерстве внутренних дел Л.Ф. Рагозин, который искал более рациональные методы управления российским здравоохранением. Но осуществил ее лишь В.К. Плеве, возглавивший в 1902 г. Министерство внутренних дел. Взяв за основу рагозинские идеи, Плеве, однако, пошел дальше и придал процессу централизации

российского здравоохранения совершенно бюрократические черты. 22 марта 1904 г. в рамках процесса реформирования МВД специальным законом руководство всеми больничными учреждениями было передано в компетенцию Главного управления по делам местного хозяйства в составе Министерства внутренних дел, которое возглавлял Н.А. Зиновьев, текущие же вопросы руководства провинциальными медицинскими сообществами, организации гигиенического просвещения и т.п. были переданы в Управление Главного врачебного инспектора МВД. При этом было ликвидировано прежнее Медицинское управление, а многие медицинские чиновники уволены¹⁴.

Дж. Хатчинсон отмечает, что все три решения царского правительства, принятые с 1897 по 1904 г., – создание Противочумной комиссии, организация новых санитарно-исполнительных комиссий и фактическая ликвидация медицинского ведомства в рамках МВД – выглядели анахронизмом. Передав дело управления охраной общественного здоровья в руки правительственных бюрократов, В.К. Плеве и его предшественники оказались неспособны создать более актуальный государственный орган – Министерство здравоохранения, идея которого носилась в воздухе со времен знаменитой комиссии Медицинского совета, возглавляемой С.П. Боткиным (1887)¹⁵.

Впрочем, как уже отмечалось выше, царское правительство, похоже, было обречено на совершение таких шагов. Не имея эффективной системы управления огромной империей, правительство отчаянно пыталось добиться хоть какой-то рациональности. В этих условиях всякая централизация управления мыслилась как панацея. Но вряд ли эта централизация могла дать ожидаемые результаты. Пробуждающееся российское гражданское общество было враждебно настроено ко всякому процессу усиления центральной власти. С этой точки зрения, даже угроза холеры не должна была служить основанием для предпринятых правительством действий.

Вместе с тем царское правительство продолжало упорно двигаться в избранном направлении. Всего через два дня после разгона мирной демонстрации в столице и начала Первой русской революции из аппарата Министра внутренних дел губернаторам был разослан циркуляр «К вопросу о борьбе с холерой».

Этот состоявший всего из пяти пунктов документ сопровождался более обширным приложением, представляющим собой «Наставление о противохолерных мерах», которое было разработано в рамках Управления Главного врачебного инспектора и было одобрено Медицинским советом министерства. Среди целого ряда разумных рекомендаций, прозвучавших в нем, в том числе предписаний прибегать к бактериологической диагностике больных и бактериологической оценке качества питьевой воды, обращало на себя внимание следующее положение: «Применение

одних мер полицейско-разведочного характера в деле своевременного обнаружения заболеваний всегда является более или менее недостаточным, а потому должно заботиться также и об усилении врачебной помощи населению в обычных заболеваниях, путем открытия амбулаторий и врачебно-продовольственных пунктов, которые, помимо общего их санитарного значения, оказывают существенное содействие к обнаружению подозрительных заболеваний среди тех классов населения, которые именно наиболее подвержены всякого рода заразным заболеваниям»¹⁶.

Таким образом, правительственная машина продолжала работать в заданном ритме. Реальная противозидемическая работа, о которой большинство государственных чиновников имело смутное представление, подменялась производством циркуляров – пусть даже и вполне разумных по содержанию.

2. Российские врачи, холера и холерное законодательство

В определенном смысле эпидемии холеры породили медицинскую профессию. В самом деле, здесь была некая связь. XIX век стал временем холерных эпидемий, и именно тогда же в разных странах – от Америки до России – стали появляться первые медицинские ассоциации. Врачи заявили о себе как об особой профессиональной группе, способной эффективно противодействовать холерной заразе, в то время, как другие силы, прежде всего власти, были неспособны справиться с этой проблемой.

В литературе эта тема хорошо разработана¹⁷, поэтому нет смысла во всех деталях объяснять, почему в XIX в. после первых неудач по применению карантинных и военных оцеплений для защиты от холеры правительства разных стран вынуждены были отказаться от традиционных «контагионистских мер» и согласиться с «антиконтагионистской моделью», сторонниками которой выступили первые врачи-гигиенисты и другие представители либеральных групп. В Великобритании такой поворот был связан с деятельностью Э. Чедвика, юриста по профессии, в Германии он ассоциируется с личностью М. фон Петтенкофера. В России инициаторами антиконтагионистского (санитарного) подхода к холере выступило первое поколение врачей-гигиенистов, чья работа началась после великих реформ 60-х гг. Фигурой, более всего олицетворяющей этот подход в России второй половины XIX в., стал Ф. Эрисман, швейцарец по происхождению.

Холера, природа которой долго оставалась загадкой, раз за разом ставила царское правительство перед осознанием тщетности применяемых мер. Статистика жертв холеры, которую стали собирать гигиенисты, в еще большей степени подчеркивала, что «синюю смерть» смогут

остановить лишь современные научные меры. Лозунгом санитарных врачей второй половины XIX в. стали слова Н.И. Пирогова: «Болезнь легче предупредить, чем лечить». Профилактика же холеры требовала осуществления работы по сбору информации о состоянии воды, почвы и воздуха, контролю над качеством продовольствия, улучшения канализации и водоснабжения. Все эти вопросы и были подняты российскими врачами-общественниками, которые увидели свою миссию в том, чтобы служить делу охраны «народного здравия».

Разбросанные по всей стране врачи сумели наладить эффективную коммуникацию и довольно быстро самоорганизовались. С образованием в 1885 г. Пироговского общества российские медики создали фактически постоянно действующую организацию, которая на общественных началах стала заниматься проблемой здравоохранения в национальном масштабе¹⁸.

Развернутая Пироговским обществом пропаганда идей профилактической медицины оказала огромное воздействие не только на образованную общественность, но даже и на правительство. Во многом благодаря влиянию этой пропаганды, а также в связи с реальными трудностями борьбы с холерой в 1892 г. Министерство внутренних дел передало вопросы противодействия очередной эпидемии в ведение земских медицинских организаций¹⁹.

Эпидемия 1892 г. унесла более 300 000 жизней, а в 1893 г. от холеры умерли еще более 42 000 человек. В этих условиях врачи-общественники развернули активную деятельность. Они решительно «шли в народ», занимались гигиеническим просвещением, призывали крестьян кипятить воду и дезинфицировать свои жилища и постели. Когда в конце 1893 г. эпидемия пошла на спад, врачи с полной уверенностью могли поздравлять друг друга с успешно выполненной работой. Опыт участия врачей в ликвидации эпидемии в последующем стал темой для большого числа публикаций²⁰.

Передача правительством земским медицинским организациям полномочий для противохолевой работы в результате привела к возникновению двоевластия в сфере зарождающегося российского здравоохранения. На базе временных санитарно-исполнительных комиссий сложились постоянно действующие земские медицинские советы, координирующие свою работу не с центральным правительством, а с местными выборными органами власти и Пироговским обществом врачей.

Борьба с холерой в 1892–1893 гг. привела врачей к быстрому осознанию жертвенности своей профессии. Подобно простому народу врачи часто становились жертвами болезни, и смерть коллег служила им напоминанием о том, какому риску неизбежно подвержены профессиональные медики, стоящие на охране общественного здоровья. Но жертвенность профессии могла проявляться

и другим образом. Врачи, работавшие в сельской местности, иногда становились объектом нападений со стороны враждебно настроенного к ним народа. Последнее обстоятельство вынудило правление Пироговского общества задаться вопросом о том, как лучше наладить диалог между врачами и крестьянскими массами. Для решения этой цели в 1893 г. была учреждена Комиссия по общественному гигиеническому образованию при Пироговском обществе²¹.

Понятно теперь, почему после 1903 г. российские врачи оказались так воинственно настроены против всех правительственных реорганизаций в сфере здравоохранения. Вновь созданные санитарно-исполнительные комиссии, как и все холерное законодательство, казалось им посягательством на их профессиональную компетенцию, средством ограничения их власти.

Главным критиком правительственных реорганизаций стало Пироговское общество, координирующее работу всех земских медицинских организаций, а также выходящие при его поддержке «Журнал общества русских врачей памяти Пирогова» и «Русский врач». Они стали активно публиковать критические высказывания в адрес проводимых преобразований, звучавшие из всех концов России. В феврале 1904 г. «Русский врач» перепечатал статью из «Сибирских врачебных ведомостей», посвященную предполагаемой ликвидации Медицинского управления МВД: данная мера в ней оценивалась отрицательно²².

С появлением холеры в Европейской России критика врачей по адресу правительства резко усилилась. Уже в августе 1904 г. правительственный план противохолевых мероприятий, как и все холерное законодательство, стали публично обсуждаться представителями земской медицины. В частности, земский врач из Саратовской губернии Е.П. Николаев обнаружил целую серию противоречий в правительственной концепции борьбы с холерой, в особенности в административной и финансовой части. Защищая прежний дуализм структуры управления здравоохранением, он писал: «Может быть, такая двойственность и мешала достижению полной стройности и единообразию действий во всей губернии, но во всяком случае роль губернского земства была определеннее и проще»²³.

4 декабря 1904 г. Петергофский уездный медицинский совет Петербургской губернии обсудил вопрос о деятельности санитарно-исполнительных комиссий и заявил руководству губернского земства о том, что эти комиссии мешают работе земских медицинских организаций. Почти одновременно с этим Орловское земство приняло решение обратиться с петицией в Министерство внутренних дел по вопросу о вредности нового холерного законодательства. В Воронеже А.И. Шингарев мобилизовал губернское земство против новых противохолевых правил²⁴.

Волна недовольства все возрастала и, наконец, после событий 9 января 1905 г. она достигла запредельного уровня. Высказывания врачей против санитарно-исполнительных комиссий соединились с открытой критикой правительства и прямым осуждением самодержавия.

На волне этих настроений и появился уже упомянутый циркуляр Министра внутренних дел П.Д. Святополка-Мирского от 11 января 1905 г., призывающий губернаторов более энергично поддерживать холерное законодательство и санитарно-исполнительные комиссии. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения.

Врач из Саратовской губернии М. Черво-ненкис расценил этот документ как характерный случай негодного во всех отношениях холерного законодательства. По его словам, «в них (холерных законах. – Д.М.) ярко отразилась вся система недоверия к обществу и его силам, система всепоглощающей опеки, не допускающей со стороны опекаемого ни малейшего проявления самостоятельности. Несмотря на ряд близких и дальних уроков, она, по-видимому, не намерена еще сдаваться и упорно желает сохранить свои основы в полной неприкосновенности»²⁵.

По земским губерниям стали собираться съезды и совещания врачей, целью которых было принять осуждающие режим резолюции, а также выработать собственную позицию в области охраны общественного здоровья. Следуя руководящим идеям IX Пироговского съезда (1904), делегаты признавали необходимым продолжать свою традиционную работу, не обращая внимания на вновь принятые холерные законы. Воронежский съезд врачей призвал коллег бойкотировать работу ненавистных санитарно-исполнительных комиссий²⁶. Самарское губернское совещание врачей и представителей земств осудило политику правительства, санитарно-исполнительные комиссии и разгул бюрократии, препятствующей работе медицинских организаций²⁷. Наиболее же сильно политические заявления российских врачей прозвучали на Чрезвычайном противохолерном Пироговском съезде, состоявшемся в Москве 21–23 марта 1905 г.

Однако прежде чем сказать о нем, следует обратить внимание еще на один момент, способствовавший радикализации настроений российских медиков.

Революция 1905 г. взорвала российское общество. Представители различных групп либеральной интеллигенции развернули агитацию против царизма, требуя изменения политического устройства страны. Но при этом проснулась ото сна и сельская Россия. Призрак холерных бунтов и погромов, затаившийся со времен Великой холеры 1892–1893 гг., заявил о себе вновь. В.Г. Короленко описал страшные картины нападений разъяренной толпы на интеллигенцию и учащихся гимназий²⁸. «Журнал общества русских врачей памяти Пи-

рогова» сообщал о трагических событиях в селе Елань Саратовской губернии, где пьяная толпа угрожала сельскому учителю и земскому врачу²⁹. Из Самарской губернии поступали сведения, что среди народа ходят «нелепые слухи об отравлении больных медперсоналом, подкупленным, якобы, японцами»³⁰. «Русский врач» писал о постоянных угрозах для жизни медиков, которые рискуют умереть не только от холеры, но и погибнуть от рук невежественной толпы, то подстрекаемой священниками, то взбешенной произволом полиции³¹.

Таким образом, политическая атмосфера была накалена до крайности. Врачи сознавали свою уязвимость со всех сторон. Их работа по охране общественного здоровья столкнулась, с одной стороны, с бюрократическим произволом правительства, а с другой – с «нелепостями русской жизни», характерными для народных низов. В этих условиях врачи-общественники были склонны подчеркивать, что погромные настроения, бурлящие среди простого народа, инициированы все той же политикой правительства. В марте 1905 г. самарские врачи заявляли, «что ввиду холеры необходимо, чтобы высшие органы, административные и духовные, приняли все меры к тому, чтобы не вселять населению никакой вражды, недоверия и подозрения к интеллигентным силам и в том числе к медицинским работникам»³².

Чрезвычайный противохолерный съезд Пироговского общества врачей стал ареной для самых резких политических заявлений. Как верно замечает Л.А. Булгакова, на нем «политика заняла не меньше места, чем холера». При этом «намекы и благие пожелания врачей остались в прошлом». В ходе съезда в зале звучали лозунги «Долой самодержавие!» и «Да здравствует республика!»³³. В резолюциях съезда звучали открытые обвинения в адрес правительства, не способного ни покончить с холерой, ни улучшить условия общественной жизни. В резолюции, предложенной Д.Я. Дорфом и принятой съездом, говорилось: «Пироговский съезд заявляет о необходимости врачам организоваться для энергичной борьбы рука об руку с трудящимися массами против бюрократического строя для полного его устранения и за созыв Учредительного собрания... Лишь при осуществлении этих предварительных условий можно организовать плодотворную и планомерную борьбу с народными бедствиями и эпидемиями»³⁴. На съезде также был образован Всероссийский союз медицинского персонала, призванный решать прежде всего политические задачи.

Эффект, вызванный работой съезда, был огромным. По всей стране после его завершения развернулись собрания с участием вернувшихся со съезда делегатов. Состоялся 1-й съезд Всероссийского союза медицинского персонала, в работе которого приняли участие 2500 человек. Врачи-пироговцы включились в работу вновь созданного Союза Союзов³⁵.

Результаты работы Пироговского съезда освещались в либеральной печати. Особую поддержку пироговцам оказал журнал прогрессивных юристов «Право». На его страницах публиковались резолюции съезда, анализировалось холерное законодательство, и обсуждалась реакция врачей на него. Отказ врачей-общественников участвовать в работе санитарно-исполнительных комиссий трактовался не как акт гражданского неповиновения, а как подлинное исполнение своего профессионального и гражданского долга³⁶.

В разных губернских городах России вернувшихся делегатов съезда встречали по-разному. Во Владивостоке городская дума устроила им торжественную встречу и высказала одобрение результатов их работы, в частности отказ участвовать в работе санитарно-исполнительных комиссий. В Минске, Орле и Тамбове земские чиновники, напротив, препятствовали проведению таких встреч и запрещали публичные чтения резолюций съезда. В Одессе полиция закрыла предполагавшееся собрание местного медицинского общества. В Воронеже земство поддержало своих врачей, а в Саратове земская управа уволила местного санитарного врача И.С. Вегера за отказ работать в санитарно-исполнительной комиссии³⁷.

В Саратовской губернии, возглавляемой непреклонным губернатором П.А. Столыпиным, реакция властей на деятельность врачей была наиболее жесткой. Еще до проведения Чрезвычайного Пироговского съезда местные земские власти под влиянием губернатора подвергли травле прежнего санитарного врача-пироговца Н.И. Тезякова. Когда в губернии поползли слухи о врачах-отравителях, губернатор ничего не сделал для их предотвращения, а напротив, уволив некоторых земских сотрудников, лишь способствовал подогреванию этих слухов. В марте полиция разогнала публичную лекцию по гигиене в городском театре, после чего в давке пострадало много людей³⁸. Но самые трагические события произошли в уездном городе Балашове.

На 21 июля 1905 г. там был запланирован съезд местной врачебной организации. Атмосфера, окружавшая его, была враждебной. В течение всех предыдущих месяцев местное духовенство распространяло слухи о том, что врачи продались японцам и шпионят в их пользу. В день съезда к зданию, где должен был состояться съезд, подступила толпа, несущая царские портреты и распеваящая «Боже, царя храни». Местные черносотенцы были готовы сорвать съезд и расправиться с врачами. Зная о готовящейся расправе, врачи заранее обратились к губернатору с просьбой защитить их и их семьи. Губернатор в ответ пообещал им безопасность и направил казачий эскорт для поддержания порядка. Однако обещание не было исполнено. Во время следования врачей к железнодорожной станции на них набросились черносотенцы, из толпы полетели камни, началась

драка. Подоспевшие конные казаки вмешались в свалку, и в ход пошли казачьи нагайки. Полилась кровь. Балашовский погром вызвал реакцию возмущения по всей стране. Особенно возмутительным было последующее за ним заявление П.А. Столыпина о том, что несколько ударов кнутом никому не принесло вреда³⁹.

Погром в Балашове сопровождался репрессиями и в других местах. По некоторым данным, во время первой русской революции были репрессированы 1640 медиков. Одни получили выговоры начальства, другие подверглись обыскам, увольнениям, избиениям, арестам и ссылкам. Врачи преследовались за организацию публичных собраний, политическую агитацию, антиправительственные высказывания, отказ выйти из политической партии, «вредное влияние» на местное население⁴⁰.

Балашовские события показали полную незащищенность врачей как перед властями, так и перед невежественной толпой. Преследования врачей по всей стране стали общей частью процесса расправы с либеральной интеллигенцией, которая в условиях террора со всех сторон все же оказалась способной занять активную позицию. Вместе с тем один из главных аргументов, к которому повсеместно прибегали врачи-общественники – неизбежность холеры, не сработал. Начавшаяся в 1904 г. холерная эпидемия в 1905-м неожиданно пошла на спад. В восьми губерниях было зарегистрировано всего 598 случаев заболеваний, из которых смертельным исходом закончилось 286⁴¹. На фоне предыдущего года это было крайне мало.

Таким образом, предсказываемая врачами холера так и не разразилась. Можно только догадываться, как бы изменился ход событий в 1905 г., если бы это все же произошло. Тем не менее активная подготовка врачей к грядущей холерной эпидемии имела важные исторические последствия. Холерное законодательство 1903 г. и правительственные меры 1904 г. по унификации системы здравоохранения вызвали острое возмущение со стороны медицинской общественности и привели значительную ее часть в антиправительственный лагерь. События начавшейся вскоре Первой русской революции еще более убедили врачей во враждебной позиции правящего режима. Кредит доверия к нему был исчерпан.

3. Бактериология и медицина: начало сближения

В конце XIX в. возникшая на Западе новая наука о микробах – бактериология (позже микробиология) – была слабо связана с медициной. Многие ее представители работали в рамках университетских научных школ, тяготеющих к фундаментальному естествознанию, прежде всего ботанике. Первой аудиторией бактериологов повсюду были сельскохозяйственные производите-

ли, с которыми ученым удалось наладить хороший контакт. Пастеровское научное предприятие во Франции получило поддержку со стороны производителей шелка, пива, крупного рогатого скота и домашней птицы⁴². Первый значительный русский бактериолог Л.С. Ценковский (1822–1887) занимал кафедру ботаники в Харьковском университете и сосредоточил свою работу лишь в двух областях – общей теории микроорганизмов и приготовлении вакцины против сибирской язвы для домашнего скота⁴³.

Поворот Л. Пастера и Р. Коха, а вслед за ними и И.И. Мечникова, к медицине был неизбежным и сравнительно скорым. Уже к началу 1880-х гг. им становится ясно, что новая «микробная теория» вполне может служить врачебному знанию о природе заразных болезней. Однако первые попытки привести бактериологическую науку во врачебную среду оказались непростыми, а в некоторых случаях вызвали открытое противостояние со стороны врачей-гигиенистов, считавших микробов всего лишь второстепенной причиной эпидемий.

Германский случай, представленный спором Р. Коха и крупнейшего врача-гигиениста второй половины XIX в. Макса фон Петтенкофера, является хрестоматийным⁴⁴. Менее известны в отечественной литературе английский и американский случаи, которые были отмечены особенным радикализмом⁴⁵. Российское противостояние между сторонниками санитарных мер и адептами бактериологии относится к 1887 г., когда во время II Пироговского съезда в Москве вспыхнул драматический спор между Ф. Эрисманом и И.И. Мечниковым, вошедший в историю медицины как «спор между сторонниками пера и пробирки»⁴⁶.

Как показывает Дж. Хатчинсон, российские сторонники санитарных мер восприняли заявления И.И. Мечникова о ценности бактериологии для медицины как покушение на свои прерогативы по охране общественного здоровья. При этом такая негативная позиция Ф. Эрисмана и его коллег-пироговцев была вызвана еще и тем, что во второй половине 1880-х гг. развитие бактериологии в России четко связывалось с академической наукой и даже государственной властью, которая в лице принца А.П. Ольденбургского оказывала покровительство новой науке. Российские гигиенисты были «раздосадованы перспективой, что затяжная борьба с бедностью и за улучшение образования должна стремительно перенестись в лабораторию»⁴⁷.

Включение бактериологии в борьбу с холерными эпидемиями относится к 1884 г., когда Р. Кох после своей работы в Египте и Индии сумел выявить природный возбудитель холерной инфекции – холерный вибрион. Неизбежно, что первая реакция сторонников санитарных мер на него была негативной. Для М. Фон Петтенкофера, как и для его российского коллеги Ф. Эрисмана, вибрион был всего лишь «холерной запятой»,

знание о котором мало изменяло общую картину холеры как социального бедствия.

При этом благодаря открытию Р. Коха стала просматриваться связь между «микробной теорией» холеры и старой контактной моделью болезни. Возможно, в сознании сторонников санитарных улучшений социальной среды всплыл тревожный призрак старых карантинных и военных оцеплений. Однако холерная эпидемия 1892 г. в Гамбурге подкрепила «микробную теорию» Р. Коха. Утверждение ученого, что вибрион передается преимущественно посредством загрязненной воды, подтвердило ценность старой, восходящей его к Дж. Сноу мысли о том, что для предупреждения холеры необходимо принять санитарные меры для очищения водопроводной воды. Казалось бы, для сотрудничества между санитарной медициной и бактериологией открылась прекрасная возможность. Однако она была использована не везде.

В то время, когда в Гамбурге такие бактериологи, как В.И. Исаев и Р. Пфайфер, были заняты поисками холерного вибриона в местной водопроводной системе, в России правительство приняло решение о передаче основных функций в борьбе с холерой земским медицинским организациям. Как уже было сказано выше, земские врачи, работавшие на той эпидемии, руководствовались исключительно гигиеническими подходами. Сближение медицины и бактериологии в России растянулось более чем на десятилетие. При этом холера сыграла не последнюю роль в том, чтобы контакт между двумя сторонами был достигнут.

После отъезда И.И. Мечникова за границу главным героем отечественной бактериологии стал Г.Н. Габричевский (1860–1907). Его восхождение как ученого-бактериолога началось в 1892 г., когда в одной из клиник Московского университета, где он работал простым ассистентом, он начал читать курс «химических, физических и микроскопических способов исследования внутренних болезней». Вскоре он опубликовал статью «Бактериология как предмет клинического преподавания», а затем издал специальное руководство для врачей и студентов. Далее Г.Н. Габричевский занялся вопросом о лечении дифтерии и на свои средства организовал производство противодифтерийной сыворотки. Уже в январе 1895 г. он применил ее в клинике Филатова для лечения больных детей, и результаты были успешными. Вдохновленный этим успехом, 13 марта 1895 г. Г.Н. Габричевский создал в Москве бактериологический институт, который впоследствии стал ядром московской бактериологической школы⁴⁸.

Как исследователь Г.Н. Габричевский оставил след в изучении бактериологии алой лихорадки, скарлатины и туберкулеза, но для его профессиональной карьеры особое значение имела работа, проводимая в сотрудничестве с Пироговским обществом. Принимая во внимание его активную гражданскую позицию и заслуги перед медици-

ной, депутаты VIII Пироговского съезда, состоявшегося в 1902 г. в Москве, постановили поручить Г.Н. Габричевскому руководящую работу в специально созданной Малярийной комиссии. Кроме того, делегаты постановили на всех последующих съездах выделить бактериологию в самостоятельную секцию. Решено также было поддерживать все инициативы по созданию кафедр бактериологии на медицинских факультетах.

Возглавив Малярийную комиссию, Г.Н. Габричевский организовал две экспедиции – в Воронежской губернии и на Кавказе, после чего в 1903 г. подготовил специальный отчет. Посетив Кавказ, Г.Н. Габричевский сделал вывод о роли комаров в распространении малярии, однако наряду с этим он указал на роль местных органов самоуправления, в частности земских организаций, которые, по его мнению, могли сыграть важную роль в охране общественного здоровья. Поскольку на Кавказе таких органов не было, то заявления Г.Н. Габричевского о необходимости улучшения медицины и общественного здравоохранения в южных регионах империи выглядели особенно приятными для лидеров Пироговского общества⁴⁹.

Следующий важный шаг по признанию бактериологии врачами-общественниками был сделан в 1904 г. На IX съезде, собравшемся в январе в Петербурге, Г.Н. Габричевский был избран председателем Пироговского общества. Хотя в научном плане содержание работы съезда выглядело не столь значительно, для поднятия репутации бактериологии в среде врачей-общественников он имел решающее значение. Фактически Г.Н. Габричевскому удалось решить задачу, которую не смог выполнить семнадцать лет назад И.И. Мечников: найти общий язык со сторонниками санитарных мер.

Однако наиболее важный шаг по сближению был сделан в марте 1905 г. на Чрезвычайном холерном съезде Пироговского общества. На этот раз уже не малярия, а холера стала поводом для единения врачей и ученых. Как подчеркивает Дж. Хатчинсон, в какой-то степени это было счастливой случайностью. Ведь именно холера позволяла бактериологам и врачам работать на равноправных началах, тогда как в случае чумы или тифа ведущая роль принадлежала бы лишь одной стороне. В самом деле, в отношении холеры «бактериологи разбирались в диагностике, дезинфекции и вакцинах, тогда как озабоченность санитарных врачей личной гигиеной и чистотой окружающей среды была важна для успеха профилактических мероприятий»⁵⁰.

На Холерном съезде 1905 г. председательствовал сам Г.Н. Габричевский, а его коллеги по науке – Н.Ф. Гамалея, Н.М. Берестнев, В.К. Высокович, Д.К. Заболотный, Л.А. Тарасевич, П.Н. Диатроптов – сделали на съезде свои доклады, многие из которых содержали радикальные политические заявления. Таким образом, присутствие на съезде

всех ведущих российских бактериологов означало окончательное признание новой науки со стороны российского медицинского сообщества⁵¹.

Еще одним выражением процесса сближения был тот факт, что созданная в 1893 г. при Пироговском обществе Комиссия по общественному гигиеническому образованию начала включать в популярные наставления по защите от холеры сведения бактериологического характера. В наставлениях 1904 и 1905 гг. уже имелись популярно сформулированные сведения о возбудителе холеры, путях его проникновения в человеческий организм и мерах предупреждения заражения. Характерно, что такие наставления публиковались как в столичных городах, так и в губернских центрах. В последующем они регулярно переиздавались и служили важным способом информирования населения о холерной инфекции⁵².

Кроме того, еще одним свидетельством сближения стала общность судьбы, которую по окончании первой русской революции разделили многие врачи-общественники с представителями первого поколения отечественной бактериологии. Репрессиям подверглись не только врачи, но и ученые. П.Н. Диатроптов был уволен с Одесской бактериологической станции, арестован и отправлен в ссылку, Л.А. Тарасевича затравили в Новороссийском университете, Г.Н. Габричевский умер в 1907 г., и на его преждевременную смерть, возможно, повлияло разочарование, вызванное революцией, а Д.К. Заболотный хотя и сохранил свое положение в Петербурге, но его влияние в официальных кругах было серьезно скомпрометировано. Н.Ф. Гамалея оставил политику и занялся лоббированием – хотя и неудачным – создания министерства здравоохранения. Что касается С.Н. Виноградского, который руководил бактериологическим отделом Института экспериментальной медицины, в 1905 г. он фактически оставил науку и переехал в свое поместье на Украину, не найдя себе место в революционных событиях⁵³. Как заметил Л.Я. Скороходов, с окончанием революции «лидерство... в среде российских микробиологов переходит от Габричевского, этого выдающегося общественного деятеля пироговских съездов, к Заболотному, человеку более умеренных политических воззрений»; одновременно и большинство врачей переходят «на более умеренные политические позиции»⁵⁴. Тем самым, революция открыла и врачам, и ученым общее будущее – со всеми его потрясениями и сомнениями.

Тем не менее самым важным основанием для сближения врачей и бактериологов оказалась не столько сама холера, сколько осознание обеими сторонами того факта, что проводимая царским правительством политика предупреждения холеры и вообще политика охраны общественного здоровья является неудовлетворительной. Последнее обстоятельство сделало бактериологов решительными союзниками врачей-общественников и

критиками царского режима всего через три года после того, как бактериология получила признание на Пироговском съезде в 1902 г.

По интересной закономерности к началу 1905 г. вклад российских бактериологов в изучение холеры был весьма скромным. К этому времени было опубликовано всего лишь несколько небольших работ, посвященных этой заразной болезни. Почти все они были выполнены в Одесской лаборатории, созданной когда-то стараниями И.И. Мечникова и его коллег. Очевидно, что на первом этапе этот недостаток восполняли труды Р. Коха и других зарубежных авторов⁵⁵. Первые значительные исследования по бактериологии холеры, выполненные Н.Ф. Гамалеей (1908) и Д.К. Заболотным (1909–1910), вышли в свет уже после окончания революции. Несомненно, их появление было вызвано не только следствием неизбежного выхода ученых из политики и сосредоточением на науке, но и наличием более обширной аудитории, которая у них теперь появилась и для которой они могли писать.

Первые годы XX в. стали временем, когда прежнее двоевластие в системе руководства охраной общественного здоровья в России закончилось. Царское правительство предприняло решительные шаги по централизации управления здравоохранением, стремясь установить контроль над формирующейся медицинской профессией. Выражением этого процесса стало принятие холерного законодательства и создание подчиненных правительству санитарно-исполнительных комиссий, призванных противодействовать эпидемиям опасных болезней, угрожающих стране. Эти действия вызвали возмущение среди российских врачей и подтолкнули их в лагерь оппозиции. Начавшаяся в 1904 г. очередная эпидемия холеры сделала их позицию еще более радикальной, чем прежде. Одновременно с ними в этом лагере оказались представители первого поколения бактериологов, чья традиционная отдаленность от медицинских проблем была стремительно преодолена. В короткий период бактериологические знания стали достоянием сознания врачей, а сами бактериологи оказались способны занять руководящие позиции в медицинском сообществе. Последнее обстоятельство не преминуло сказаться позднее, когда в советский период процесс создания национальной системы здравоохранения был, наконец, завершен.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №08-03-00070а).

Примечания

¹ См.: Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М.: ГИМЛ, 1960. С. 275.

² См.: *Watts S. Disease and Medicine in World History*. N.Y.: Routledge, 2003. P. 124.

³ См.: *Arnold D. Cholera and Colonialism in British India // Past and Present*. 1986. № 113. P. 122, 123.

⁴ См.: *Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1981. P. 325. См. также: *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* Указ. соч. С. 275.

⁵ См.: *Evans R.J. Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteenth-Century Europe // Past and Present*. 1988. № 120. P. 123–146.

⁶ См.: *Михель Д.В., Михель И.В., Супоткина И.Е.* Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // *Вестник Евразии*. 2004. № 3 (26). С. 113–139.

⁷ См.: *Benedict C. Bubonic Plague in Nineteenth-Century China // Modern China*. 1988. Vol.14 (2). P.107-155; *Sutphen M.P.* Not What, but Where: Bubonic Plague and the Reception of Germ Theories in Hong Kong and Calcutta, 1894–1897 // *J. of the History Medicine and Allied Sciences*. 1997. Vol. 52(1). P. 81–113.

⁸ См.: *Гамалея Н.Ф.* Оздоровление Поволжья // *Гамалея Н.Ф. Собрание сочинений*. М.: Медгиз, 1958. Т. 3. С. 171. См. также: *Лихачев В.И.* Всеподданнейший отчет и санитарное описание населенных мест Поволжья. СПб., 1898.

⁹ См.: *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: В 2 кн. Кн. 2. Чума бактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. С. 222–252.

¹⁰ См.: *Дербек Ф.А.* История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905. С. 376–382.

¹¹ Извлечения из Высочайше утвержденных 11-го августа 1903 г. правил о принятии мер к прекращению холеры и чумы // *Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии*. 1904. № 7. С.620.

¹² Там же. С. 621–625.

¹³ См.: *Лотова Е.И., Идельчик Х.И.* Борьба с инфекционными болезнями в СССР 1917–1967: Очерки истории. М.: Медицина, 1967. С. 21–22.

¹⁴ См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 286–289. См. также: *Фрейберг Н.Г.* Врачебно-санитарное законодательство в России. СПб., 1908; *Моисеев А.И.* Медицинский совет МВД: Краткий исторический очерк. СПб., 1913.

¹⁵ См.: *Hutchinson J.F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *J. of the History of Med. and the Allied Sciences*. 1985. Vol. 40(4). P. 435–436.

¹⁶ К вопросу о борьбе с холерой. Циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 11 января 1905 г. за № 42; Наставление о противохолерных мерах, выработанное Управлением Главного врачебного инспектора и одобренное Медицинским советом // *Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии*. 1905. № 2. С. 193–197.

¹⁷ См. например: *Hays J.N.* The Burdens of Disease: Epidemics and Human Response in Western History. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2000. P. 135–153; *Rosenberg C.E.* Explaining Epidemics and Other Studies in the History of Medicine. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 109–121; *Watts S.* Epidemics and History:

- Disease, Power and Imperialism. New Haven: Yale Univ. Press, 1999. P. 167–212.
- 18 См.: *Мирский М.Б.* Медицина России XVI–XIX веков. М.: РОССПЭН, 1996. С. 334–341.
- 19 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P.284.
- 20 См.: Сборник отчетов врачей и студентов, работавших по холерной эпидемии 1892 г. в Саратовской губернии. Саратов: Изд-во Саратов. губ. земства, 1893; *Иофе Л.Б.* Холера в 1892 году в Ю. – В. углу Вольского уезда. Б.м., б.г.; *Харас Д.Л.* Исследование холерной эпидемии 1892 г. в селах: Бекове, Нарышкине, Дубасове, Соколке, Камзольке и Жадовке. Б.м., б.г.; *Паевская А.* Командировка на холеру. Из записок женщины-врача // Русское богатство. 1903. № 7. С. 121–169; *Тезяков Н.И.* Несколько слов о холерной эпидемии в Саратовской губернии в 1892–1893 годах // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1904. № 8. С. 679–690 и др.
- 21 См.: *Воскресенский А.П.* О популяризации врачебно-санитарных истин в народе // Врач. 1894. № 2. С. 51–52; См. также: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 181–185.
- 22 См.: Русский врач. 1904. № 11. С. 426.
- 23 *Николаев Е.П.* О роли и размерах участия губернского земства в организации противохолерных мероприятий в связи с деятельностью санитарно-исполнительных комиссий // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1904. № 8. С. 699.
- 24 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 293.
- 25 *Червоненкис М.* К вопросу об организации борьбы с холерой // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1905. № 2. С. 151.
- 26 См.: Русский врач. 1905. № 12. С. 387.
- 27 См.: Материалы по вопросу о борьбе с эпидемией холеры в Самарской губернии в 1904 году. Вып. 3. Самара: Земская типография, 1908. С. 88.
- 28 См.: *Короленко В.Г.* Новая «Ковалевщина» в Костроме // Русское богатство. 1905. № 1. С. 127–130.
- 29 См.: Журнал общества русских врачей памяти Пирогова. 1905. № 11. С. 183–184.
- 30 Материалы по вопросу о борьбе с эпидемией холеры в Самарской губернии в 1904 году. Вып.2. Самара: Земская типография, 1905. С. 35.
- 31 См.: Русский врач. 1905. № 10–11. С. 355–358.
- 32 Материалы по вопросу о борьбе с эпидемией холеры в Самарской губернии в 1904 году. Вып.3. Самара: Земская типография, 1908. С. 89.
- 33 *Булгакова Л.А.* Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг.: Материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 233.
- 34 Цит. по: *Скорыходов Л.Я.* Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948. С. 236.
- 35 См.: *Булгакова Л.А.* Указ соч. С. 233.
- 36 См.: *Леонтьев А.* Забастовка или исполнение профессионального долга // Право. 1905. № 20. С. 1639–1646.
- 37 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 307.
- 38 См.: Русский врач. 1905. № 25. С. 823.
- 39 См.: *Львов Н.* Сообщение о Балашовских событиях // Право. 1905. № 32. С.2605–2607; *Елпатьевский С.Я.* По поводу Балашовского избиения // Русский врач. 1905. № 31. С. 992.
- 40 См.: *Булгакова Л.А.* Указ. соч. С. 233.
- 41 См.: *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* Указ. соч. С. 275.
- 42 См.: *Geison G.L.* Organization, Products, and Marketing in Pasteur's Scientific Enterprise // History and Philosophy of the Life Sciences. 2002. Vol.24 (1). P.37–52.
- 43 См.: *Скорыходов Л.Я.* Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948. С. 78–80; *Метелкин А.И.* Преподавание микробиологии в высшей школе дореволюционной России // Журн. микробиол., эпидемиол. и иммунол. 1960. № 4. С. 140–145; *Hachten E.A.* In Service to Science and Society: Scientists and the Public in Late-Nineteenth-Century Russia // Osiris, 2nd Series, 2002. Vol. 17. Science and Civil Society. P. 171–209.
- 44 См.: *Сорокина Т.С.* История медицины. М.: Академия, 2004. С. 477–478.
- 45 См.: *Stevenson L.G.* Science dawn the Drain // Bulletin of the History of Medicine. 1955. Vol. 29. P. 1–26; *Richmond P.A.* American Attitudes toward the Germ Theory of Disease, 1860–1880 // J. History of Medicine and Allied Sciences. 1954. Vol. 9. P. 428–454.
- 46 См.: *Беляков В.Д.* Дискуссия И.И. Мечникова с Ф.Ф. Эрисманом: отражение эпохи в медицинской науке и общественном здравоохранении второй половины XIX века // Журн. микробиол., эпидемиол. и иммунобиол. 1995. № 3. С. 5–11; *Мирский М.Б.* Указ. соч. С. 332–333.
- 47 *Hutchinson J.F.* Op. cit. P. 421–430.
- 48 *Скорыходов Л.Я.* Указ. соч. С. 212–214. См. также: *Габричевский Г.* Руководство к клинической бактериологии для врачей и студентов. СПб., 1893.
- 49 См.: *Скорыходов Л.Я.* Указ. соч. С. 245; *Frieden N.M.* Op. cit. P. 241.
- 50 *Hutchinson J.F.* Op. cit. P. 437.
- 51 См.: Пироговский съезд по борьбе с холерой. Москва, 21–23 марта 1905 года. М.: О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова, 1905.
- 52 См.: *Попов И.В.* О холере и мерах предохранения от нее. М., 1905; Ввиду холеры (3-е изд., исправ. и доп.). Самара, 1908. См. также: *Мечников И.И.* О мерах личного предохранения против холеры. М., 1908.
- 53 См.: *Заварзин Г.А.* Сергей Николаевич Виноградский в эмиграции // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 205–221.
- 54 *Скорыходов Л.Я.* Указ. соч. С. 218–219.
- 55 См.: *Заболотный Д.К.* Избранные труды. Т. 2. Холера. Сифилис. Эпидемиологические и другие работы. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 115–116 (представлена библиография таких исследований).

УДК [336.02:338.22](470)(09)

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКИХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР В ОТНОШЕНИИ НЭПМАНОВ (1921–1928) В ЦЕНТРЕ И НА МЕСТАХ

Е.В. Панга

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: hasinl@rambler.ru

Анализируются система налогообложения и условия кредитования частных предпринимателей в годы новой экономической политики. На примере Саратовского Поволжья показана роль губернских и уездных финансовых органов в проведении налоговых мероприятий на местах.

Ключевые слова: коммерческий банк, кредитная политика, новая экономическая политика, фининспектор, налог.

**Soviet Administration and its Financial and Credit Policy
Toward Privat Enterprises in 1921–1928 in the Center and
Regions**

E.V. Panga

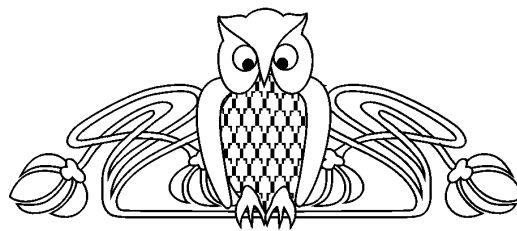
The article analyses tax and credit system created by Soviet authorities during the new economic policy. Saratov Region represented as an example of the above mentioned policy in the regions outside Moscow.

Key words: Commercial bank, credit policy, new economic policy, tax-collector, tax.

Неотъемлемой частью государственной политики большевиков в период нэпа являлись вопросы налогообложения и кредитования. Появление в стране частного сектора экономики потребовало от советского руководства принятия налоговых санкций и новых условий кредитования в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Налогово-кредитная система заслуживает особого внимания, поскольку она оказывала наибольшее влияние на развитие частного предпринимательства.

В период военного коммунизма финансово-кредитная система была полностью разрушена. После перехода к нэпу правительство предприняло шаги к стабилизации денежного обращения. Оздоровить финансы удалось только к 1924 году. Постепенно восстанавливалась и банковская система, однако уже на иных основах, нежели до революции. Экономическая целесообразность уступила место идеологическим догмам.

Особенно большое внимание советское правительство уделяло налоговой политике, ее юридическому оформлению. Отсутствие твердых норм правопорядка приводило к несогласованности в деятельности советских органов, тормозило организационное оформление рынка. Вместе с

тем налоги – это одна из основных статей бюджета государства, и роль налогов была особенно важна ввиду того, что они должны были дать недостающие государству средства. Проведение налоговых мероприятий явилось одной из центральных тем XI съезда РКП (б)¹. В постановлении «О финансовой политике» говорилось о том, что налоговая политика преследует решение двух задач: первая заключалась в регулировании доходов и накопленный буржуазии путем прямого обложения доходов и имущества. Тем самым была определена классовая направленность налоговой политики. Вторая задача предусматривала обеспечение наибольших поступлений от налогов как источника денежных ресурсов государства.

Проведение налоговой политики потребовало изменения в финансовом аппарате. Наркомат финансов являлся главным проводником налоговой политики. Финансовые учреждения республики были представлены губернскими финансовыми отделами (губфинотделы) в губернских городах и уездными финансовыми отделами (уфинотделы) в уездах.

Непосредственное проведение налоговых мероприятий в жизнь осуществлялось местным налоговым аппаратом. Круг обязанностей его был очень широк, но одна из основных – это взывание налогов с торгово-промышленного класса. На протяжении всего периода новой экономической политики на финансовом фронте шла напряженная борьба между плательщиком налога и органами фиска. Налоговые санкции зависели от дохода предпринимателей. Для установления месячного оборота каждого предприятия, подлежащего обложению уравнительным сбором, создавались районные налоговые комиссии во главе с финансовым инспектором. Фининспектор отвечал за правильность исчисления налогов и успешность их взимания. Он же являлся и председателем участковых налоговых комиссий². Финансовые инспектора подчинялись непосредственно губфинотделу и распределялись по уездам губернии. Штатный состав уфинотделов колебался от 4 до 8 единиц, в зависимости от налоговой мощности уезда³. Например, в г. Саратове было 3 инспектора и по 1 в каждом из уездных городов.

Фининспектор был одним из символов эпохи нэпа, проводником советской налоговой политики в жизнь. Он наделялся большими полномочиями, его появление приводило многих «нэпманов» в со-

стояние паники и страха. Этот сюжет сатирически обыгрывался во многих художественных произведениях той эпохи. В частности, Ильф и Петров, рассказывая о развалившемся комбинате частных, писали: «Карл Павийнен уехал на извозчике во мглу, увозя свой не созвучный эпохе товар. За ним канули в небытие Галантпром и Канцбум, за которыми гнались конные фининспектора»⁴. Финансовые инспектора проверяли работу частных заведений и по всем замеченным нарушениям составляли протоколы на местах. Только за ноябрь и декабрь 1921 г. ими было обследовано по Саратовской губернии 90 % всего числа предприятий⁵. Интенсивная работа, проведенная финансовыми инспекторами, является подтверждением важности проводимых налоговых мероприятий.

Из законодательных актов в области финансов большое значение имели три декрета: первый – о введении промыслового налога; второй – об установлении косвенного обложения; третий – о введении государственного имущественного страхования. Они в буквальном смысле произвели в финансовой области революцию, ибо восстанавливали прямые и косвенные налоги.

Система налогообложения складывалась постепенно, так как на первом этапе проведения новой экономической политики не было объектов, с которых можно было бы взыскать налоги. Но по мере развития в стране частнокапиталистических отношений значение финансовых органов увеличивалось.

Отсутствие в первые месяцы нэпа слаженного налогового аппарата обуславливало применение лишь упрощенных приемов обложения, которые не позволяли с достаточной полнотой уловить имущественные различия в среде предпринимателей⁶. Промысловый налог, введенный декретом от 26 июля 1921 г., требовал от частного лишь уплаты стоимости патента на право открытия предприятия. Кроме патентного сбора, с торгово-промышленных предприятий II и III разряда взыскивался и уравнительный сбор в виде ежемесячных платежей в размере 3% с оборота предприятий⁷. В связи с возникшими трудностями уравнительный сбор взимался в 1921 г. не повсеместно, а только в 58 наиболее крупных городах, в том числе и в Саратове. Но уже в 1922 г. патентным сбором были охвачены предприятия всех разрядов, а уравнительный сбор стал собираться повсеместно⁸. Вестником Саратовского Губкома было отмечено, что «оба эти налога (промысловый и уравнительный. – *Е.П.*) стригут торгово-промышленную буржуазию»⁹. Однако Комиссия СТО, подводя итоги нэпа за 1921–1922 гг., отмечала: «Цифры показывают нам, что наше промышленное обложение ни в коей мере не только по отношению к государственной промышленности и торговле, но и по отношению к частной торговле не тяжело. Это подтверждается фактом систематического роста выбранных патентов и числа предприятий...»¹⁰. Советское руководство во главе с Лениным было уверено в

том, что промысловый налог, взимаемый с торговца и промышленника, далеко не охватывает прибыль этой группы населения и для нэпманской буржуазии сохраняются многие лазейки для утайки своих накоплений. В 1922 г. В.И. Ленин в «Проекте директивы Политбюро о новой экономической политике» потребовал от Наркомата финансов увеличить как число налогов, так и размер поступлений от них¹¹. Тем самым политика ужесточения налогового обложения частного, начало которой было положено в 1921–1922 гг., в 1923–1924 гг. получила свое дальнейшее развитие.

Новое Положение о государственном промысловом налоге, введенное в действие декретом ВЦИК и СНК 18 января 1923 г., впервые устанавливавшее дифференциацию уравнительного сбора в зависимости от категории предприятия (государственного, кооперативного и частного), давало значительные преимущества государственным и кооперативным предприятиям перед частными. Ставки промыслового налога с государственных предприятий были в 1,5–4 раза ниже ставок частных предприятий¹², а низовые кооперативные предприятия (рабочей и сельской кооперации) полностью освобождались от промыслового налога¹³. Частные предприниматели дважды платили уравнительный сбор с одной и той же продукции (с оборота в производстве и с оборота от продажи в своем магазине). Отсюда понятно стремление предпринимателя понизить налоговые ставки путем раздачи работы кустарям, так как в этом случае он платил уравнительный сбор с одного торгового оборота.

Существенным было и то, что государственные предприятия были освобождены от поимущественного обложения, которое затрагивало не только предметы обихода, роскоши, но и производственное оборудование частных предприятий, запасы сырья, товаров и др. Это препятствовало, в частности, созданию акционерных обществ, поскольку при всяком слиянии имущества многократно возрастало для каждого участника объединения. К тому же доходы участников акционерных обществ облагались дважды: сначала как совокупный доход общества, потом – как выплаченный дивиденд.

После XI съезда партии нажим финансовых органов на «капиталистические элементы» усилился. По декрету от 16 ноября 1922 г. вводится подоходно-имущественный налог с прогрессирующими ставками обложения, которым подвергались обложению все виды доходов частных лиц¹⁴. Все сборы от этого налога направлялись на финансирование социалистической промышленности, транспорта и государственного сектора торговли. Подоходный налог ограничивал доходы частного, срезал значительную часть его сверхприбылей. В печати того времени можно встретить следующую характеристику этого налога: он «самый лучший, он начисто “бреет” зажиточные элементы населения, буржуазию, людей свобод-

ных профессий, высшие категории служащих»¹⁵. Но в центре считали иначе.

20 января 1923 г. в Госплане был заслушан доклад НКФ «о налоговых предположениях на 1922/23 г.». Представители НКФ, в частности М.К. Владимиров, отмечали, что «наш налоговый аппарат не в состоянии уловить те группы населения, которые предполагается обложить. Тут требуется политический нажим на всех тех, кто будет заподозрен в принадлежности к этому слою (буржуазии. – Е.П.). Наша задача разыскивать тех, которые по известным признакам могут быть причислены к этой категории, для того чтобы обложить их основательно»¹⁶.

С целью более полного и всестороннего обложения капиталистических элементов, в первую очередь получавших высокие доходы, в конце 1923 г. подоходно-имущественный налог был разграничен на основной (классовый) и дополнительный (прогрессивный)¹⁷. Податное население по закону 1923 г. делилось на три группы: а) рабочие и служащие; б) лица, получающие доход от личных промыслов без использования наемного труда; в) лица, живущие на нетрудовые доходы. Подоходный налог платили не только физические, но и юридические лица, причем частные предприятия должны были платить больше государственных и кооперативных¹⁸. Если в 1922 г. ставки этого налога достигали 12% от дохода, то к концу 1924 г. они составили 35%, не считая местной надбавки¹⁹.

22 августа 1921 г. принимается Декрет «О местных денежных средствах», который устанавливал местные налоги и сборы²⁰. Нельзя забывать о том, что с государственного бюджета была снята довольно значительная часть расходов и отнесена на местный бюджет. Эти налоги во многом способствовали восстановлению городского хозяйства губерний.

Усиление налогового пресса в конце 1922 – начале 1923 г. было осуществлено также за счет местных сборов, в первую очередь, по линии арендной платы. Дело в том, что с 10 января 1922 г. приступили к заключению добровольного страхования недвижимости от пожаров, обязательного для помещений, сданных Коммуноотделом или Совнархозом в аренду. В течение 3-х месяцев рекомендовалось застраховать все арендованные помещения. Эта проведенная мера привела к резкому сокращению торговой сети²¹.

Наряду с вышеуказанными мерами в середине 1920-х гг. был предпринят ряд исчислений сумм налогов, взимаемых с каждой из социальной групп, которые показали, что «нетрудовые элементы», по отношению к величине доходов, облагались в 1,5–2 раза тяжелее, чем рабочие и служащие²². Так, квартирный налог, введенный в конце 1924 г., увеличивал обложение на нэпманов на 10,5%. Квартирная плата вместе с квартирным налогом достигли 50% всех остальных государственных и мест-

ных налогов и сборов²³. В.А. Архипов пишет: «если к государственному обложению присовокупить еще местные налоги, то вместе они достигали 33% доходов нэпманов, а их доля в общем объеме налоговых поступлений составляла 50%. Вместе с квартирным налогом и квартплатой, налогом за коммунальные услуги и т.п. обложение некоторых плательщиков составляло до 60–70% и более от их доходов»²⁴. По заключению специалистов Наркомфина, налоговая система, сложившаяся к 1925 г., в целом почти не оставляла места для частного накопления.

Правительство вскоре осознало, что свертывание промышленности и торговли в частном секторе еще преждевременно. И это доказал первый кризис нэпа в 1923 г., вызванный «ножницами цен»: выросла безработица, снижился выпуск товаров первой необходимости. Ситуация заставила ряд экономистов Госплана в середине октября 1924 г. пересмотреть политику по отношению к частному капиталу. Так, В.А. Базаров отстаивал идею свободной конкуренции, а не насильственно-репрессивных методов регулирования рынка. Подобной точки зрения придерживался и член президиума Трифионов²⁵. В результате даже в руководстве ВСНХ СССР начинает постепенно преобладать тенденция лояльного отношения к частному капиталу. В 1924/25 гг. государство предприняло целый ряд мер, которые смягчили налоговое давление на частника. Об этом свидетельствует ряд правительственных постановлений.

31 марта 1925 г. на совещании в СТО было принято решение о смягчении экономических и административных мер давления на частный торговый капитал и создании «менее жестких условий» его функционирования. Так, III съезд Советов СССР (май 1925) установил, что «налоги с частной торговли должны применяться так, чтобы не вызывать сокращения товарооборота»²⁶. По постановлению НКФ СССР от 5 мая 1925 г. налоговые льготы были предоставлены деревенским торговцам, затем владельцам мельниц, маслобоен, других предприятий на селе²⁷. В мае 1926 г. СНК СССР отменил всякие налоги с предпринимателей по добыче золота и других драгоценных металлов. Для предприятий, производивших дефицитные товары, отменялись налоговые надбавки в местный бюджет²⁸. Снижился квартирный налог²⁹, отменялась обязательная выборка облигаций государственных займов.

Но после некоторого сокращения налоговое обложение вновь было увеличено. 18 июня 1926 г. был объявлен «временный сверхналог» на нэпманов³⁰, который постановлением ЦКК и СНК с 18 мая 1927 г. стал постоянным, а не временным³¹. А чуть позже налоговый прессинг на частных предпринимателей был продолжен.

В конце 1927 г. советское руководство сделало окончательный вывод: «к элементам частнока-

питалистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения»³².

С этого времени начинается этап ликвидации частной промышленности и торговли, но ликвидации не немедленной, а происходившей около трех лет. В 1928 г. вышло новое положение о промысловом и подоходном налогах, величина изъятия по этим налогам (без учета других) составила 54% с дохода³³, что поставило частных предпринимателей в невыносимо тяжелое экономическое положение.

Одной из форм давления на предпринимателя было и огромное количество различных сборов, так называемых косвенных налогов. Например, в 1926 г. появился военный налог, взимаемый с лиц, зачисленных в тыловое ополчение. Он целиком падал на нэпманов, которые автоматически были лишены избирательских прав, а потому и автоматически попадали в тыловое ополчение. Дискриминация по отношению к частным предпринимателям существовала также в уплате различных государственных пошлин: судебной, за перемену имени, за выдачу загранпаспорта, нотариального сбора и т.д., а также в уплате пени³⁴.

Усиление налогового гнета привело к значительному снижению дохода предпринимателей. Так, данные налоговой комиссии г. Саратова, собранные в 1927 г. во время местного и уравнительного сбора государственных налогов³⁵ и во время сбора налога на сверхприбыль³⁶, говорят о постоянных недоимках с частных предприятий. Многочисленные заявления владельцев частных предприятий Саратовского Поволжья в союзы соответствующих отраслей о закрытии своих заведений по причине непосильного обложения налогами³⁷, из-за невозможности приобрести отсутствующие на рынке товары через государственные магазины³⁸, из-за отсутствия заказов со стороны государственных и кооперативных учреждений³⁹ подтверждают сказанное выше о решительном наступлении на частный капитал.

Таким образом, форсированное налоговое обложение частника, начатое с 1926 г., в 1928 г. было доведено до предела, дальше которого лежала «невозможность хозяйственной деятельности и чрезвычайное усиление дезорганизующих форм работы частного капитала»⁴⁰.

Большинство партийно-государственного руководства под лозунгом борьбы с возрождающейся и якобы укрепляющейся экономически и политически буржуазией, продолжило линию не только на ускоренное вытеснение, но и на ликвидацию предпринимательства. Этому способствовала кампания по взысканию недоимок с предпринимателей, которая проводилась в конце 1929 года.

В деле взимания недоимок полное содействие налоговым органам оказывали органы милиции. Содействие это проявлялось главным образом при составлении описей и отчуждении описанного

имущества недоимщиков. Кроме того, милиция, при обнаружении, например, беспатентной торговли, формально протоколов не составляла, но о замеченных нарушениях обязана была сообщать «налоговому надзору»⁴¹. На местах организацией работы по взысканию налоговых недоимок и ее руководством занимались местные органы ЦКК и РКК, о чем свидетельствуют документы из Государственного Саратовского областного архива⁴². Стремясь заставить предпринимателей врасплох, оперативную работу бригады проводили, как правило, ночью, по мандатам прокуратуры и уголовного розыска г. Саратова. При взыскании налога применялись все меры воздействия по отношению к неисправным плательщикам. Описывали орудия производства частников, незаконно подвергали аресту имущество недоимщиков, независимо от суммы недоимки⁴³. В результате деятельности бригад было изъято ценностей и имущества на общую стоимость 32 млн рублей (в основном по РСФСР)⁴⁴. Изъятые ценности сдавались в кредитные учреждения.

Кредитная политика по значимости не уступала налоговой и являлась одним из важнейших рычагов регулирования деятельности частного торгово-промышленного капитала. Предприниматели нуждались в денежных средствах как для открытия своего «дела», и так и для дальнейшего его развития. Государство, предоставляя кредиты на одних условиях, могло способствовать развитию частного рынка, на других условиях – свести эту деятельность к минимуму. И понимая действие такого механизма, при некоторой экономической либерализации, большевики все же не отказывались от главного своего постулата – классового подхода, который был применен не только в налоговом, но и в кредитном вопросе.

Одним из главных кредитных учреждений страны стал Государственный банк РСФСР, образованный в составе Народного комиссариата 4 октября 1921 года⁴⁵. Его бюджет складывался из государственных средств в сумме 2000 млрд руб. в совзнаках, что равнялось примерно 35 млн золотых рублей. На 1 января 1922 г. функционировали уже 4 филиала Госбанка, в том числе его Московская контора⁴⁶. В Саратове филиал Госбанка начал работу 1 августа 1922 года⁴⁷.

С самого начала Правление Госбанка направило свою активную деятельность на финансирование и кредитование крупной государственной промышленности и кооперативных объединений, сдерживая просьбы на взятие кредита со стороны частной промышленности и торговли⁴⁸. Однако полностью исключить частника из сферы кредитования было нельзя. Прежде всего это не соответствовало принципам провозглашенной новой экономической политики; кроме того, большевики хорошо понимали, что восстановление частного сектора экономики без финансовой поддержки просто не возможно. Одним словом, государство вынуждено было предоставлять кредиты частным

предпринимателям, при сохранении привилегий в отношении государственных предприятий и кооперации⁴⁹. Так, при учетном проценте для госучреждений и кооперации в 2–5%, учетный процент для частной клиентуры был в несколько раз больше и определялся в 10–12%⁵⁰. Как следствие – многие частники сами отказывались от такой «помощи». Более того, согласие предпринимателей на предъявляемые условия не являлось гарантией получения необходимых сумм. Кредитование частных фирм и лиц производилось с большой осмотрительностью и строгим отбором. Нередко потребности частной клиентуры в кредите вообще не учитывались⁵¹.

Краткосрочность ссуд еще больше сузила возможности нэпманов, особенно если это касалось частной промышленности. По сведениям Е. Демчик, «предельный срок кредита ограничивался 3 месяцами»⁵². При таких краткосрочных кредитах развивать частный сектор производства было практически невозможно. И поэтому нэпманы ставили вопрос о предоставлении частной промышленности долгосрочных кредитов. Однако такой пересмотр кредитного дела шел вразрез с кредитной политикой государства. Так, заместитель председателя ВСНХ СССР Э.И. Квиринг полагал, что «нельзя идти навстречу высказанным пожеланиям», ибо долгосрочные кредиты и сырье «как раз то, в чем наиболее нуждается государственная промышленность»⁵³. Помимо этой отрасли большая часть кредитов направлялась в распоряжение крестьянских хозяйств, сельскохозяйственной кооперации⁵⁴.

«Ножницы» цен и кризис сбыта усилил классовый характер банковских кредитных операций. Осенью 1923 г. были даны жесткие директивы о необходимости прекращения кредитования частных лиц и учреждений, категорического прекращения выдачи новых ссуд этой категории клиентуры, безоговорочной ликвидации в срок задолженности частной клиентуры по старым долгам⁵⁵. В феврале 1924 г. нарком РКИ В.В. Куйбышев выступил со статьей «Задачи внутриторговой политики», в которой были изложены правительственные меры по ограничению и частичному вытеснению капиталистических элементов. Для борьбы с частным капиталом предлагалось максимальное сокращение, вплоть до полного прекращения прямого и косвенного товарного и денежного кредитования частного капитала государственными органами⁵⁶. И в апреле 1924 г. банки получили директиву прекратить кредитование частных лиц в заготовках шерсти, кож, снизить кредиты хлебозаготовителям и торговцам мануфактурой⁵⁷. XIII съезд партии потребовал от государственных банков снизить долю кредитов частным лицам⁵⁸. В соответствии с решениями указанного съезда размер кредитов частной клиентуре был снижен в 2,2 раза⁵⁹.

Таким образом, уже в первые года нэпа большевики старались всеми мерами ограничить

возможности для частного кредитования. Вместе с тем советское правительство допустило нэпманов к непосредственной организации кредитного дела путем разрешения создания обществ взаимного кредита (ОВК) и коммерческих банков⁶⁰. Первые кредитные учреждения коммерческого толка стали появляться в 1922 году⁶¹. В этом же году открылось Саратовское ОВК и начал свою работу коммерческий Немецко-Волжский банк сельскохозяйственного кредита.

Такая двойственная финансовая политика, а именно создание сети коммерческих кредитных учреждений, позволила большевикам сократить теневой денежный оборот, ввести его в русло организованного частного кредита, посредством которого можно было всегда «своевременно» отреагировать на накопления нэпманской буржуазии.

С курсом на ограничение накоплений была связана и политика цен. Стройной системы ценообразования в 1920-е гг. еще не было. Понижение цен происходило преимущественно в виде кампаний. Суть данного метода заключалась в том, что Наркомат внутренней торговли устанавливал предельные цены в государственной и кооперативной торговой системе значительно ниже рыночных. Делалось это для того, чтобы заставить частника также снизить цены. Во время кампании по снижению цен принимались меры общественного воздействия на сопротивляющихся нэпманов, устраивались «месячники покупок только в кооперации» и т.п.; последняя стала впервые практиковать продажу в кредит.

В 1925/26 гг. были предприняты новые меры для внедрения плановости в товарный оборот. К 1925 г. относится начало снабжения потребкооперации госпромышленностью на основе генеральных договоров; был введен плановый завоз товаров по районам страны; усиливались плановые заготовки хлеба, сельскохозяйственного сырья. В постановлении СНК СССР и СТО от 28 июня 1926 г. «О хозяйственной конъюнктуре за первую половину 1925/1926 хозяйственного года» Госплан получил задание при разработке контрольных цифр развития народного хозяйства на 1926/27 г. «внести больше четкости и ясности в политику по отношению к частному капиталу как в смысле объема и области применения, так и в смысле методов регулирования»⁶². В результате со второй половины 1926 г. сократился кредит частным лицам, было начато и продолжено в 1927 г. новое снижение цен, составившее в среднем 10 %⁶³.

В целом эволюция финансово-налоговой системы демонстрирует, как менялось отношение власти к частному капиталу на различных этапах осуществления новой экономической политики. На примере Саратовского Поволжья можно отметить, что политика власти периода нэпа в центре и на местах имела «зигзагообразный» характер: 1921–1923 гг. – время достаточно мирного со-

существования различных укладов в экономике страны. Но уже в это время частные предприниматели становятся главными объектами налогообложения. С конца 1923 г. и до 1925 г. все больше усиливается контроль государства за частниками и их накоплениями. Ряд постановлений советской власти, принятых в 1925 г., позволяют говорить о некоторой «оттепели» в государственной политике. Но с 1926 г. со всяким «заигрыванием» с коммерсантами было покончено. Административное регулирование уступает место экономическим методам борьбы. Налоги ужесточались, росли как снежный ком из года в год, и к 1928 г. были доведены до предела. С переходом к плановой экономике частные предприниматели стали лишними элементами в социалистической системе хозяйствования.

Примечания

- 1 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 496.
- 2 См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 338, Оп. 1, Д. 995, Л. 7 об.
- 3 Там же. Л. 6 об.
- 4 *Ильф И., Петров Е.* 12 стульев. Золотой теленок. М., 1967. С. 469.
- 5 См.: *Трофимов Н.* Финансы в 1921 г. и перспективы их в 1922 г. // Вестник Саратовского Губкома Р.К.П. 1922. № 16.
- 6 См.: Отчет Народного Комиссариата финансов РСФСР за 1922–1923 год XI съезду Советов. М., 1924. С. 9.
- 7 См.: *Трофимов Н.* Указ. соч.
- 8 См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее СУ). 1922. № 16. Ст. 162; № 17. Прилож. к ст. 180.
- 9 Вестник Саратовского Губкома Р.К.П. 1923. № 1. С. 22.
- 10 На новых путях (Итоги новой экономической политики. 1921–1922). М., 1923. Ч. II. С. 142.
- 11 См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 356.
- 12 См.: *Исаев И.А.* Проблемы правового регулирования советской многоукладной экономики // Экономическая политика Советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 182.
- 13 См.: СУ. 1923. № 5. Ст. 88, 89; СУ. 1923. № 45. Ст. 559.
- 14 Прогрессивный характер означал то, что если доход предпринимателя был выше минимума в 10, скажем, раз то с него брали налог не в 10 раз больше, а раз в 30 или даже больше.
- 15 Вестник Саратовского Губкома Р.К.П. 1923. № 1. С. 23.
- 16 Протоколы Президиума Госплана СССР. 1923 г.: Сб. документов. М., 1991. Ч. 1. С. 49.
- 17 Первоначально подоходный налог взимался с граждан, получающих «нетрудовые» доходы, то есть предпринимателей. В 1923 г. этот налог изменили и стали привлекать к подоходному обложению всех граждан.
- 18 См.: Вестник финансов. 1923. № 3. С. 21.
- 19 Там же. 1924. № 11. С. 73.
- 20 См.: СУ. 1921. № 62. Ст. 446; № 80. Ст. 693.
- 21 См.: Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. № 9–10. С. 134.
- 22 См.: *Свищев М.А.* Изучение нэпманской буржуазии в научной литературе 20-х годов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1987. № 6. С. 22.
- 23 См.: Вестник финансов. 1924. № 12. С. 15.
- 24 *Архипов В.А.* Этапы и методы регулирования частного торгово-промышленного предпринимательства. М., 1982. С. 182.
- 25 См.: *Быстрова И.В.* Государство и экономика в 20-е годы: Борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 26, 27.
- 26 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 483.
- 27 См.: Постановление ЦИК СНК СССР // Известия ЦИК. 1925. 13 мая; СЗ. 1925. № 25. Ст. 168; № 32. Ст. 213.
- 28 См.: СЗ. 1926. № 3. Ст. 16.
- 29 Среди мер, которые намечались в проекте мероприятий, необходимых для поощрения частной торговли и промышленности, предусматривалось заменить систему «соглашений» в области квартирной платы «определенными дифференцированными нормами» для отдельных групп частных торговых и промышленных предприятий с тем, чтобы квартирная плата вместе с коммунальными услугами не превышала определенного процента от доходов данной группы.
- 30 См.: КПСС в резолюциях М., 1984. Т. 4. С. 156.
- 31 См.: Законы о частном капитале: Сборник законов, постановлений, инструкций, разъяснений. М., 1929. С. 313.
- 32 КПСС в резолюциях Т. 4. С. 262.
- 33 См.: *Архипов В.А.* Частная аренда государственных предприятий в период нэпа // Вопросы истории. 1980. № 3. С. 26.
- 34 См. *Лебина О., Белоцкая Н.* Онэпивание // Родина. 2001. № 6. С. 63.
- 35 ГАСО, Ф. 341, Оп. 1, Д. 687, Л. 2–12.
- 36 Там же. Д. 688, Л. 1–4, 5–8.
- 37 Там же. Ф. 621, Оп. 1, Д. 338, Л. 65, 89, 94, 121, 182.
- 38 Там же. Д. 283, Л. 14, 19, 37; Там же. Д. 338, Л. 64, 186, 226, 242.
- 39 Там же. Л. 1, 48, 123, 126, 251, 265, 266.
- 40 *Бородкин Л.И., Свищев М.А.* Социальная мобильность в период НЭПА: К вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 115.
- 41 ГАСО, Ф. 338, Оп. 1, Д. 995, Л. 13.
- 42 См.: Там же. Д. 13, Л. 2.
- 43 Там же. Ф. 338, Д. 995, Л. 6.
- 44 См.: *Люттов Л.Н.* Частная промышленность в годы нэпа. Саратов, 1994. С. 123.
- 45 См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 270, 271; С 1923 г. Государственный банк СССР.

- ⁴⁶ См.: *Атлас М.* Развитие Государственного банка СССР. М., 1958. С. 12.
- ⁴⁷ См.: Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958). М., 1964. С. 186–187.
- ⁴⁸ См.: Торговый бюллетень. 1921. 31 дек.
- ⁴⁹ См.: *Симонов С.* Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921–1927 гг.) // История России. 1990. № 5. С. 43; *Люттов Л.Н.* Указ. соч. С. 125.
- ⁵⁰ См.: Отчет губернского экономического совещания (ЭКОСО). Саратов, 1923. С. 75.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 127. Л. 21 об.
- ⁵² *Демчик Е.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы. Барнаул, 1998. С. 102.
- ⁵³ Цит. по: *Люттов Л.Н.* Указ. соч. С. 136.
- ⁵⁴ См.: *Ильин С.С.* Финансовая политика в аграрной сфере при нэпе // Финансы. 1993. № 11. С. 75.
- ⁵⁵ Социалистическое хозяйство. М., 1924. Кн. 2. С. 141.
- ⁵⁶ См.: КПСС в резолюциях.... М., 1984. Т. 3. С. 168–169.
- ⁵⁷ См.: Правда. 1924. 8 апр.
- ⁵⁸ См.: *Винокур С.М.* К вопросу о политике государственного кредита // Вестник финансов. 1926. № 8. С. 22.
- ⁵⁹ См.: Экономическая жизнь. 1924. 4 июня.
- ⁶⁰ См.: *Мехряков В.Д.* История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С. 180.
- ⁶¹ См.: *Фридман С.* Частный капитал в кредитной системе СССР в 1922/23 и 1923/24 гг. // Проблемы теории и практики управления. 1992. № 2. С. 117.
- ⁶² СЗ. 1926. № 54. Ст. 396.
- ⁶³ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 644.

УДК [94:32](470)

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В.И. Тюрин

Саратовский государственный университет,
кафедра нового, новейшего времени и международных отношений
E-mail: vladimirtyurin@rambler.ru

В статье исследуется сущность концепции национальной безопасности Российской Федерации в контексте формирования инновационного общества в России. Изучаются представления политической элиты России о характере и важнейших составляющих инновационного обновления страны, выявляется роль государства. Осмысливаются также проблемы, возникшие на путях становления в России нового уровня цивилизации.

Ключевые слова: национальная безопасность, инновационное общество, политическая элита, государство, новый инновационный уровень.

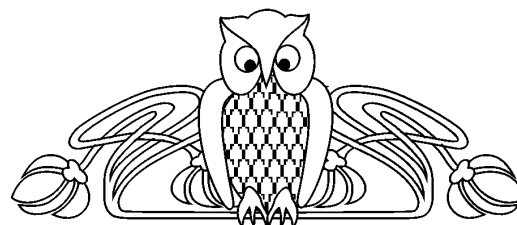
The Conception of National Security of Russian Federation and Problems of Forming Russian Innovative Society.

V.I. Tyurin

This article focuses on the conception of national security of Russian Federation in the context of forming Russian innovative society. The author studies knowledge of Russian political elite about character and main components of innovative regeneration of the country, the talk of state is identified. The problems of making new civilization level in Russia are also studied.

Key words: national security, innovative society, political elite, state, new civilization level.

Ныне действующая Концепция национальной безопасности Российской Федерации определялась как «система взглядов на обеспечение в Российской Федерации *безопасности* (здесь и далее курсив наш. – В.Т.) личности, общества и

государства от *внешних и внутренних угроз* во всех сферах жизнедеятельности»¹. Национальные же интересы России представляют собой «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства» в различных сферах жизнедеятельности.

При этом составители Концепции подчеркивали, что в ней «сформулированы важнейшие проявления *государственной* политики Российской Федерации», и что «национальные интересы обеспечиваются институтами *государственной* власти»².

Этот акцент чрезвычайно важен. По сути и духу своему Концепция *национальной безопасности* РФ 2000 г. есть не что иное, как Концепция *государственной безопасности*, что принципиально важно для оценки и осмысления философии этого очень важного документа, во многом определяющего стратегию эволюции новой России.

В этой связи хотелось бы особенно подчеркнуть, что составители Концепции рассматривают национальную безопасность как состояние и степень защищенности человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз и пути, средства преодоления этих вызовов. Представляется, что подобный подход и трактовка понятия «национальная безопасность РФ» несколько обедняет смысловое содержание Концепции национальной безопасности как таковой и ее составляющих.

В самом деле, национальная безопасность – это система мер, призванных обеспечить спасение нации в условиях, когда естественная среда обитания человека оказалась замененной единой в масштабах Земли искусственной средой – техносферой, в результате чего антропогенные нагрузки на природу превысили все допустимые пределы, и природа сама стала деградировать вплоть до полной непригодности к проживанию человека и животных.

Национальная безопасность – это и выработка мер по предотвращению гибели человека от приобретших пандемический характер таких заболеваний, как СПИД, «птичий грипп», специфическая пневмония, энтеровирусы, в появлении и распространении которых не исключено участие самого человека.

Национальная безопасность – это также адекватный ответ на результаты прорывов научно-технической мысли человека, создавшего и создающего, помимо прочего, средства полного уничтожения всего живого как возможный результат применения оружия массового поражения.

Национальная безопасность призвана определять и шаги против надвигающейся угрозы продовольственного дефицита, голода планетарного масштаба, по своим последствиям не менее ужасного, чем угроза уничтожения человечества в ядерной катастрофе.

Актуальным для стратегии национальной безопасности является и осмысление стратегии получения энергии из альтернативных источников вследствие реального сокращения запасов традиционных энергоносителей.

Национальная безопасность России предполагает также проведение научно обоснованной политики эффективного взаимодействия этноконфессиональных сегментов общества, предполагающей органичное их включение в единую канву общественно-национального организма страны при единстве учета этнокультурных особенностей и интересов этнонациональных групп и культуры господствующей нации.

Важную роль для обеспечения национальной безопасности России играет и эффективная внешняя политика, проводимая в интересах человека, общества и обеспечивающая возможности мирного решения задач внутреннего развития и на этой основе создающая благоприятные условия для интеллектуального, научно-технического, культурного сотрудничества с мировым сообществом, для эффективной, взаимовыгодной внешней торговли, финансовой международной деятельности, многосторонней кооперации с миросистемой.

Для обеспечения национальной безопасности России важны и меры по адекватному преодолению ассиметричных вызовов цивилизационному развитию со стороны международного терроризма.

Все эти и другие составляющие понятия «национальная безопасность Российской Феде-

рации» представляется целесообразным свести к обобщающей формуле, которая, как и всякое определение, уже есть ограничение, но в которой представлены наиболее существенные проявления этого многомерного феномена. Национальная безопасность Российской Федерации – это создание и поддержание благоприятных возможностей для эффективного решения задач духовного, нравственного, культурного развития и совершенствования российского общества, систематического роста благосостояния его членов и здоровья нации, совершенствования его образовательного уровня, гармоничного, эффективного развития народно-хозяйственного комплекса с целью существенного улучшения жизни человека, комплекса, базирующегося на новейших достижениях научно-технической мысли мирового уровня при рачительном, хозяйском распоряжении и использовании собственных природных ресурсов и богатств и сбережении невозвратимых природных запасов, развитии производства альтернативных источников энергообеспечения.

В этой связи вполне естественна попытка дать ответ на вопрос, что же представляет собой *культура национальной безопасности*? Думается, что культура национальной безопасности есть не что иное, как:

– специфическое отражение в сознании государственных, политических, военных элит, академического, научного сообщества того или иного государства или группы государств сущности вызовов естественному и гармоничному развитию человека, общества и нации;

– научно обоснованный поиск, нахождение ответов, рецептов преодоления препятствий этому прогрессу;

– выработка контуров поведенческого стереотипа этих элит для эффективной реализации выработанных решений.

Совершенно очевидно, что это видение и осознание элитами сущности вызовов и принимаемых решений, как правило, не может стать адекватным представлениям массового общественного сознания. Причем эти представления массового общественного сознания достаточно слабо коррелируют с представлениями элит о природе этих вызовов, трудностей и не всегда принимаются во внимание элитами при выработке курса и мер преодоления этих препятствий и сложностей.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации считала одной из важнейших задач обеспечения национальной безопасности страны не только подъем ее экономики, преодоление научно-технической и технологической зависимости России от внешних источников, но и устранение деформаций в структуре российской экономики, обеспечение опережающего роста производства наукоемкой продукции и продукции высокой степени переработки, в целом конкурентоспособных отраслей³.

В решении этих задач существенная роль отводилась государству. Ему надлежало сконцентрировать финансовые и материальные ресурсы на приоритетных направлениях развития науки и техники, оказывать поддержку ведущим научным школам, создавать инфраструктуру, обеспечивающую коммерциализацию результатов научно-исследовательских разработок при одновременной защите интеллектуальной собственности как внутри страны, так и за рубежом. Важным считалось широкое привлечение к этому процессу частного капитала, реализация программ развития территорий, обладающих высоким научно-техническим потенциалом⁴.

В качестве самостоятельной, формально не связанной с задачей развития наукоемкого производства и высокотехнологичных отраслей формулировалась установка на защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России⁵.

Совершенно очевидно, что в Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. пока еще не появился бренд инновационности российского общества, инновационной страны.

Что же побудило высших руководителей Российского государства по истечении почти двух десятилетий демократического обновления посткоммунистической России остро поставить вопрос о создании новой инновационной России?

В своем выступлении 8 февраля 2008 г. на расширенном заседании Госсовета Президент России В.В. Путин впервые подверг резкой критике результаты реализации курса первого Президента России Б.Н. Ельцина, приведшего к началу нового тысячелетия к тяжелой ситуации в стране. Это был системный кризис, охвативший все стороны ее жизни. Он характеризовался не только малоэффективностью государственной власти, ослаблением всех государственных институтов, но и чудовищным доминированием отдельных корпоративных групп в духовной, политической, экономической областях России, которые в значительной мере непосредственно контролировались олигархическими и откровенно криминальными структурами. Развалившаяся промышленность, в том числе оборонно-промышленное производство, состояние глубочайшего кризиса сельского хозяйства вели к опустошению финансовых запасов России, что можно было связать с исключительным влиянием на принятие государственных решений сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, международных финансовых институтов и зарубежных политических кругов.

Происходил катастрофический рост бедности, безработицы, задерживалась выплата зарплаты, и вышедшая из-под контроля инфляция съедала и без того скромный достаток основной массы населения России. Ее реальные доходы не превышали 40% от уровня 1991 года. Нищенство-

вала почти 1/3 населения России, доходы которой были ниже прожиточного уровня⁶.

И в свою заслугу В. Путин поставил разработку и реализацию комплекса жизненно важных мер, которые, по его мнению, позволили за последние 8 лет выжить Россию из этого опасного состояния системного кризиса.

Особо значимыми были, на его взгляд, укрепление позиций государственной и политической системы, процесс выздоровления экономики, социальная стабилизация (рост реальных доходов людей, сокращение уровня бедности, безработицы, преодоление тенденции роста смертности и снижения рождаемости)⁷.

Несмотря на все это, главный отрицательный итог своего восьмилетнего правления В. Путин видел в том, что России «не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития». И даже на фоне благоприятной для России экономической конъюнктуры лишь фрагментарно решаются вопросы модернизации российской экономики. А это «неизбежно ведет, – продолжил В. Путин, – к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за страной роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров».

Вот почему В. Путин вынужден был констатировать, что на путях следования сценарию доминирования в экономике России сырьевых отраслей «мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан». И самое главное, по его убеждению, мы «не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормальное развитие, подвергнем угрозе само ее существование – говорю это без всякого преувеличения»⁸.

В устах бывшего Президента России В. Путина логика этого вывода несколько странна, потому что все 8 лет его президентства были направлены именно на форсирование вывоза из России за рубеж, практически с мизерной долей переработки, углеводородного сырья, как, впрочем, леса-кругляка, но не мебели, металла, но не металлоизделий и конструкций, морепродуктов, икры, ценных пород рыб и т.д.

Самые последние зарубежные визиты В. Путина уже как премьер-министра России свидетельствуют о том, что главной внешнеполитической составляющей остается надежное обеспечение зарубежных партнеров газом, нефтью по ранее подписанным многолетним контрактам и строительство новых трансевропейских и трансроссийских трубопроводов для экспорта в новых объемах нефти и газа.

Новый Президент России Дмитрий Медведев пока не считал нужным и возможным радикально изменить подобную стратегию развития России и ее внешнеэкономической (внешнеполитической) деятельности как доминирующей. С этой

точки зрения становится проблематичной любая попытка структурно перестроить Россию не на словах, а на деле. Но политическая элита России все же вынуждена сознавать, что облик России в самом ближайшем будущем должен стать принципиально иным.

В этой связи представляет несомненный интерес система взглядов главного теоретика «суверенной демократии» в России Владислава Суркова. Следует отдать должное этому не тривиально мыслящему представителю российской интеллектуальной элиты. Если оставить за скобками его рассуждения об исторической обусловленности и актуальности «суверенизации» сегодняшнего российского общества, то перед нами предстает российский патриот, глубоко и искренне озабоченный нынешним состоянием российского общества и будущим России.

В своем выступлении 8 июня 2007 г. в Российской академии наук с исполненным глубочайшего смысла названием «Русская политическая культура. Взгляд из утопии»⁹ Владислав Сурков с позиций иного, будущего завтра России («утопии») делает вывод принципиальной важности: не нефть, не газ, не новейшие технологии смогут определить будущее России. Только свойственная «каждому народу его культура предоставляет уникальный код доступа к будущему. Ответы на вопросы, как пройти в новый век и как там быть, нужно искать в собственном культурном пространстве <...> За пределами собственной культуры у России будущего нет»¹⁰.

Для В. Суркова культура, культурное пространство – не абстрактные понятия. Это уровень развития современной России, это стратегия ее будущего. «Хотим мы включения в так называемую цивилизацию Третьей волны, или остаемся ржаветь в индустриальной, на задворках глобальной экономики до скончания века и нефти?» – ставит он ключевой вопрос философии будущего России.

Чтобы дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, В. Сурков считает необходимым честно сказать нелицеприятную правду о потенциале сегодняшней России и ее месте в мирообществе. Болью за Россию, образованную, богатую и обильную, пронизаны его следующие рассуждения. «Маловероятно, чтобы кому-то в мире пришлось в голову обратиться к нам за новой технологией, качественными финансовыми услугами, эффективным управлением, кассовым фильмом, модной одеждой. На нашу страну выходят, чтобы купить нефть, газ, пресловутый лескружляк. Стало быть в мировом разделении труда мы не инженеры, не банкиры, не дизайнеры, не продюсеры и управляющие. Мы – бурильщики, шахтеры, лесорубы. То есть довольно чумазые ребята с рабочих окраин. Конечно, – продолжает В. Сурков, – всякий труд почетен, но все же, почему так? Мы ведь считаем себя высокообразованным и высококультурным народом. Что же мы,

такие образованные, с нашим-то красным дипломом – кормим комаров на нефтеносном болоте. Такие культурные и одаренные, соплеменники Николая Гоголя, Игоря Стравинского, Ильи Пригожина – потеем на карьере и в забое. Может, мы не доросли до высоты нашей национальной культуры. Может, не все в порядке с образованием»¹¹. Это не вопросы, это утверждение.

Но он идет дальше. И сам же дает удивительный по силе обвинения и вместе с тем неординарный по глубине проникновения в суть явления ответ. Для него сегодняшняя Россия, с высоты «глобально значимой национальной экономики, интеллектуальных услуг», это бурно ветвящаяся бюрократия, прилипшая «к нефтяной трубе». Это страна, в которой на руководящих позициях чрезмерно «мало людей, настроенных на Третью волну». Это государство, в котором сырье «ценится дороже знаний» и в котором «культура и образование еще не стали основой экономики и политики». Именно знания и культура считаются «нерентабельной “социальной” периферией сырьевого комплекса». А самое главное, в России отсутствует понимание, что **«не существуют отдельно, сами по себе политические, экономические, военные преимущества. Они всегда часть и следствие культурного превосходства»** (выделено В. Сурковым. – В.Т.)¹².

А что же в иной перспективе? В. Сурков исходит из того, что мы «можем и обязаны стать белыми воротничками в мировом разделении труда». Но для этого мало желания. Нужен принципиально новый подход к интеллекту, который является, по его глубокому убеждению, самым ценным природным ресурсом нации. И он предлагает целую программу превращения России в страну «белых воротничков».

Возможность российской культуры сыграть решающую роль в создании достойного будущего России напрямую коррелируется В. Сурковым с необходимостью отхода от стратегии консолидации и централизации власти, во многом исчерпавшей себя с решением задачи сохранения суверенного государства и его разворота от олигархии к демократии. Он убежден, что уже сегодня и тем более завтра усиление роли государства оправдано только в том случае и настолько, насколько оно может служить переходу России на новый уровень цивилизации, насколько она может претендовать на достойное место в мировом разделении труда, на ведущую роль в глобальной иерархии¹³.

В. Сурков отдает себе отчет в том, насколько сложна эта работа по созданию новой инновационной России, ибо в стране «избыток денег и бюрократии сочетается с дефицитом сложности и творческой недостаточностью». К тому же здесь доминируют «примитивные структуры и линейные методы управления»¹⁴.

Не случайно для него принципиально важным становится необходимость, учась «расчетливости и соразмерности действий, не теряя смелости

мысли», придать совершенно иное толкование путинской парадигме о повышении эффективности использования природных ресурсов. «Самый ценный природный ресурс нации – интеллект», – вот его кредо. «Надо заниматься тем, – продолжает он, – что у людей в головах, что дороже нефти, газа и леса-кругляка». Именно поэтому для В. Суркова непреложно и архиважно, чтобы «культура, наука, образование» были «признаны ведущей производительной силой; умные, здоровые, свободные люди» должны быть признаны «главным достоянием страны».

Но простое признание интеллекта ведущей производительной силой еще не решает проблемы инновационного обновления страны. Необходимо, по глубокому убеждению В. Суркова, радикально изменить содержание политического курса так, «чтобы правящее большинство (большинство – по реальным возможностям определять стратегию развития. – В.Т.) в собственных интересах способствовало росту влияния и активности *передового меньшинства*».

Под этим **передовым** меньшинством В. Сурков имеет в виду огромную массу талантливых и активных «прото белых воротничков»: «предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусств, управляющих, нового поколения политиков, т.е. **творческого сословия страны**»¹⁵ (выделено нами. – В.Т.).

Очевидно, что в рамках дихотомии «*правлящее большинство*» – «*передовое меньшинство*» предполагалось, по мысли В. Суркова, что не только существенно сжималась бы функциональная роль государства, создававшего благоприятные возможности для созидательных усилий формирующегося среднего класса, но и он, в свою очередь, превращался бы в реального и активного инноватора российского общества.

Особое значение придавал В. Сурков преодолению отрыва научных исследований от их практического воплощения, структурной перестройке всего научного дела. Революционно звучала мысль о недостаточности простого увеличения финансирования культуры и науки. Необходимо создавать творческие коллективы под решение и реализацию конкретных научно-практических задач и увеличение их финансирования, что, по сути своей, означало бы радикальную перестройку всех наукообразующих структур: от Академии наук до университета. Только в этом случае, по убеждению В. Суркова, Россия могла стать «привлекательной для новаторов, рентабельной для научной работы»¹⁶, и это вывело бы российскую науку на мировые рубежи.

Не менее значимой и актуальной виделась В. Суркову задача необходимости выстраивания стабильных связей России с ведущими экономиками мира по сотрудничеству в инновационной сфере. Хотя, и это очевидно для В. Суркова, за работу иностранных специалистов на предприятиях, иностранных ученых и преподавателей в структурах

образования, за промышленную составляющую в интеллектуальной сфере нужно платить.

Тем не менее односторонних уступок со стороны России в международных делах быть не должно: допуск на российский рынок иностранных корпораций должен в обязательном порядке сопровождаться передачей нашей стране новейших технологических разработок¹⁷.

Все это вместе взятое должно не просто модернизировать Россию. «Нам не нужна модернизация ... нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы», – заключает Владислав Сурков¹⁸.

Весь комплекс концептуальных построений Владислава Суркова был призван не уточнить, не подправить путинскую модель преобразования России. Его интерес лежит в другой плоскости: заполучить для России не Путина-реформатора, но Путина-инноватора для созидания в ней этой новой цивилизационной парадигмы. В своем устремлении В. Сурков оказался солидарным с той частью политического спектра на Западе, который видел в России процесс возникновения среднего класса, конкурентоспособных частных предприятий и постепенного формирования нового поколения молодых образованных россиян¹⁹.

Каков же сценарий стратегии развития России предпочел выбрать Владимир Путин, оставивший свой пост президента России, но сделавший все для сохранения своей роли лидера страны? Выступая на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г., он говорил: «Единственной реальной альтернативой такому ходу событий²⁰ является стратегия *инновационного развития страны*, направленная на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на **реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом**» (выделено нами. – В.Т.).

Для В. Путина важно было подчеркнуть отсутствие в современной России альтернативы инновационного развития. «Какой может быть выбор, – продолжил он, – между шансом на достижение лидерских позиций в экономике и социальном развитии, в обеспечении безопасности страны и утратой позиций в экономике, в сфере безопасности, а в конечном итоге, и потерей суверенитета»²¹.

Как видится В. Путину этот переход к инновационному развитию России? И что это такое «инновационный путь»?

Стратегия перехода на инновационный путь развития, подчеркивает В. Путин, связана «прежде всего с **масштабными инвестициями в человеческий капитал. Развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества** (выделено нами. – В.Т.). Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет».

Конкретизируя эту стратегию, В. Путин указывает, что «будущее России, ее успехи зависят от образования и здоровья людей, от их стремления к самосовершенствованию и использованию своих навыков и талантов. От **мотивации** к инновационному поведению граждан и **от отдачи** (выделено нами. – В.Т.), которую приносит труд каждого человека, будет зависеть будущее России»²².

В этой связи принципиально важно уяснить, что «человеческий капитал», по В. Путину, это высокий уровень образованности и здоровья людей, открывающий огромные возможности для роста мотивации к инновационному поведению граждан России. Значимой является и необходимость максимальной отдачи высококвалифицированного и физически крепкого человека труда. И, наконец, пролагающие путь к инновационному развитию России «масштабные инвестиции в человеческий капитал» (т.е. образованность и здоровье людей) это не столько огромные по масштабам капиталовложения государства в создание институциональных структур в области образования и здравоохранения, сколько акцент на значимость образованности и здоровья человека для обеспечения «прогресса современного общества».

Иными словами, вместо интенсивного использования природно-сырьевого ресурса России новая стратегия как цель предлагает стимулирование столь же интенсивного задействования образованности²³, здоровья, навыков и талантов людей. И будущее России как раз и должна обеспечить сверхвысокая **отдача** здоровья и интеллектуального потенциала человека.

В. Путин не скрывает и истинных целей такой отдачи, когда жестко связывает возможности обеспечения инновационного развития России с опорой на одно из главных ее преимуществ – «на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом»²⁴.

В этой парадигме как-то не нашлось места сверхзадаче создания качественно иного, высокого уровня жизни простого человека и комфортности ее (как доминирующей и все остальное себе подчинившей) за счет постоянного совершенствования технологий, экономических результатов и других составляющих. Как будто продолжают властвовать доктринальные установки советского квазисоциализма на преимущественное развитие производительности труда, роста его технологической вооруженности, увеличение мощи и обороноспособности страны ради этой мощи и потенциала.

Видимо, понимая уязвимость с этой точки зрения своей концепции, В. Путин обещает: «Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной. И, уверен, что мы сможем сделать это, не жертвуя настоящим ради так называемого

светлого будущего, а, напротив, день за днем улучшая благополучие людей»²⁵.

Реализация задачи превращения России уже сегодня в самую привлекательную для жизни страну, улучшающую день за днем благополучие людей, мыслится за счет выполнения целого ряда мер. Среди них – техническое перевооружение и организационное улучшение медицинской помощи, поощрение стремления людей самим поддерживать свое здоровье, создавая условия для граждан самостоятельно решать свои жизненные проблемы, поощрение спроса людей на качественные образовательные услуги, обеспечение новых возможностей для карьерного роста, значительного повышения социального и материального статуса человека в течение всей его жизни, максимальное освобождение от налогов расходов компаний и граждан на образование и медицинское страхование и т.д.²⁶

Совершенно очевидно, что возможность интенсивнее использовать человеческий капитал в России ассоциируется В. Путиным с созданием такого общества, в котором гражданин **сам** решает свои жизненно важные задачи в укреплении **своего** здоровья, в получении качественного образования, строительстве собственного жилья и в итоге повышения своего социального и материального статуса. Государству же отводится скромная роль формирования четкой идеологии развития, создания равных возможностей для людей, формирования мотивации к инновационному поведению, поощрение людей беречь свое здоровье, получать современное образование. Но В. Путин озабочен тем, что государство, в чиновничьем аппарате которого занято около 25 млн человек (это более 1/3 всех занятых в России), не в состоянии реализовать такую стратегию. Предельная коррумпированность чиновничества России, приобретшая системный характер, побудила нового Президента России Д. Медведева предпринять шаги по системному ей ответу²⁷.

Не случайно в проекте Концепции долгосрочного развития России до 2020 г., подготовленном Минэкономразвития, расходы государства на здравоохранение и образование вплоть до 2018 г. в процентах от ВВП фактически не увеличиваются²⁸. Это имеет мало общего именно со «стимулированием человеческого капитала», с помощью которого предполагается обустроить «инновационную» страну.

При ближайшем рассмотрении эта философия В. Путина по строительству инновационной модели в России очень четко укладывается в классическую либеральную модель преобразования общества, когда личность выступает демиургом своего собственного благополучия, а государство выполняет специфическую функцию «ночного сторожа». Но, как известно, модель классического либерализма как инструмента общественного преобразования уже давно не работает в масштабах мирового пространства. Ей на смену уже давно

пришли и либеральный социализм, и либеральный консерватизм. Первый из них, расширяя и активизируя социальную роль государства, колоссально много сделал для реализации «социалистических» принципов и начал в передовых странах капиталистической миросистемы. Россия же с 90-х гг. усилиями команды Е. Гайдара – А. Чубайса – В. Черномырдина – Б. Ельцина и их преемников с настойчивостью, достойной лучшего применения, утверждает в России принципы и сущность классического либерализма, в котором гражданину предписывается самому заботиться о своей жизни.

Это со всей очевидностью прозвучало в программном выступлении первого вице-премьера, кандидата в Президенты России Дмитрия Медведева на 5-м Красноярском экономическом форуме в феврале 2008 года. Он заявил, что в основе политики в России должен лежать принцип: «свобода лучше, чем несвобода». Причем речь идет «о свободе во всех ее проявлениях: о личной свободе, об экономической свободе, наконец, о свободе самовыражения» при верховенстве закона²⁹. Это самый настоящий Гимн всеобъемлющей свободе в либеральном ее проявлении.

Экономическая программа Д. Медведева базировалась на развитии четырех «И»: институтов, инфраструктуры, инноваций и инвестиций, к которым он добавил, выступая на Санкт-Петербургском экономическом форуме в начале июня 2008 г., пятый элемент: интеллект³⁰.

В целом это была либеральная экономическая программа, главными составляющими которой были: сокращение роли государства в экономике, снижение налоговой нагрузки на бизнес и прежде всего на нефтяной; совершенствование законодательства, с тем, чтобы оно стало «адекватным состоянию российского общества»; и доведение институтов рыночной экономики и инфраструктуры до уровня, при котором станет возможна самореализация миллионов россиян³¹.

Чтобы заработал механизм «инноваций» и «интеллекта» необходимо, по глубокому убеждению Д. Медведева, дать самый настоящий бой коррупции, качественно улучшить управление контролирующихся государством компаний, предоставить реальные шансы для развития малого предпринимательства, гарантировать деятельность крупных публичных и международных корпораций и в целом проводить политику уважения к частной собственности, что должно стать «одной из основ проводимой государством политики», нужно запустить инструменты рефинансирования банковской системы, ее поддержки на случай возникновения кризисных ситуаций, а также задействовать средства Фонда национального благосостояния и пенсионные накопления³².

Основами социальной политики провозглашалось создание «прежде всего равных возможностей для людей», без чего лозунги об инновациях и важности экономических преобразований «просто

бессмысленны». Причем главным объектом современной политики социального развития должен стать каждый гражданин, его семья, что в итоге должно было создать «широкие возможности для самореализации людей»³³.

С этой точки зрения, по мысли Д. Медведева, в школе будущего должна быть создана обстановка, в которой ребенок радовался бы встрече с учителем, чтобы он приучался думать, был физически здоровым, а не хроником. Но самое главное, что определяло бы функциональную роль ученика в школе, – чтобы он «для школы был не дополнительной обузой, а **источником ее финансового благополучия, материального достатка ее работников** (выделено нами. – В.Т.). Чтобы в результате выпускники педагогических вузов конкурировали за места в школах. Чтобы школы имели возможность иметь не один компьютер на 20 учеников, а ... чтобы каждое ученическое место имело свой вход в электронные сети»³⁴. Иными словами, идеальный образовательный процесс обеспечивался бы в значительной степени финансовыми возможностями родителей учащихся.

Д. Медведев формулировал и принципиально новые требования к высшей школе. Главное из них – высокие результаты обучения, которые позволяли бы молодым специалистам быть «самостоятельными носителями новых знаний и технологий» и быть на производстве «на шаг вперед своих коллег». Для достижения этой главной цели совершенно недостаточно иметь определенное количество докторов и кандидатов наук, аудиторий и квадратных метров площадей. Нужно обеспечить высокие рейтинги самих университетов, в которых преподавали бы профессора, утвердившие себя достойными членами мирового научного и университетского сообщества.

Должны быть созданы школы будущего, новые техникумы и университеты с современными студенческими городками, с широкой научной, экономической и академической самостоятельностью. Но кто и как создавал бы эти школы и университеты будущего? Д. Медведев как истинный либерал решает эту проблему на удивление однозначно и просто: необходимо, чтобы школы и университеты «сами находили инвесторов, формировали целевые капиталы для своего устойчивого развития» (подчеркнуто нами. – В.Т.).

Однако уже в выступлении на Санкт-Петербургском экономическом форуме президент Д. Медведев несколько корректирует смысл образовательной политики, считая, что «и правительству, и бизнесу должно быть выгодно участвовать в развитии систем непрерывного образования, в создании и модернизации транспортной инфраструктуры, обеспечивающих мобильность людей и мотивирующих к инновационному поведению»³⁵.

Еще более четко сформулировал идею «включенности» государства в подготовку спе-

циалистов новой формации первый вице-премьер правительства РФ Игорь Шувалов. Среди проблем внутренней экономической жизни он в своем выступлении на том же Санкт-Петербургском форуме особое внимание уделил проблеме «отстающих навыков», т.е. кадрам и образованию. Он пояснил: «Сейчас на мировом рынке идет борьба за кадры. Люди становятся главным стратегическим ресурсом. Отстающие навыки – это главный вопрос для развития всей экономики. <...> Однако текущее состояние не соответствует новым задачам»³⁶. Это могло означать, что на образование в России государство выделит больше денег, и что оно будет стимулировать подготовку специалистов за границей, гарантируя, что расходы частных компаний на образование будут освобождаться от налогов³⁷.

В качестве первого шага в этом направлении правительство В. Путина решило оказывать финансовую поддержку более чем по двум с половиной тысячам проектов молодых ученых в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Все гранты будут выдавать и коллективам молодых ученых на конкурсной основе и главный критерий получения грантов – качество научных исследований. Общий объем финансирования программы в течение 5 лет составит около 90 млрд рублей, из которых 80 млрд рублей составят средства из федерального бюджета.

На привлечение молодежи в науку будет работать и создание федеральных университетов. Они будут отличаться от традиционных университетов особой моделью управления и системой финансирования. При них будет создаваться сеть технопарков и венчурных производств. На развитие каждого федерального университета в течение 5 лет должны быть выделены средства из бюджета в размере 15 млрд рублей³⁸.

В целом развитие инвестиционного общества в России, как мыслилось его идеологам, наряду с существенным экономическим ростом страны, не только ликвидирует кричащие противоречия между богатством и бедностью, но и приведет к 2020 г. к появлению совершенно новой страты – среднего класса, который, составляя 60–70%, должен стать главным доминатором создания новой России.

Однако стартовые возможности сегодняшней России внушают серьезные опасения относительно возможности столь глубоких и динамичных сдвигов в российском обществе.

Очевидно, что уже за минувшие 8 лет Россия продвинулась далеко вперед. Рост ВВП составил 8,1%³⁹, золотовалютные резервы достигли 567 200 млн долларов США⁴⁰, стабфонд превысил 160 млрд долларов США⁴¹. Иностранные инвестиции в экономику России выросли в 7 раз и приблизились к 220 млрд долларов⁴². При этом Россия пробивает себе дорогу в ли-

деру в списке самых привлекательных для инвестиций стран. В 2008 г. Россия «откусывает» от мирового пирога инвестиций 1/10 часть. Но уже в 2009 г. ее доля будет 12%, и она займет пятое место в «табели привлекательности» и по объему инвестиций. А к 2014 г. на долю России будет приходиться почти 1/5 часть мирового иностранного капитала⁴³. Невероятно быстрыми темпами росли позиции и российского крупного капитала. За 2007 г., по данным «Финанса», общее число долларовых миллиардеров в России увеличилось с 61 до 101. Это позволило России по этому показателю выйти на второе место в мире после США. В последний рейтинг российских миллиардеров попало 500 человек, общее состояние которых оценивается в 715,3 млрд долларов США. Совокупное состояние первой десятки рейтинга составило около 221 млрд долларов США⁴⁴.

К концу 2008 г. Россия, по прогнозам, станет шестой по размеру экономикой в мире⁴⁵. В этом определенную роль мог бы сыграть стабилизационный фонд, который в январе 2008 г. был разделен на Резервный фонд (27 млрд долл.) и Фонд национального благосостояния (\$32 млрд долл.). Но правительство РФ приняло решение вложить деньги Фонда национального благосостояния и часть средств Резервного фонда в экономику других стран, в частности, в ипотечные компании Fannie Mac и Freddie Mac США, которые контролировали около 40% рынка ипотечного кредитования жилищного сектора. Оба эти агентства оказались в центре жесточайшего кризиса на рынке ипотечных ценных бумаг, разразившегося в США в 2007 г. Одновременно средства российских госфондов планируется вложить в корпорации и банки, кредитующие жилищное строительство США. Причем это не покупка по дешевке акций, но вложение в долговые обязательства облигаций.

В итоге из средств двух наших фондов оплачиваются долги бедных американцев, набравших ипотечных кредитов и не способных по ним расплачиваться⁴⁶.

Политика российского правительства в отношении фондов является частью экономического прицела России на мировое лидерство, в том числе на превращение страны в один из мировых финансовых центров.

И это, несмотря на то что, как отмечал Д. Медведев, «у нас страна с огромным количеством проблем, с небогатым населением»⁴⁷. Тем не менее на Санкт-Петербургском экономическом форуме президент формулирует две приоритетные задачи страны: «превращение Москвы в мощный мировой финансовый центр, а рубля – в одну из ведущих региональных резервных валют» и «более активная интеграция России в мировой рынок капиталов»⁴⁸.

В то же время как иностранные, так и отечественные супербогачи, продолжая увеличивать

состояние на российском сырье, все более перемещают свои интересы в строительство, торговлю, финансовый сектор, но не в обрабатывающий сегмент, не в производство товаров, не в высокие технологии⁴⁹. Интересы возрождения наукоемкой экономики и создания инновационного общества для них не стали актуально значимыми. И это не случайно. Экономические стратеги России по-прежнему преследуют цель превращения страны в настоящую «энергетическую сверхдержаву» при одновременном желании все-таки избавиться, как заявил Игорь Шувалов, от «ресурсного проклятия», когда обилие энергоресурсов мешает развитию других секторов экономики⁵⁰.

В этой связи весьма симптоматична позиция научного руководителя Высшей школы экономики Е. Ясина, активно выступающего против вливания государственных средств в модернизацию российской экономики, ибо это, по его мнению, еще более взвинтит инфляцию⁵¹. А Алексей Кудрин, выступая на форуме в Давосе, пенял стратегам западных стран, что они не особенно стремятся спасти пикирующую западную экономику за счет широкомасштабного привлечения пухнувших от избытка экспортных доходов государственных фондов таких стран, как Россия⁵².

Безответственная политика крупнейших как частных, так и государственных компаний привносит явный диссонанс в процесс превращения России в финансовую Мекку. Их долг кредиторам близок к 400 млрд долл., что сопоставимо с золотовалютными резервами России и намного превышает активы бывшего стабилизационного фонда⁵³.

По сути дела в России нет научно обоснованной государственной программы развития инновационной экономики. Академия наук России не предложила стране даже подобие такой программы. В ответ на вопрос, готова ли наука выполнить масштабные задачи инновационного плана, вице-президент РАН академик Геннадий Месяц ответил вполне в советском духе: «Если власть поставит перед наукой большие задачи и профинансирует работу, то не сомневаюсь, мы их выполним»⁵⁴.

Не случайно, замглавы Минфина Дмитрий Панкин прямо заявил на экономическом форуме в Лондоне, что Минфин сомневается в целесообразности использования средств Фонда национального благосостояния внутри России. И причина одна: «Нет готовых проектов»⁵⁵.

Само правительство мучительно изобретает составляющие этой инновационной экономики. Появились проекты в области нанотехнологий, интенсификации сельскохозяйственного производства, модернизации текстильной промышленности, в области биотехнологий, развития транспортной инфраструктуры страны... Но комплексной программы с определением ведущих направлений, способных привести в конечном счете к построению инновационного общества,

нет. Поэтому очень трудно изменить ситуацию, в которой доля России в мировом сегменте высоких технологий составляет сегодня всего лишь 0,5%. Даже удельный вес отечественных гражданских машин и оборудования в общем мировом экспорте не превышает 0,3%⁵⁶.

В условиях галопирующей инфляции, не сокращающегося разрыва доходов верхнего и нижнего сегмента общества доминирование слоя «протосреднего класса» делает весьма проблематичным решение задачи создать в 2020 г. в России общество, в котором «средний класс» составлял бы 60–70% населения.

По оценкам, в 2006 г. 26,5% населения России имели доход свыше 12 000 рублей в месяц. То есть, чуть более 1/4 населения страны, условно относимая экспертами к группе выбравшихся за пределы бедности, имела доход, равный сумме пособия, выплачиваемого в США. А в целом приблизительно 2/3 населения России имели доход, несколько превышавший 200 долл. США, что составляло около 40% от суммы пособия в США. Если же принять во внимание, что в США граница бедности проходит на уровне 800 долл. (около 20 тыс. рублей в месяц), то социум, который должен превратиться в средний класс России, занимает позиции маргинального сегмента нашего общества. Этому «протосреднему классу» России очень трудно инкорпорировать себя в ряды среднего класса мирового уровня. Это видно хотя бы из того, что нижний предел доходов принадлежности к среднему классу составляет в США 3160 долл., в Германии – 2000, Бельгии – 1150, Греции – 750 евро⁵⁷.

Если же учесть, что нынешний средний класс – это чиновники и разных мастей силовики, то эта «опора государства» – вне экономики, ибо этот бизнес создается при посредстве административного ресурса. Он основан не на росте экономики, а на ее постоянном переделе. Госбизнесмен передает своему сыну не бизнес, а должность⁵⁸. Не может и сверхбогатый капитал, наднациональный по природе, быть важнейшей составляющей сложения инновационного общества. К тому же, он душит, уничтожает мелкого производителя, собственника, который и мог бы стать базовым элементом новой России. Добавим к этому разгул коррупции, невозможность защитить свои интересы – все это объясняет, почему нарождающийся средний класс мечтает обосноваться за границей⁵⁹.

Не просто в нынешней России и чисто физически обусловить рост производительности труда. Вымирают не только старики, пенсионеры. В сегодняшних экономических условиях выбиваются из активной армии труда вполне трудоспособное население, особенно мужская его часть. Если продолжительность жизни в США составляет 80 лет для женщин и 75 для мужчин, в Швеции, Швейцарии, Норвегии, Дании – 83 и 78 лет, то российский мужчина в среднем живет 58,7 лет, а женщина – 71 год. Ежегодно в ближайшие

15 лет Россия будет терять, по оценкам экспертов Всемирного банка, по миллиону человек в год трудоспособного населения⁶⁰.

Думается, в этой связи, что нельзя не отдать должное экспертной оценке сопредседателя Совета по национальной стратегии Иосифа Дискина, считающего, что нынешнее правительство России – это правительство стабилизации, но не модернизации. И проблема инвестиционного развития страны решаема, она «по силам российскому народу, но еще ... не вполне по силам руководству»⁶¹.

Примечания

- 1 Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24.
- 2 Там же.
- 3 Там же. Раздел IV.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 См. *Путин В.* Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной // Известия. 2008. 11 февр.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 *Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии. (Репринт текста выступления заместителя главы администрации Президента РФ Владислава Суркова, состоявшегося 8 июня 2007 г. в здании Президиума РАН, опубликованное «Русским журналом»).
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 См. подробнее: *Сэр Родерик Лайн.* Россия и Запад: конфронтация неизбежна? // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 6. С. 16.
- 20 В. Путин имел в виду энергосырьевой сценарий развития России.
- 21 *Путин В.* Россия должна стать самой привлекательной для жизни страной...
- 22 Там же.
- 23 Для В. Путина очень важно, чтобы образовательная система России вобрала «в себя самые современные знания и технологии...», отвечающие требованиям современной инновационной экономики». Одновременно актуализируется важность капиталовложений в науку, считая главным агентом таких инвестиций частный бизнес при стимулирующей роли государства. Государство же должно вкладывать средства «в фундаментальные

и прорывные направления, прежде всего в тех сферах, от которых зависит безопасность страны и здоровье человека» (*Путин В.* Указ. соч.).

- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 См. подробнее: Четыре удара по мздоимству // Известия. 2008. 26 июня.
- 28 См.: Московский комсомолец. 2008. 16 февр.
- 29 См.: Известия. 2008. 15 февр.; 18 февр.
- 30 См.: Известия. 2008. 9 июня.
- 31 См.: Известия. 2008. 15 февр.
- 32 Известия. 2008. 18 февр.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Известия. 2008. 9 июня.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 См.: *Мороченко Ю.* Государство поддержит молодых ученых // Парламентская газета. 2008. 26 июня.
- 39 См.: Парламентская газета. 2008. 3 июля.
- 40 См.: Известия. 2008. 3 июня.
- 41 См.: The New Times. 2008. № 7.
- 42 См.: Парламентская газ. 2008. 3 июля.
- 43 См.: Известия. 2008. 23 июня.
- 44 См.: Известия. 2008. 18 февр.
- 45 См.: Известия. 2008. 9 июня.
- 46 См.: Известия. 2008. 26 февр.
- 47 Известия. 2008. 4 июля.
- 48 Известия. 2008. 9 июня.
- 49 См.: Известия. 2008. 7 марта.
- 50 См.: Известия. 2008. 9 июня.
- 51 См.: *Миронова Ю.* Федор Чайка. Больно дела идут хорошо? // Известия. 2008. 10 янв.
- 52 См.: The New Times. 2008. № 7.
- 53 См.: *Чайка Ф.* Пустите, иначе погибнете // Известия. 2008. 25 янв.
- 54 См.: *Месяц Г.* Надо относиться к науке как к долгоиграющей пластинке // Известия. 2008. 26 мая.
- 55 См.: *Каледина А.* Бизнес и власть поспорили в Лондоне: нужны ли России инвестиции // Известия. 2008. 22 апр.
- 56 См.: *Литовкин Д.* «Ростехнологиям» убавили аппетит // Известия. 2008. 11 июня.
- 57 См.: *Орлов Д.* Возродим «средняка» как класс // Известия. 2008. 30 мая; *Каледина А.* МРОТ вырастет вдвое // Известия. 2008. 16 июня; *Лившиц А.* Бедняки: шаг навстречу // Известия. 2008. 11 июня.
- 58 См.: *Тепляков С.* Проверь экономику на себе // Известия. 2008. 7 июля.
- 59 См.: *Лавров А.* Почему средний класс бежит за границу // Комсомольская правда. 2008. 7 июля.
- 60 См.: *Шишкинова Е.* Женщина будет работать как мужчина // Парламентская газ. 2008. 3 июля.
- 61 Удвоение власти // Известия. 2008. 19 мая.

ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

УДК 63.3 (4Вел)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕПИСКОПАТА В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В.Н. Ерохин

Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
кафедра документоведения и всеобщей истории
E-mail: volodja@intramail.ru

Статья посвящена рассмотрению работ современных британских историков, обращавшихся к изучению экономических аспектов Реформации в Англии. В современной британской историографии Реформация трактуется в первую очередь как явление религиозно-политической истории, что является характерным для консервативного и либерального направлений британской историографии. В то же время во второй половине XX в. в работах некоторых британских историков (в частности, К. Хилла, Ф. Хембри, Ф. Хил) на основе обращения к методологическим подходам социальной истории было показано, что рассмотрение экономических причин и аспектов Реформации дает возможность углубить понимание религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв.

Ключевые слова: современная британская историография, консервативное и либеральное направления, социальная история, Реформация в Англии, экономические аспекты религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв.

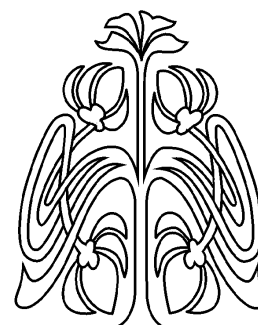
Contemporary British Historiography on the Economic Status of Bishops of the Church of England in 16th – Early 17th Centuries

V.N. Yerokhin

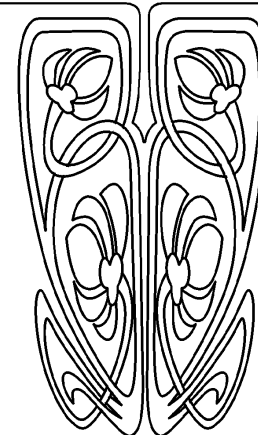
The article deals with the works of contemporary British historians who turned their attention to the economic aspects of the Reformation in England. The contemporary British historiography understands the Reformation primarily as a phenomenon of religious and political history that may be seen in the works of British conservative and liberal historians. At the same time some British historians of the second half of the 20th century (Ch. Hill, Ph. Hembry and F. Heal in particular) relying upon the methodological approaches of the social history showed in their works that the analysis of economic reasons and aspects of the Reformation enables to get more deep understanding of the religious and political history of England in 16th–17th centuries.

Key words: the contemporary British historiography, conservative and liberal historians, the social history, the Reformation in England, the economic aspects, the religious and political history of England in 16th–17th centuries.

Изучение истории Реформации в Англии в британской историографии является одной из важных исследовательских проблем, которые из поколения в поколение не выходят из сферы внимания историков. Представители консервативного и либерального направлений в британской историографии традиционно рассматривали Реформацию как явление религиозно-политической истории и уделяли главное внимание характеристике политических событий, религиозных идей эпохи английской Реформации, не обращая специально к изучению социально-экономического фактора в происхождении и ходе Реформации. В то же время первые попытки экономического подхода к трактовке Реформации в Англии восходят еще к XIX в. Фактически, первым примером исследования Рефор-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

мации с экономической точки зрения стала книга радикального журналиста и политического деятеля в Англии первой трети XIX в. Уильяма Коббетта (1763–1835) «История протестантской Реформации в Англии и Ирландии» (1824–1827) с подзаголовком «показывающая, как Реформация разорила большую часть населения этих стран». Первые попытки социально-экономической трактовки истории религиозной Реформации в Англии, таким образом, демонстрировали стремление использовать этот исторический материал для радикальной по содержанию политической пропаганды.

Британские историки глубоко изучили организационную структуру церкви Англии в XVI–XVII вв. Ко времени начала Реформации в 1534 г. в церкви Англии в Кентерберийской (18 английских епархий и 4 епархии в Уэльсе) и Йоркской (епархии Йорк, Дарем и Карлайл) церковных провинциях на территории Англии и Уэльса насчитывалось примерно 9,5 тыс. приходских церквей. В начале же XVII в. в церкви Англии было 27 епархий. Священников из белого духовенства было примерно 40 тыс. человек. Накануне Реформации в Англии и Уэльсе было 840 монастырей, средний годовой доход которых составлял примерно 200 фунтов, а в наиболее богатых монастырях превышал 1,5 тыс. фунтов чистого дохода. Все духовные лица в стране (белое духовенство и монашество) составляли примерно 60 тыс. человек – около 1/40 части населения. Священники-мужчины, служившие в приходах и часовнях, составляли примерно 50 тыс. человек – это было 4% мужчин в стране¹.

К середине XX в. в британской историографии стала превращаться в заметное явление социальная история, испытывавшая значительное влияние марксистской методологии исторического исследования. Крупнейшим историком, исповедовавшим методологические подходы социальной истории в изучении Реформации в Англии, в современной британской историографии с 1950-х гг. стал Кристофер Хилл (1912–2003), создавший ряд важных работ².

Крупнейшая из работ К. Хилла, в которой рассматривались вопросы истории Реформации в целом с экономической точки зрения – «Экономические проблемы церкви. От архиепископа Уитгифта до Долгого парламента» (1956)³. В этой работе К. Хилл предложил экономическую трактовку Реформации в Англии. Реформация Генриха VIII, как писал К. Хилл, довела до бедности церковь и ослабила ее в политическом отношении. При диссолюции монастырей в 1536–1539 гг. в распоряжение короны перешли земли, приносящие чистый годовой доход в размере более 136 тыс. фунтов, а также слитки золота и серебра, посуда, ценности стоимостью до 1,5 млн фунтов. К. Хилл обращал внимание на факты по этому вопросу, собранные у А.Н. Савина⁴. Размеры доходов монастырей в его работе, как считал К. Хилл, видимо, даже недооценены. Значение диссолюции

монастырей становится понятнее, если иметь в виду, что до 1542 г. королевские доходы от земли никогда не превышали 40 тыс. фунтов в год⁵. С потерей монастырской собственности церковь потеряла право представлять священника в приход примерно в 40% приходов. До диссолюции монастырей в палату лордов парламента входили аббаты, и духовные лица имели в верхней палате английского парламента абсолютное большинство, а в результате разрыва с Римом епископы стали более зависимы от короны. В результате Реформации ослабли политические возможности и уважение к церкви: народ узнал, что церковная собственность, оказывается, не является священной – традиционные церковные институты могут исчезнуть, а мир при этом стоит, как стоял.

Церковь из-за своей постреформационной зависимости от короны была вынуждена смириться с тем, что монархи на льготных условиях по низкой арендной ставке сдавали землю в аренду придворным, таким способом оплачивая их службу монархии. Сами епископы и соборные капитулы довольно легко предоставляли церковную землю в аренду знати и джентри тех епархий, которыми они управляли, поскольку искали у землевладельцев поддержки в местных делах. Епископы стали взимать большие вступительные файлы, которые обогащали их лично⁶. В целом можно утверждать, что церковные земли сдавались в аренду по заниженной цене⁷.

К. Хилл разбирал свидетельства современников о размерах дохода епископов, предполагавших в 1600–1620-х гг., что 26 епископов (не считая архиепископа Кентерберийского и доходы его епархии) вместе получают доход примерно 23–26 тыс. фунтов в год, исключая доходы за те должности, которые епископы держали по совместительству⁸. Но в результате продажи земель епископов в ходе Английской революции после 1646 г. было выручено, по крайней мере, 676 387 фунтов, что в три раза превосходило сумму ренты с земель епископов. Доходы с земель соборных капитулов оценивали в 4 500 фунтов в год, а продали эти земли после 1649 г., по крайней мере, за 455 621 фунт. Это могло быть или свидетельством недооценки данных земель современниками, или же земли соборных капитулов сдавались в аренду по еще более заниженным ценам, чем земли епископов. К тому же эти земли предлагались к продаже по более высокой цене, но на переполненном предложениями земельном рынке были проданы по более низкой⁹.

При экономических трудностях, отмечал К. Хилл, епископы продавали лес. Церковными землями управляли и получали доходы арендаторы, и никто теперь на этих землях не помогал бедным, не оказывал гостеприимства, не ремонтировал дороги и мосты. Действующим лицом в сельской местности становился тот, кто непосредственно организовывал процесс производства – йомен, арендатор, фабрикант-суконщик¹⁰. К. Хилл считал,

что ограбление церкви в Англии в результате Реформации привело к тому, что в стране не происходил заметный рост налогообложения. Но недостаточность денежного содержания священников часто отвращала способных людей от церковной службы, что стало серьезной проблемой¹¹.

Падение роли и авторитета церкви ощущали современники, писавшие о грабеже церкви и о том, что у нее еще есть средства, завладеть которыми и пытаются ненасытные собственники. Средствами грабежа были долговременные аренды, обмен землей, прямой захват церковного имущества, занятие административных должностей в церкви. По акту 1559 г. епископам запрещалось сдавать епархиальные земли в аренду более чем на три жизни, или 21 год, или за меньший, чем обычно, размер ренты, но это не касалось арендных договоров с короной¹².

Акт 1559 г. об установлении единообразия в церковной сфере также определял права короны на имущество епархии в то время, когда она была вакантной, и разрешал обмен землями между короной и вакантными епархиями, предполагая при этом передачу епархиям принадлежавших короне прав на взимание десятины. Английский церковный историк начала XVIII в. Джон Страйп называл этот акт «актом о грабеже церкви»¹³. При Елизавете, бывало, подолгу держали вакантными епархии, и в эти годы доходы епархий шли короне. Большинство назначенных в постреформационный период по воле короны епископов были готовы пожертвовать частью своих доходов ради того, чтобы добраться до пользования имуществом епархии¹⁴.

Нелюбовь Елизаветы к женатым епископам К. Хилл тоже объяснял экономическими причинами: имевшие семьи епископы старались содержать их на церковные средства, которые королева хотела бы использовать для своих собственных фаворитов. Но не все епископы, как отмечает К. Хилл, были лишь жертвами давления, и некоторые активно пользовались своим положением, держали по совместительству бенефиции, сдавали в аренду на долгие сроки епархиальные маноры своим родственникам, брали большие файны при сдаче земли в аренду, поскольку с файнов не взымались «первые плоды» и субсидии, которыми облагалось духовенство, пытались извлекать выгоды из эксплуатации месторождений полезных ископаемых в тех епархиях, где они были обнаружены¹⁵.

Получение взамен церковного имущества от короны церковью прав на взимание десятины в приходах не компенсировало материальных потерь. К тому же десятины бывало трудно собирать, поскольку можно было оказаться втянутым в утомительную судебную тяжбу, так что ренты бывало проще сдать фермерам, но за невысокую ренту. Деканы и соборные капитулы, бывало, освобождались от уплаты короне «первых плодов» или десятин, но это делалось в обмен на отчуждение ими земли и наносило ущерб имуществу епархии. Приходы многих священников росли в цене

вместе с ростом цен, а у епископов эти процессы отставали, так что доходность некоторых епархий даже упала ниже уровня времени Генриха VIII, и это делало епископов более зависимыми от короны. К. Хилл детально прослеживает доходы многих епархий, по которым видно, что епископам после уплаты всех платежей (десятины, субсидий по просьбе короны, хозяйственных расходов) оставалось от 200 до 400 фунтов, а некоторым, по их утверждениям, менее 100 фунтов¹⁶.

Современники считали, что духовенство в период Реформации было принижено государственной властью намеренно: по словам архиепископа Кентерберийского Уитгифта, светские лица хотели превратить духовных лиц в нищих, чтобы они оказались в полной зависимости, поскольку до Реформации епископы занимали место среди знати. Среди епископов при Елизавете по социальному происхождению были сыновья торговцев, ткачей, портных, йоменов, мелких джентльменов. Но претенциозность епископов в постреформационный период не уменьшалась – архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1583–1604), например, считал себя вторым человеком в государстве¹⁷.

К концу правления Елизаветы у властей стало приходить понимание того, что если прежними темпами будет продолжаться грабеж церкви, скоро в епархиях не останется средств для того, чтобы поддерживать их существование, так что при Якове I в 1604 г. был принят акт, запрещавший архиепископам и епископам отчуждать земли епархий даже в пользу короны¹⁸.

Как писал К. Хилл, можно утверждать, что совокупный реальный доход всех духовных лиц в Англии в течение столетия после Реформации как минимум не увеличился, в то время как национальный доход в Англии этого времени заметно возрос. Духовные же лица не получали и 10% от национального дохода, особенно в больших городах и районах товарного сельского хозяйства¹⁹. К. Хилл делал на основе этого вывод, что в Англии в это время землевладельцы контролировали и эксплуатировали церковь²⁰.

К. Хилл отмечал, что духовенство платило налогов в процентном соотношении к общей численности населения страны больше, чем светские лица. До революции середины XVII в. одно духовное лицо приходилось примерно на 500 человек, и при этом духовенство, составлявшее 0,2% населения, платило более 25% прямых налогов в государстве. В результате Реформации доходы духовенства уменьшились примерно на 50%. Но при этом налогообложение не распространялось на штрафы, налагавшиеся церковными судами, так что высшее духовенство, считал К. Хилл, заметно недоплачивало налоги в соответствии со своими доходами, но поступления от штрафов были нерегулярны. Архиепископы также имели право требовать с духовных лиц взнос при вступлении в долж-

ность в их церковной провинции в размере 10% от годового дохода данного лица²¹.

Современники утверждали, что накануне открытия заседаний Долгого парламента епископы, предвидя нависшую над церковью угрозу, пытались начать заключать сделки по отчуждению церковного имущества, как это делали аббаты накануне диссольюции монастырей в середине 1530-х гг., и в 1641 г. светские лица получили много выгодных аренд²².

К. Хилл проделал огромную работу и предпринял впечатляющий синтез фактов в изучении экономических процессов, происходивших в ходе английской Реформации. Влияние работы К. Хилла «Экономические проблемы церкви» (1956) на последующее изучение истории религиозной Реформации в Англии состояло в том, что после ее появления понимание религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв. без учета экономических причин и аспектов Реформации уже не могло быть удовлетворительным. Концепция К. Хилла в понимании религиозной Реформации по своим методологическим подходам фактически является марксистской, но это марксизм без его политико-идеологического эсхатологического компонента, хотя у К. Хилла в работах середины XX в. явственно проявлялась склонность к политической риторике и критике власть имущих на историческом материале XVI–XVII вв.

К настоящему времени в изучении экономического положения церкви Англии реформационного периода проделана значительная работа, которая позволила углубить представления об отдельных вопросах, и эти исследования в немалой степени стимулировала работа К. Хилла²³.

Характерной чертой развития британской историографии во второй половине XX в. стало активное развитие региональных и локальных исследований, что проявилось также в изучении экономического положения церкви на примере конкретных епархий. Содержательную работу на региональном материале «Епископы Бата и Уэллза, 1540–1640. Социальные и экономические проблемы» (1967) опубликовала ученица известного либерального историка С.Т. Биндоффа Филлис Хембри, поднимая документацию из епархиального архива²⁴. Ф. Хембри исследовала имущество и доходы епархии: земли, месторождения свинца, рынки и ярмарки²⁵.

Ф. Хембри рассмотрела деятельность 13 епископов в 1540–1640 гг. и установила, что в постреформационный период епархия Бат и Уэллз теряла свою доходность. По данным предпринятой накануне диссольюции монастырей переписи церковного имущества «Valor Ecclesiasticus» 1535 г., годовые доходы епархии оценивались в 1 899 фунтов. Ко времени правления Елизаветы епархия Бат и Уэллз приносила доход всего в 533 фунта, а крупнейшими по доходам были епархии Кентербери – 3 903 фунта, Йорк – 2 609 фунтов, Винчестер – 2 400 фунтов, Лондон – 1 219 фунтов. Самой бедной была валлийская

епархия Сент-Асаф с годовым доходом в 187 фунтов. Ф. Хембри отмечает, что епископы в епархии Бат и Уэллз пытались поднять доходность своих земель путем более эффективного управления землевладельческими поместьями, но в целом эти усилия, в сущности, даже не компенсировали обесценение денег от инфляции, разворачивавшейся в это время. Епархия Бат и Уэллз пострадала от грабежа ее земельной собственности в результате Реформации едва ли не больше всех других, лишившись только в графстве Сомерсетшир в 1535–1560 гг. 16 маноров, и назначение сюда стало менее привлекательным для карьериста²⁶.

При Елизавете из-за давления на имущество епископа были потеряны в пользу короны более половины земель епархии. Епископы не имели поддержки со стороны королевы как верховной управительницы церкви и, как отмечает Ф. Хембри, по этой причине ожесточились, не хотели идти на сотрудничество с оппонентами²⁷.

Ф. Хембри рассмотрела, как епископы усиливали финансовое давление на арендаторов, повышали фэйны, облагали сборами в свою пользу рынки и ярмарки, увеличивали добычу и производство свинца²⁸, что наносило ущерб популярности и репутации епископов. Поэтому было неудивительным, что имения епископов, короны, роялистов в ходе гражданской войны были конфискованы и выставлены на продажу²⁹.

Значительным исследованием экономической жизни церкви Англии XVI в. в современной британской историографии является работа Ф. Хил «О прелатах и правителях: исследование экономического и социального положения епископата в правление Тюдоров» (1980)³⁰. Как отмечает Ф. Хил, накануне Реформации доходы архиепископа Кентерберийского были на одном уровне с доходами наиболее состоятельных представителей знати. Остальных епископов по социальному рангу сравнивали с герцогами, маркизами и графами, считая епископов лишь чуть ниже по достоинству, чем эти представители знати, но при этом располагая их в социальном статусе выше баронов. Средний годовой доход пэров королевства в 1534 г. составлял 921 фунт, а средний годовой доход епископов в 1535 г. составлял 1 050 фунтов. Только валлийские епископы по доходам напоминали джентри. Средний доход рыцаря в начале правления Генриха VIII составлял 204 фунта в год³¹.

Ф. Хил обратилась к рассмотрению важнейшего опубликованного источника для изучения экономического состояния церкви Англии в начальный период Реформации – переписи Valor Ecclesiasticus³². Сохранились переписи от всех епархий, кроме Йоркской, но для этой епархии в 1536 г. была составлена детальная перепись с оценкой имущества для совершения королевской визитации этого района. На этих материалах в свое время работал А.Н. Савин, исследуя вопросы, связанные с имуществом монастырей³³. Эти источники находятся на хранении в Государственном

архиве Великобритании: PRO E 36/114; SC 11/roll 766. По епархии Эли в Государственном архиве Великобритании материалов нет, но они сохранились в копии в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета Bodl., Tanner MS. 141, fos. 74 ff³⁴.

Ф. Хил удалось выявить на примере документов из епархии Эксетер, что епископы стремились немного преуменьшить свои доходы от некоторых маноров, от непостоянных доходов вроде продажи леса, чтобы уменьшить налогообложение. Ф. Хил на основе изучения Valor Ecclesiasticus составила таблицу годовых доходов в 21 епархии в Англии и Уэльсе, показав спектр доходов от наибольшего по епархии в Винчестерской епархии, составлявший 3 885 фунтов 3 шиллинга 3 3/8 пенса, до годового дохода в 131 фунт 16 шиллингов 3 1/2 пенса в епархии Бангор³⁵.

Согласно подсчетам Ф. Хил, после уплаты всех платежей чистый налогооблагаемый общий доход 21 английской и валлийской епархии (то есть без епархии Содор и Мэн на севере) по Valor Ecclesiasticus составлял 28022 фунта, а доход от духовных служб, включая права ректорства, примерно 3 450 фунтов³⁶.

В Valor Ecclesiasticus были занижены доходы епископов от вырубки лесов и добычи полезных ископаемых. Трудно было оценить в доходах епископов ту прибыль, которую они получали от земли, не сданной в аренду, с которой епископы получали сельскохозяйственную продукцию натурой, а также от файнов лизгольдеров, в недостаточной степени зафиксированных в епархиальной документации (они составляли по размерам 1–2 годовые ренты). Ведение собственного хозяйства не было значительным направлением в деятельности епископов, но они имели скот и выращивали сельскохозяйственные культуры. Значение таких доходов стало возрастать с 1540-х гг. с усилением инфляции. Во второй половине XVI в. епископы начали получать больше доходов в связи с увеличением файнов при аренде³⁷.

В большинстве епархий земельные ренты и доходы от маноров и ферм составляли по крайней мере 85% доходов от имущества. В среднем 8% доходов поступали от лесов, судебных сборов, нерегулярных и случайных платежей. Неучтенные и недооцененные доходы епископов составляли не более 5%, а в малоимущих епархиях еще меньше. Ф. Хил считает, что Valor Ecclesiasticus точнее отражает доходы бедных епархий, поскольку богатые имуществом епархии создавали больше возможностей для использования своего положения епископом с целью увеличения доходов. Случайные нерегулярные по характеру доходы в течение второй половины XVI в. возрастали у всех земельных собственников³⁸.

Наряду с доходами от имущества епархии, важны были также духовные доходы епископа, получаемые им за исполнение должности, состоявшие из дохода от ректорств, принадлежавших епископу, сборов и платежей, выплачивавшихся епископам

для исполнения ими своих служебных обязанностей (сборов во время совершавшихся раз в три года визитаций епархии (procurations и sinodals), доли от платежей за утверждение завещаний, платы за отпущения и утверждения в должности³⁹.

Свои накопленные средства епископы вкладывали в основание колледжей, школ, семейных часовен. Вложения капитала в землю среди епископов были не очень популярны, и только лишь если епископы могли кому-то передать землю по наследству, они стремились покупать маноры, но покупка земли епископами, отмечает Ф. Хил, все же не была редкостью. Большинство епископов предоставляли аренды епархиальной земли и должности в епархиальном управлении родственникам. Ф. Хил утверждает, что самой распространенной формой вложения средств среди епископов была покупка дорогой посуды из драгоценных металлов – этим можно было продемонстрировать состоятельность гостям за столом, в случае необходимости обращать ее в наличность, а также дарить и выделять на благотворительные цели. Среди епископов распространенной формой пополнения своих капиталов было также предоставление ссуд, которые они давали людям самых разных социальных состояний. Эти займы бывали беспроцентными, но предоставлялись также и торговцам на коммерческой основе. Предоставление займов давало епископам влияние в обществе⁴⁰. Различия в доходах между беднейшими и наиболее богатыми епархиями были огромными, но все епископы по статусу входили в верхнюю палату конвокации и заседали в парламенте. Более доходные епархии обычно предоставлялись королевской властью тем, кто оказал какие-то значительные услуги короне⁴¹.

Ф. Хил обращает внимание на то, что в реформационном парламенте уже с 1529 года в борьбе с духовенством сразу появилась экономическая составляющая: духовенству было запрещено брать в аренду фермы и торговать зерном и другой сельскохозяйственной продукцией, которая была выращена духовными лицами не в своем хозяйстве, то есть духовным лицам не давали заниматься перепродажей сельскохозяйственной продукции. В этом проявлялось влияние экономических интересов джентри и других депутатов нижней палаты парламента⁴².

В результате сделок 1540-х гг. епископы при Генрихе VIII потеряли земель на 3 700 фунтов, а компенсировали им земли на 2 850 фунтов, и часто компенсацию давали через несколько лет. Многие епархии во время этих обменов потеряли самые доходные маноры. Предоставленная в виде компенсации земля была обычно сданной в аренду на долгие сроки, и нужно было ждать, чтобы можно было взять вступительный фан или фан за обновление держания, причем эти фаны обычно шли в личное распоряжение епископа⁴³.

Как отмечает Ф. Хил, в правление Эдуарда VI епископат церкви Англии был еще сильнее подчинен

светской власти посредством создания специальных комиссий для контроля за тем, как епископы осуществляют управление епархиями. Радикальный реформатор Джон Хупер высказывал мнение, что епископам вполне можно оставить лишь четверть их состояния по епархиям, а остальное имущество направить на нужды образования, бедным, на военные дела для организации обороны государства. Но до ликвидации епископата дело не дошло, одной из причин чего Ф. Хил считает возможность для правящей группировки и так добиваться своих целей при малолетнем короле, поскольку такое масштабное мероприятие, как экспроприация земель епископов, могло вызвать борьбу за эти земли, которую было бы трудно удержать в рамках⁴⁴.

Режим Нортумберленда взял курс на проведение линии в отношениях с епископами, согласно которой епископов, особенно только что вступавших в должность, убеждали отказаться от части епархиального имущества. Джон Хупер, одновременно бывший епископом Глостерским и Вустерским, лишился даже 2/3 земель в пользу короны. Ф. Хил обращает внимание на то, что Нортумберленд получил от грабежа церкви меньше личных доходов, чем протектор королевства первых лет правления Эдуарда VI Сомерсет, но Нортумберленд поощрял борьбу за церковные маноры в своем окружении, стремясь таким путем укрепить свое влияние. В «Цюрихских письмах» религиозные реформаторы порицали алчность Нортумберленда, который, в свою очередь, обвинял в алчности епископов и духовное сословие⁴⁵. Нортумберленд, как полагает Ф. Хил, был вынужден смириться с грабежом церкви светскими лицами, чтобы таким путем обеспечить себе политическую поддержку в стране, при этом не растратив свои и королевские средства⁴⁶.

Мария Тюдор (1553–1558) после восшествия на престол уменьшила налоговые сборы с духовенства, но королевская власть по-прежнему нуждалась в субсидиях духовенства, а также требовала с духовенства налоговые недоимки. Ф. Хил считает, что попытки Марии Тюдор укрепить церковь, опять сделать ее независимой были обречены на неудачу⁴⁷. Восстановить имущественные права церкви в дореформационном варианте Мария не смогла. Епископы теперь также нуждались в опоре на королевскую власть для поддержания конформизма и единообразия, дисциплины в церкви, и даже в правление Марии не было признаков, что епископы смогут обойтись без поддержки королевской власти⁴⁸.

В 1547 г. годовые доходы епископов составляли примерно 30 000 фунтов, в 1553 г. они упали до 22 500 фунтов в год. В правление Марии годовые доходы возросли примерно до 28 300 фунтов, но это были только денежные доходы, при исчислении которых нужно учитывать инфляцию. В то же время изменялась структура доходов епископов – в 1535–1553 гг. доходы от ректорств, десятин и совершения духовных служб, визитаций

у епископов возросли от 12% до примерно 30% в общих доходах⁴⁹.

До середины правления Эдуарда VI, как считает Ф. Хил, церковные администраторы еще в полной мере не понимали происходившей в стране инфляции, что тоже служит одним из объяснений того, что епископы шли на предоставление долгосрочных аренд. На севере Англии рост цен на землю превратился в постоянную тенденцию только во второй половине XVI в.⁵⁰

Предполагают, что из-за инфляции реальный доход епископов в период 1535–1553 гг. упал на 61%⁵¹. Доля выплат епископов короне поднялась от четверти до трети их годовых доходов, и такая сумма взималась с них несколько лет подряд. В результате Реформации епископов почти перестали использовать на государственных должностях⁵². Как пишет Ф. Хил, в середине XVI в. английский епископат переживал кризисные времена: уменьшались политическое влияние епископов и их духовный авторитет, который оспаривался и королевской властью, и основными социальными группами в обществе. Была поставлена под сомнение даже необходимость существования епископата, а сохранявшееся в распоряжении епископов имущество обесценивалось в результате инфляции, было объектом притязаний светских лиц⁵³. Ф. Хил считает, что и во второй половине XVI в. инфляция, давление светских лиц на церковное имущество не давали возможности даже самым административно одаренным и способным епископам вернуть доходы церкви в реальном выражении к дореформационному уровню⁵⁴.

Ф. Хил обращает внимание на то, что, согласно акту, принятому в первый год правления Елизаветы (Elizabeth I с. 19), корона имела право в то время, когда епархия была вакантной, обменять принадлежавшие короне ректорства и десятины, которые оказались в распоряжении короны в результате Реформации, на имущество епархии. Епископы могли сдавать землю в аренду теперь только на 21 год, кроме тех случаев, когда землю арендовала корона. Этот акт вызвал большие опасения в церкви, но этот закон, как считает Ф. Хил, все же не был направлен только на то, чтобы иметь возможность отобрать у церкви нужное имущество: у церкви можно было забрать имущество только на такую сумму приносимого дохода, которая компенсировалась передачей епископу прав на ректорства и десятины на территории его епархии. В то же время среди светских лиц в правление Елизаветы было широко распространено мнение, что церкви не стоит предоставлять слишком много влияния, имущественных прав и средств⁵⁵. Считая себя вправе покушаться на собственность церкви, Елизавета субъективно всегда считала себя защитницей церкви, о чем постоянно упоминала в переписке с епископами. Елизавета подчеркивала, что дала епископам все, что у них есть, и только лишь иногда требует у них взамен часть материальных средств для государственных нужд⁵⁶.

Популярным средством оказания давления на епископов стало создание комиссий для поиска скрытых епископами при диссолюции монастырей земель, которые должны были перейти к короне. Деятельность лиц, которые искали скрытые земли, побудила епископов обратиться к парламенту, который в сессиях 1593 и 1597/98 гг. принимал акты, защищавшие епископов от таких самозванных искателей, но некоторые из них получали разрешение на свою деятельность от королевской власти⁵⁷.

В начале правления Елизаветы в защите земельных владений епископата преобладали аргументы, согласно которым на эти средства епископы могли бы поддерживать образование, оказывали бы гостеприимство, а в конце правления Елизаветы зазвучали аргументы, что епископам необходимы средства для поддержания порядка и стабильности в обществе в религиозной сфере. Для этого епископов должны были уважать в обществе, чтобы они могли на него влиять, и в начале XVII в. на этой основе, считает Ф. Хил, стало происходить определенное возрождение клерикализма⁵⁸.

Ф. Хил считает, что после 1560 г. королевская власть уже перестала злоупотреблять актом 1559 г. В дальнейшем основным средством эксплуатации епископальных земель стал не обмен имуществом с епархиями, а выгодные аренды епархиальных земель, предоставляемые через Елизавету наиболее важным придворным⁵⁹.

При Елизавете власти стали гораздо строже подходить к сбору налогов и субсидий с духовенства. На тех епископов, которые не вносили более половины причитающегося платежа, начинали воздействовать наложением ареста на имущество. Такие действия принижали авторитет епископов, поскольку с ними обращались, как с обычными должниками⁶⁰. У светских лиц в постоянный аргумент антиепископальной риторики превратились подозрения епископов в корыстолюбии ради своих семей, и эти обвинения, полагает Ф. Хил, в целом не были беспочвенными. Как установил Дж. Берлатски применительно к правлению Елизаветы, 24 из 78 сыновей епископов, о которых есть точная информация, стали по своему социальному статусу относиться к джентри, а из 28 человек, которые вошли в духовное сословие, только один остался простым приходским священником⁶¹. Епископы обычно стремились вывести одного-двух своих сыновей в статус джентри⁶². Дж. Берлатски установил, что в своих завещаниях епископы направили только 6 255 фунтов на развитие образовательных учреждений, бедным и на благотворительность, в то время как родственникам они оставили примерно 22 000 фунтов⁶³.

Источником заметных экономических трудностей было для епископов королевское налогообложение – в правление Елизаветы только 5 лет прошли для епископов без дополнительных к налогообложению платежей. Расположение Елизаветы по отношению к епископам зависело

от удачности приема во время визита королевы в епархию. Елизавета за гостеприимство прощала епископам недостаточную образованность, слабые административные способности. Гостеприимство также улучшало отношения епископа с джентри, проживавшим на территории епархии⁶⁴.

Как отмечает Ф. Хил, епископ в управлении епархией был фактически долгосрочным пожизненным арендатором епархиальных земель и не имел стимулов к тому, чтобы вкладывать большие средства в повышение их доходности, поэтому даже достойно удивления то, что в тех епархиях, в которых отчетная документация сохранилась хорошо, прослеживается повышение доходности епархиальных земель. Каноническое право требовало, чтобы четверть годового дохода епархии шла на поддержание в порядке имевшихся зданий, но на практике даже самые сознательные епископы не доводили свои расходы до такого объема⁶⁵.

С разрешения короны епископы при Елизавете могли держать земли *in commendam* (по совместительству) – так обеспечивались беднейшие валлийские епархии и епархии Рочестер, Честер, Карлайл. Но и другие епископы не отказывались от таких подарков со стороны власти, хотя они бывали короткими по срокам, предоставляемыми для материальной поддержки за какие-то расходы или для облегчения выплаты «первых плодов». Корона иногда разрешала епископам брать землю в аренду, изредка давала подарок в денежной форме⁶⁶.

Ф. Хил считает, что в имущество епископа при оценке его состоятельности надо включать принадлежавший епископам скот, зерно. Во второй половине XVI в. в Англии активизировалась добыча полезных ископаемых. Епископы Даремские не смогли извлечь выгоды из добычи угля на своей территории. Больше преуспели епископы в епархии Бат и Уэллз в получении выгод от добычи свинца, но это предприятие было не таким масштабным и давление, оказываемое светскими лицами, было не так велико. Активность епископа в экономических делах, как правило, ухудшала его отношения с местными светскими влиятельными лицами⁶⁷.

Ф. Хил приходит к выводу, что в жизни епископата при Елизавете бедность и долги были все же делом меньшинства епископов, а остальные жили вполне комфортно и завещали своим наследникам вполне достойное место в обществе. Сохранилось 51 завещание от 76 епископов, возведенных в сан при Елизавете. Ф. Хил составила сводные данные об имущественном состоянии епископов по завещаниям. 3000 фунтов и более оставили 9 епископов, сумму в пределах 3 000–1 000 – 15 епископов, 999–500 фунтов – 8 епископов, менее 500 фунтов – 10 епископов, а по 9 епископам есть данные о долгах и нет завещаний. Ф. Хил считает нужным отметить, что данные завещаний дают представление о состоянии епископов при смерти или накануне ухода из жизни, но из них нельзя установить, что имели, накапливали, потребляли, передавали по наследству епископы во время исполнения долж-

ности, так что наиболее состоятельные епископы могли иметь еще больше имущества, чем прослеживается по завещаниям и описям. Для решения вопросов об экономической состоятельности епископов нужно искать также сведения о том, каков был образ жизни того или иного епископа. Как считает Ф. Хил, только примерно четверть епископов в правление Елизаветы определенно испытывала постоянную нехватку средств, и при этом к концу правления Елизаветы материальное положение епископов по мере того как церковь Англии укреплялась, стало улучшаться. К концу XVI в., как считает Ф. Хил, епископы уступали крупнейшим представителям знати по размерам средств, выделяемых на оказание гостеприимства, строительство, но все же по доходам, как выявила Ф. Хил, епископы были вполне сопоставимы с наиболее состоятельными представителями знати и джентри: по данным 1602 г., 14 крупнейших пэров получали от ренты годовой доход в 3 660 фунтов и более, а следующая по размерам доходов группа в 24 человека из представителей пэрства и джентри получала годовой доход от 1 799 до 900 фунтов⁶⁸.

Поворотный пункт в исторических судьбах епископата в протестантской церкви Англии наступил в 1590-е гг., когда с выдвижением аргументов в защиту епископата как божественного установления епископат перестал рассматриваться просто лишь как удобная и подходящая к историческим условиям Англии форма церковного управления. Королевская власть также признала необходимость епископата для поддержания устоев общественного порядка, и в жизни епископов к 1603 г., как считает Ф. Хил, появилось ощущение, что напряженная для епископата атмосфера, созданная Реформацией, осталась в прошлом⁶⁹.

Таким образом, в современной британской историографии к настоящему времени, наряду с тем, что исследователи Реформации по-прежнему уделяют большое внимание ее религиозно-политическим аспектам, есть ряд работ, благодаря которым появилось более глубокое представление об экономической стороне Реформации, которую, как показали К. Хилл и Ф. Хил, тоже не следует упускать из виду.

Примечания

- ¹ Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993. P. 3–6.
- ² Hill C. Antichrist in Seventeenth-Century England. Oxford, 1971; *Idem*. The Century of Revolution, 1603–1714. 2nd ed. Berkshire.: Reinhold, 1988; *Idem*. Change and Continuity in the 17th Century England. Cambridge (Mass.), 1975; *Idem*. The Collected Essays of Ch. Hill. Religion and Politics in 17th Century England. L., 1986. Vol. 2; *Idem*. The Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956; *Idem*. Intellectual Origins of the English Revolution. Oxford, 1965; *Idem*. Puritanism and Revolution. Studies in the Interpretation of the English Revolution of the 17th Century. L., 1958; *Idem*. Reformation to Industrial Revolution. A Social and Economic History of Britain, 1530–1780. L., 1968; *Idem*. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. N.Y., 1967.
- ³ См.: Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956.
- ⁴ См.: Savin A.N. English Monasteries on the Eve of the Dissolution. L., 1909. P. 100.
- ⁵ См.: Dietz F.C. English Government Finance, 1485–1558 // University of Illinois Studies in the Social Sciences. 1932. IX. № 3. P. 80–82, 138, 221.
- ⁶ См.: Willan T.S. The Parliamentary Surveys for the North Riding of Yorkshire // Yorkshire Archaeol. J. 1937. XXXI. P. 281; Kerridge E. The Movement of Rent, 1540–1640 // Econ. History Rev. 1972. 2nd Ser. VI. № 1. P. 33–34.
- ⁷ См.: Hill C. Economic Problems of the Church. From Archbishop Whitgift to the Long Parliament. Oxford, 1956. P. 5.
- ⁸ См.: Leighton A. An Appeal to the Parliament, or Sions Plea against the Prelacy. L., 1628. P. 264.
- ⁹ См.: Hill C. Economic Problems of the Church.... P. 8.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 9–11.
- ¹¹ *Ibid.* P. 12.
- ¹² *Ibid.* P. 14–23.
- ¹³ Strype J. Annals of the Reformation ... during Queen Elizabeth's Happy Reign. L., 1824. Part I. P. 142–143; Part II. P. 443.
- ¹⁴ См.: Hill C. Economic Problems of the Church.... P. 17.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 18–21.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 26.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 27.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 31–33.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 108.
- ²⁰ *Ibid.* P. 115–121.
- ²¹ *Ibid.* P. 192–196.
- ²² *Ibid.* P. 315.
- ²³ См.: Scarisbrick J.J. Clerical Taxation in England 1485–1547 // JEH. 1960. XI P. 41–54; Hembry P. The Bishops of Bath and Wells, 1540–1640. L., 1967; Princes and Paupers in the English Church / Ed. R. O'Day and F. Heal. Leicester, 1981; Heal F. The Bishops and the Act of Exchange of 1559 // Histor. J. 1974. XVII. P. 227–246; *Idem*. The Tudors and Church Lands: Economic Problems of the Bishopric of Ely During the Sixteenth Century // Econ. History Rev. 1973. XXVI. P. 198–217; *Idem*. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. Cambridge, 1980; Cross C. The Economic Problems of the See of York: Decline and Recovery in the Sixteenth Century // Land, Church and People / Ed. J. Thirsk. Agricult. History Rev. Supplement. 1970. P. 64–83; Alexander G. Victim or Spendthrift? The Bishop of London and his Income in the Sixteenth Century // Wealth and Power in Tudor England: Essays Presented to S.T. Bindoff / Ed. E.W. Eves, R.J. Knecht and J.J. Scarisbrick. L., 1978. P. 128–145; O'Day R. The English Clergy: The Emergence and Consolidation of a Profession, 1558–1642. Leicester, 1979.
- ²⁴ См.: Hembry P.M. *Op. cit.*

- ²⁵ *Hembry P.M.* Op. cit. P. 1.
²⁶ Ibid. P. 254.
²⁷ Ibid. P. 3.
²⁸ Ibid. P. 258.
²⁹ Ibid. P. 255.
³⁰ См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate. Cambridge, 1980.
³¹ Ibid. P. 72.
³² См.: *Caley J., Hunter J.* Valor Ecclesiasticus temp. Henrici VIII, Auctoritate Regia Institut. Record Commission, 1810–1834.
³³ См.: *Savine A.* English Monasteries on the Eve of Dissolution // Oxford Studies in Social and Legal History. Vol. I / Ed. P. Vinogradoff. Oxford, 1909. P. 88.
³⁴ См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 52.
³⁵ Ibid. P. 53.
³⁶ Ibid. P. 54.
³⁷ Ibid. P. 55–58.
³⁸ Ibid. P. 60.
³⁹ Ibid. P. 62–63.
⁴⁰ Ibid. P. 67–69.
⁴¹ Ibid. P. 71.
⁴² Ibid. P. 101–102.
⁴³ См.: *Scarisbrick J.J.* Henry VIII. L., 1968. P. 413–417; *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 123.
⁴⁴ См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 126.
⁴⁵ См.: *Jordan W.K.* Edward VI: The Threshold of Power. L., 1970. P. 377.
⁴⁶ См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 147.
⁴⁷ *Heal F.* Of Prelates and Princes... P. 156–161.
⁴⁸ См.: *Pogson R.* Reginald Pole and the Priorities of Government in Mary Tudor's Church // *Histor. J.* 1975. XVIII. P. 3–20.
⁴⁹ См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 180–185.
⁵⁰ Ibid. P. 188–190.
⁵¹ См.: *Phelps-Brown E.H., Hopkins S.* Seven Centuries of the Prices of Consumables // *Economica.* 1956. XCII (n. S. XXIII).
⁵² См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 195–197.
⁵³ Ibid. P. 162–163.
⁵⁴ Ibid. P. 201.
⁵⁵ Ibid. P. 204–207.
⁵⁶ Ibid. P. 209–210.
⁵⁷ *Kitching C.J.* The Quest for Concealed Lands in the Reign of Elizabeth I // *TRHS 5th Series.* 1974. XXIV. P. 63–78; *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 214–215, 233.
⁵⁸ Ibid. P. 221.
⁵⁹ Ibid. P. 228.
⁶⁰ Ibid. P. 234.
⁶¹ См.: *Berlatsky J.A.* Marriage and Family in a Tudor Elite // *J. of Family History* 1978. III. P. 12.
⁶² См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 245.
⁶³ См.: *Berlatsky J.A.* Op. cit. P. 18.
⁶⁴ См.: *Heal F.* Of Prelates and Princes.... P. 247–249, 256.
⁶⁵ Ibid. P. 271–273.
⁶⁶ Ibid. P. 278.
⁶⁷ Ibid. P. 291–297.
⁶⁸ Ibid. P. 313–315, 320.
⁶⁹ Ibid. P. 321–322.

УДК 9(73) «19»

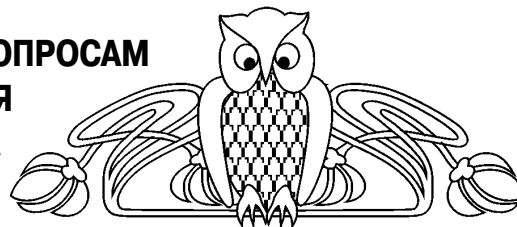
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АМЕРИКАНИСТИКА ПО ВОПРОСАМ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В ГОДЫ «НОВОГО КУРСА» Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА

А.А. Меньшикова

Саратовская государственная консерватория,
 кафедра гуманитарных дисциплин
 E-mail: menshikova_anna@mail.ru

«Новый курс» Рузвельта входит в число приоритетных тем исследований отечественных американистов. Если раньше интерес к событиям 30-х гг. XX в. был сугубо академическим, то на сегодняшний день отчетливо виден сдвиг в спектре проблем, привлекающих к себе внимание российских ученых. Речь идет о феномене «имперского президентства», результате административного реформирования Ф. Рузвельта. Данный дисбаланс в пользу усиления исполнительной власти сегодня является актуальной историко-политической проблемой для России. Однако в отечественной историографии этот важнейший сюжет исследован недостаточно. Проблема не получила сколько-нибудь серьезной разработки, были обозначены лишь ее контуры.

Ключевые слова: «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, «имперское президентство», реорганизация исполнительной ветви власти,

чрезвычайные полномочия, административное реформирование.

Russian Researchers is Consider Reorganization of the Executive Branch in Years of Roosevelt's "New Deal"

A.A. Menshikova

F.D. Roosevelt's «New Deal» still stays among the favorite topics for Russian researchers. But the evolution in the approaches is absolutely clear: firstly the interest of the soviet historians was placed in the field of the pure science, but today we can establish the fact of the widening researcher's range. First of all in this case we have to talk about the phenomenon of «Imperial Presidency» as a F.D. Roosevelt's reforms result. This misbalance in the American state structure showed as a strengthening of the executive power's branch is an actual problem both for researchers and politicians of Russian Federation. However this major theme is investigated insufficiently in

the native historiography. The problem has outlined only and hasn't received any serious science development.

Key words: F.D. Roosevelt's "New Deal", "Imperial Presidency", reorganization of the executive branch, emergency powers, administrative reforming.

Более полувека отделяют нас от «нового курса» – широкомасштабного комплекса реформ, в значительной мере изменившего облик традиционной Америки. В последнее десятилетие интерес к событиям тех лет не только не ослабевает, а, наоборот, усиливается. И это не случайно: реформы, проведенные администрацией Ф. Рузвельта в 30-е гг., стали крупнейшим рубежом в истории США XX в. По сути, они сформировали главную тенденцию эволюции социально-экономической и политической структуры современного американского общества.

Необходимо отметить, что «новый курс» Франклина Делано Рузвельта всегда был в числе приоритетных тем исследований отечественных американистов. Это подчеркивал, например, Александр Александрович Кредер, указывавший, что «социально-политическая история США периода «нового курса» является одной из наиболее разрабатываемых тем в отечественной американистике»¹.

Такое внимание к изучению периода реформаторства администрации Ф. Рузвельта объясняется рядом причин. Во-первых, в те годы наиболее интенсивно шли процессы формирования, как нового типа правительственной политики, так и глубокой социально-политической переориентации правившей демократической партии. Во-вторых, именно тогда достаточно полно определилась социально-классовая направленность мероприятий рузвельтовской администрации. В-третьих, к середине 30-х гг. относится апогей подъема массовых движений социального протеста, оказавших кардинальное воздействие на политику Ф. Рузвельта.

В отечественной российской историографии за последние несколько десятилетий создан ряд ценных научных трудов, посвященных анализу «нового курса». В работах А.С. Манькина, В.Л. Малькова, В.П. Золотухина, Д.Г. Наджафова, А.А. Кредера, Н.В. Сивачева и ряда других отечественных историков проанализированы как общие, так и некоторые частные вопросы социально-экономической политики администрации Ф. Рузвельта. Так, например, выявлены и изучены основные направления реформ, этапы партийно-политической борьбы вокруг «нового курса», дана характеристика основных его мероприятий. Глубокому осмыслению подверглись процессы идейно-политической трансформации, происходившей в 1930-е гг. в Соединенных Штатах². В итоге в отечественной американистике выработана сбалансированная и достаточно убедительная концепция «нового курса».

Однако, если раньше интерес к событиям 30-х гг. был сугубо академическим, то на сегодняшний день отчетливо виден сдвиг в спектре проблем, привлекающих к себе внимание российских ученых. В первую очередь американистов и не только их, но и политиков, реформаторов интересуют проблемы, связанные с функционированием государственной системы США в данный период.

Как известно, в годы «нового курса» на первое место выдвинулась идея ведущей роли исполнительной власти не только в плане решения проблем, стоявших перед страной, но и в последующем осуществлении этих решений. Сам Рузвельт делал акцент на необходимости большей централизации власти в руках президента США, что требовало изменения соотношения сил внутри правительства. При этом он утверждал, что «большая часть наших великих дел совершалась президентами, которые не были орудиями конгресса, а являлись подлинными лидерами страны, правильно истолковывавшими нужды и устремления народа»³.

Тем не менее уже с первых шагов реформирования стало ясно, что нетрадиционные подходы правительства к решению острейших проблем выходят за рамки многих законов и конституции. Масштабность и глубина вставших перед страной проблем не вмещались в существовавшее правовое пространство, поскольку последнее формировалось в иных исторических условиях. В конечном итоге президенту удалось получить легитимным путем нужные чрезвычайные полномочия, пользуясь которыми он сумел разрубить узел между конституционными ограничениями и требованиями реальной жизни.

Однако, добившись чрезвычайных полномочий в рамках кризисной ситуации, Рузвельт не спешил с ними расстаться. Более того, начало Второй мировой войны надолго зафиксировало этот перекос в сторону усиления исполнительной власти. Впоследствии дисбаланс не только не был ликвидирован, но, более того, увеличился, что в конечном итоге привело к феномену «имперского президентства»⁴. Этот дисбаланс в пользу исполнительной власти сегодня является не только исторической или теоретической, но и актуальной политической проблемой, и не только для США, но и для других демократий, в том числе и таких молодых, как российская. Так, по мнению А.И. Уткина, реформаторская деятельность Рузвельта является ярким примером решения клубка сложнейших проблем, подобных тем, которые сегодня стоят перед Россией⁵.

Необходимо отметить, что в ходе проведения первых антикризисных мероприятий «нового курса» структура государственного аппарата значительно усложнилась и разбухла, а ее эффективность упала. Это также требовало

осуществления срочных реорганизационных мер. Таким образом, административная реформа стала важнейшей составляющей «нового курса».

Рузвельт начал работать над содержанием реформы с 1935 г., однако только с принятием «Закона о реорганизации» в 1939 г. был запущен механизм перманентного административного реформирования, который продолжает исправно функционировать до настоящего времени. Поскольку характер этого функционирования был предопределен событиями и реформами 1937–1939 гг., а также учитывая, что совершенствование административного механизма – это бесконечный процесс и «ахиллесова пята» любого государства, многим отечественным американистам представляется, что изучение теории и практики этих реформ сегодня является особенно злободневным.

В контексте современных российских преобразований проблема эффективного управления государством с помощью административного аппарата приобретает особое звучание. В отечественной историографии этот важнейший сюжет исследован явно недостаточно – в ней пока не существует комплексных работ, специально посвященных изучению административной реформы в годы «нового курса».

Отдельные аспекты этой проблемы затронуты лишь в некоторых главах работ В.П. Золотухина, А.С. Манькина, В.О. Печатнова и Н.В. Сивачева, а также в статьях А.Ф. Валериной и Т.В. Галковой⁶. При этом наибольшее внимание уделяется социальной политике Ф. Рузвельта и партийно-политическим процессам в этот период.

Необходимо отметить, что общим местом в работах отечественных историков до 90-х гг. стало датирование времени окончания реформаторской деятельности администрации Ф. Рузвельта принятием второго акта о восстановлении сельского хозяйства и «Закона о справедливых условиях труда» (1938 г.). В подтверждение этой позиции обычно приводится отрывок из послания Рузвельта «О положении Союза» 1939 г. «Разногласия по поводу нашей программы социальных реформ позади. Теперь все наши силы могут быть направлены на ускорение экономического восстановления в целях консолидации достигнутого»⁷. В этом послании уже не выдвигалось каких-либо новых идей в области социально-экономической политики. Таким образом, административная реформа 1939 г. как бы выпала из поля зрения отечественных американистов.

В 90-е гг. в отечественной историографии произошел перелом в отношении определения хронологических рамок реформ «нового курса» в целом и административной реформы, в частности. Отечественные историки сошлись во мнении, что окончание реформаторской

деятельности администрации Рузвельта необходимо датировать уже 1939 г. Е.Ф. Язьков, например, аргументирует это тем, что именно в этот год «Соединенные Штаты вступили в период замедления либерального социального реформаторства»⁸. По его мнению, это стало результатом как усиления противодействия рузвельтовскому курсу консервативной коалиции, так и изменения приоритетов в политике правительства Рузвельта в 1939 г., которое было связано с резким обострением международной обстановки и нарастанием угрозы Второй мировой войны. При этом Е.Ф. Язьков оговаривается, что данные изменения не привели к демонтажу «нового курса», а напротив, «период 1933–1939 гг. стал начальным этапом превращения государственного экономического регулирования в постоянную черту экономической структуры Соединенных Штатов»⁹.

Некоторые отечественные исследователи считают, что инициативная роль в проведении реформ 30-х гг. сопровождалась усилением института президентства и это таило в себе конституционный конфликт. После 1937 г., в связи с попыткой Рузвельта провести административную реформу, этот конфликт обострился до крайней степени, поскольку предложенная президентом программа реорганизации предполагала передачу полномочий по осуществлению структурной и функциональной перестройки правительственных органов главе исполнительной власти. Однако президент, по мнению В.Л. Малькова, сумел извлечь для себя важные уроки, и благодаря компромиссу кризис был преодолен¹⁰.

Кроме того, в 90-е гг. в отечественной историографии сформировалась точка зрения о том, что «Закон о реорганизации 1939 г.» создал необходимую административно-правовую базу для закрепления и институционализации либеральных социально-экономических реформ «нового курса»¹¹. Об этом, например, говорится в совместной работе Т.В. Галковой и А.С. Манькина, где данная реформа упоминается среди прочих, призванных достичь «институционализации реформ «нового курса»»¹².

Более детально о проблеме административного реформирования писал в начале 80-х гг. ленинградский правовед И.Ю. Козлихин¹³, который разработал юридические аспекты административной реформы Ф. Рузвельта второй половины 30-х гг. Тем не менее функциональный подход, использованный им для этого анализа и вполне уместный в работах подобного плана, не смог восполнить отсутствие конкретно-исторического аспекта.

Совместная работа московских историков И.В. Галкина и А.А. Тарасова представляет собой первую попытку интерпретации идейно-политического содержания административной реформы Ф. Рузвельта и определение ее роли в

мероприятиях «нового курса». Проанализировав практически только отечественную историографию и узкий круг источников по данной проблеме, они не вполне обоснованно пришли к выводу, что административной реформе уделялось мало внимания как со стороны окружения Ф. Рузвельта, так и со стороны американских исследователей. К сильным сторонам работы можно отнести анализ процесса рассмотрения реорганизационного законопроекта на заседаниях 75-го конгресса. В конечном итоге авторы пришли к выводу, что административная реформа являлась неотъемлемой составной частью всей политики «нового курса» и представляла собой воплощение новых либеральных воззрений на роль и место президентства в политической системе американского общества¹⁴.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной историографии административное реформирование Ф. Рузвельта незаслуженно оказалось на периферии внимания исследователей. Проблема не получила сколько-нибудь серьезной разработки, были обозначены лишь ее контуры. Однако необходимо отметить, что в последнее десятилетие административное реформирование президента Рузвельта все чаще рассматривается через призму проблемы современной российской власти.

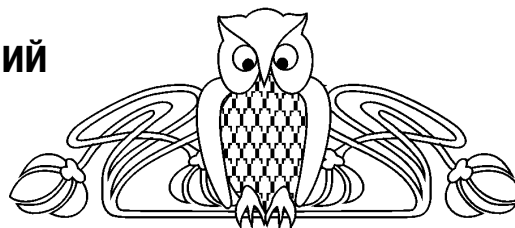
Примечания

- ¹ Кредер А.А. Американская либерально-реформистская общественная мысль в 1929–1938 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1974. С. 7.
- ² См.: Золотухин В.П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968; Иванов С.В. «Война с бедностью» Ф.Д. Рузвельта. Социальные программы «нового курса» в США. Саратов, 1989; Кредер А.А. Американская буржуазия и «новый курс», 1933–1940. Саратов, 1988; Мальков В.Л., Наджафов Д.Г. Америка на перепутье (1929–1938). Очерк социальной истории «нового курса». М., 1967; Мальков В.Л. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973; Он же. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988; Манькин А.С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США, 1933–1952. М., 1990; Печатнов В.О. Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980; Сивачев Н.В. Политическая борьба в США в середине 30-х гг. XX века. М., 1966.
- ³ Binkley W.E. The Powers of the President. Problems of American democracy. N.Y., 1937. P. 262.
- ⁴ Данный термин был введен в научный оборот американским исследователем Артуром Шлезингером-мл.
- ⁵ См.: Уткин А.И. Рузвельт. М., 2000.
- ⁶ См.: Золотухин В.П. Указ. соч. С. 138–145; Манькин А.С. Указ. соч. С. 66–111; Сивачев Н.В. США: государство и рабочий класс. М., 1982. С. 197–311; Валерина А.Ф. Политическая борьба в США в 1937 вокруг проекта реформы Верховного суда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1978. № 4; Галкова Т.В. Эволюция социально-экономической программы правительства Рузвельта на завершающем этапе «нового курса» (1937–нач. 1938) // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С. 51–67; Она же. Консервативные демократы против политики Ф. Рузвельта на завершающем этапе «нового курса» (1937–1939) // Проблемы американистики. М., 1990. Вып. 8; Галкова Т.В., Манькин А.С. На пути к консолидации: партийная система США на исходе «нового курса» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1990. № 1.
- ⁷ The Public Papers and Addresses of F.D. Roosevelt. With a special introduction and explanatory notes by president Roosevelt. N.Y.; L., 1941. Vol. 3. P. 54.
- ⁸ Язьков Е.Ф. «Новый курс» Ф. Рузвельта и его место в истории США // «Новый курс» Рузвельта: значение для США и России: Материалы науч. конф. Ассоциация изучения США и Канады РАН. Москва, 31 октября – 2 ноября 1995 г. М., 1996. С. 30.
- ⁹ Там же. С. 31.
- ¹⁰ См.: Мальков В.Л. Социальная политика Рузвельта: размышления об истоках и уроках // «Новый курс» Ф. Рузвельта: значение для США и России. ... С. 44–56.
- ¹¹ См.: Манькин А.С. Что может дать опыт «нового курса» сегодняшней России? // «Новый курс» Ф. Рузвельта: значение для США и России. ... С. 65–76.
- ¹² Галкова Т.В., Манькин А.С. Указ. соч. С. 26.
- ¹³ См.: Козлихин И.Ю. Высшие органы власти США в годы «нового курса» (1933–1939) // Изв. вузов. Правоведение. 1981. № 4; Он же. Реорганизация органов исполнительной власти США в годы «нового курса» 1933–1939 гг. // Вестн. ЛГУ. Экономика, философия, право. 1981. Вып. 2. № 11.
- ¹⁴ См.: Галкин И.В., Тарасов А.А. Место административной реформы в преобразованиях периода «нового курса» 1930-х годов в США // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1992. № 4.

УДК 94(470–89) “18”

РОЛЬ ТЕКСТОВ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СЦЕНАРИЕВ «РИТУАЛЬНЫХ» ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

В.В. Хасин

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail hasin1@rambler.ru

Ритуальные процессы в России были реакцией государственных структур на идеологический и религиозный кризис в империи, распространение сект. Достаточно однотипные и комбинированные сценарии этих процессов служили маркером негативно определяющим образ «чужого». Такими унифицированными «чужими» могли быть евреи, сектанты или язычники, все выделяющиеся из стройной системы официальной религиозной идеологии. «Свидетельские» показания адаптировали общий сценарий к каждому конкретному процессу.

Ключевые слова: ритуальные процессы, Российская империя, секты, евреи, свидетельские показания, кризис религиозной идеологии.

The Role of Testimony's Texts in the Forming of Scenarios of Ritual Processes in Russian Empire in XIX Century

V.V. Khasin

The ritual processes in Russia were the official reaction on ideological and religious crises in Empire. The scenarios of these processes indicated the negative image of «alien». Those «aliens» could be the Jews, sectarians or pagans, all distinguished from the system of official religious ideology. The testimonies adapted general scenario to the concrete process.

Key words: ritual processes, Russian Empire, sects, Jews, testimonies texts, religious crisis.

Свидетельские показания играют ключевую роль в понимании структуры кровавого навета и вектора его направленности. Существование любого мифа лишено глубокого внедрения в общественное сознание и соответственно жизнеспособности без четко прописанного механизма его осуществления. С другой стороны, формирование адаптированного мифа невозможно без атрибутов и ритуалов принимающей его среды.

Показания свидетелей составляют тома, а иногда и десятки томов по каждому делу. Объем статьи позволяет показать лишь незначительную их часть по ограниченному кругу дел. Вне исследования остается большое количество вопросов, связанных с правом, государственной политикой по отношению к евреям, публицистикой и научными трудами. Все это находилось в прямой взаимосвязи с рассматриваемыми нами сюжетами.

До конца XVIII в. Российская империя не имела подданных евреев и мифов о них. Однако

наветы, в том числе и кровавые, существовали. Как правило, это были наветы против сектантов. Объем статьи не позволяет детально остановиться на их описании. Вопрос достаточно полно разработан А. Панченко. Он достаточно подробно описал ритуал действий сектантов по материалам судебных процессов над ними середины XVIII в.¹ Л. Кацис, на наш взгляд, удачно сопоставил их формулу и ритуал в контексте дела Бейлиса. Он четко определил основные элементы наветной формулы по отношению к русским сектантам и евреям. Так, Л. Кацис, основываясь на описанных А. Панченко процессах 1733–1739 и 1745–1756 гг., выделяет ряд элементов. Нам интересны некоторые из них.

1. По окончании сборищ сектанты расходятся парами по разным помещениям и совершают любовь.
2. Младенцев, предназначенных для жертвоприношения, сектанты крестят.
3. Окрещенного младенца закалывают, вырезают его сердце и собирают его кровь.
4. Хлеб и воду с частями сердца и кровью младенца раздают во время собраний вместо причастий².

При общей сценарной схожести обвинений кровавый навет носил, без сомнения, специфические еврейские черты. В одних случаях это было следствием бытовых наблюдений доносчиков, живших у евреев и контактировавших с ними (как показания Терентьевой и Максимовой в Велижском деле, Богданова – в Саратовском деле), в других – широкого распространения антисемитской литературы, в основном польского происхождения. Это в свою очередь дополняло общий сценарий ритуальных процессов против других сектантов. Важно отметить, что дача ложных показаний практически во всех ритуальных процессах воспринималась лжесвидетелями как благое дело, как доказательство непреложной истины, где методы ее поиска не имели никакого значения, что является очень важной психологической особенностью всех подобных дел.

В XIX в. Православная церковь ни разу не поддержала кровавого навета против евреев на официальных процессах. Мотивировалось это недоказанностью существования кровавых обрядов в иудаизме в целом. Однако рядом иерархов была поддержана идея о возможности существования некоей неизвестной секты, которая вполне могла бы проводить кровавые литургии. Несмотря на то, что официальная позиция церкви была ней-

тральной, в период следствия можно отметить активное участие рядовых священников во время велижского дела³, саратовского⁴ и мултанского⁵. Так, при отсутствии официального вмешательства идеологически процессы были в целом выверены. Именно священники активно вмешивались в ход следствия, согласовывали показания свидетелей, занимались «священническим увещанием».

Институты православной церкви переживали в XIX в. кризисные явления. Ухудшалось отношение к священникам, значительное количество населения ушло в сектантство. Кризис официальных церковных институций означал и кризис государственной идеологии в целом. Российская империя как многонациональное и конфессиональное государство признавало ряд религиозных направлений, давая им официальный статус. Иудаизм, ислам, католицизм, лютеранство пользовались в разных объемах правами официальных институтов, выполняли государственные функции и находились в системе МВД. В течение XIX в. институциональный кризис коснулся и многих из них. Появились экзотические секты среди лютеран (наиболее известной из них была группа «Танцующие братья» в Поволжье), среди волжских татар и т.д. Все это наводило правительство на мысль о системном кризисе идеологии. Для Синода и государственной власти в целом борьба с любыми сектами стала не только религиозной проблемой. Формула кровавого навета и его ритуал стал инструментом борьбы с любым сектантством. Во время ритуальных процессов отношение к классическому иудаизму было достаточно спокойное. Одновременно с этим шел активный поиск загадочных сект, не прекращалась попытка связать кровавый ритуал с хасидизмом.

Идея существования некоего кровавого ритуала у части евреев начала проникать и в светские коридоры власти. В 1844 г. была издана в МВД очень небольшим тиражом книга В.И. Даля, «Розыскания об убиении евреями христианских младенцев»⁶. Принадлежит ли ему эта работа, точно не установлено. На самом деле это достаточно небрежная компиляция известных в западных губерниях работ XVII–XVIII в. поляков Пикульского и Серафимовича, отличавшихся обилием средневековых предрассудков. Работа Даля приобрела большую популярность у царя и его ближайшего окружения, став официальным взглядом на проблему. С позиции государственно-религиозной фамилии Даля (даже если это был не он) более интересна. В.И. Даль, который считался в МВД специалистом по ритуальным процессам и сектам⁷, теоретически обосновал возможность существования некоей «изуверской» экзотической секты и у евреев. Работа подтвердила в глазах государственной власти, то, к чему она сама уже давно пришла и во что верила. Николай I в 1835 г., утверждая оправдательный приговор по Велижскому делу, подчеркнул: «... считаю нуж-

ным прибавить, что внутреннего убеждения, что убийство евреями произведено не было, не имею и иметь не могу. Неоднократные примеры подобных умерщвлений с теми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемых доказательств ... доказывают, по моему мнению, что между евреями существуют, вероятно, изуверы или раскольники, которые христианскую кровь считают нужной для своих обрядов...»

Итак, вина переносится на неких «раскольников» в еврейской среде, что позволило полностью обвинение не снимать. Барон М.А. Корф предложил Николаю I подписать по окончании велижского дела аналогичный указу Александра I документ⁸. Это вызвало негодование императора и его категорический отказ⁹. Такими «раскольниками», по мнению власти, могли бы стать хасиды, что с точки зрения формальной логики вполне оправданно. Внешнее сходство с сектантами бескрайних российских просторов очевидно: замкнутость, абсолютное почитание общинного лидера (в данном случае падики), эмоциональные экзотические богослужения, настороженное, а иногда и просто враждебное отношение официального иудаизма.

В 1853 г. уже непосредственно в центре России, в Саратове, разыгрался новый судебный процесс. В убийстве христианских детей были обвинены торговец мехами Янкель Юшкевичер, его крещеный сын Федор Юрлов и рядовой местного гарнизона Михаэль Шлифферман. Они обвинялись в убийстве с ритуальной целью двух мальчиков: в декабре 1852 г. – десятилетнего Феофана Шерстобитова и в марте 1853 г. – одиннадцатилетнего Михаила Маслова.

Саратовское дело возникло в совершенно неожиданном месте. Губерния находилась за тысячи километров от черты оседлости, евреев там практически не было, а те, кто и находился, были либо солдаты гарнизона, либо очень редкие (не более десяти человек) гражданские, проживавшие на свой страх и риск без официального разрешения, платя взятки чиновникам. Важен один своеобразный нюанс. Саратовская губерния была одним из лидеров по количеству проживавших в ней сектантов.

Основой для следствия стали показания рядового Богданова, губернского секретаря Крюгера и крестьянина Локоткова. Все они признались, что не только были свидетелями преступления, но и принимали активное участие в его осуществлении. Каждое из своих показаний они меняли под давлением следствия несколько десятков раз. К сожалению, объем статьи не позволяет пересказать все трагикомичные нюансы этого дела. Важно отметить, что каждое следующее показание все больше и больше начинало напоминать сценарий велижского дела.

В других случаях это были доносы со стороны «раскаившихся и принявших святую православную веру» евреев. В саратовском деле такую роль

сыграл зять главного обвиняемого Янкеля Юшкевича Мордух Гуглин (в крещении Николай Петров). Именно им впервые на процессе была озвучена связь между свершившимся в Саратове преступлением и Любавичевским ребе.

По его показаниям, «в пятницу 8 мая 1853 года, Янкель (Юшкевичер) отдал своей жене запечатанное письмо, прося поберечь его, пока он пошел в баню. ... Вдруг нагрянула полиция, произвела строжайший обыск и заарестовала главу семейства». Когда Гуглин навещал старика, тот попросил его уничтожить письмо, не читая. Однако Гуглин не смог устоять, чтобы не отведать запретного плода – прочитать письмо. Адресовано оно было известному Любавичевскому раввину, которого извещали о предназначенной ему посылке «двух бутылок с кровью, запечатанных, для обозначения времени добытия крови, одна красным сургучом, с кровью добытою в месяце Кислов, а другая – черным сургучом, с кровью добытою в месяце Адар». На конверте был адрес: «Любавичевскому ходоку, Янкелю Тоупкину, для передачи Любавичевскому Раввину»¹⁰. Письмо это при появлении полиции съела его теща. Гуглин также озвучил и связь этого дела с велижским и другими. Однажды ему удалось подслушать разговор тестя. «... Мало ли таких дел было, в Велиже и в Турции¹¹. В Велиже нашли в подполе у жида мальчика и то ничего не было. А у нас ничего не найдут... Не в первый раз». Давая показания против своего шурина, крещеного сына Янкеля Юшкевича Федора Юрлова, Гуглин вывел следствие на дату совершения преступления. Хотя кровь предназначалась на Пасху для хасидов, важно было и время ее сбора – праздник Амана (Пурим)¹². Такое неожиданное совмещение двух основных, классических причин убийства еврейми христиан.

Идея существования секты у евреев отчетливо прослеживается в показаниях другой свидетельницы Марии Слюняевой, или Машки-шарманки. Классический образ арестантки, бродяги и утешительницы осторожных ловеласов, она предстала в виде последнего звена сложной цепочки производства, распространения и торговли христианской кровью. Согласно ее показаниям, она перевозила бутылки с кровью из Саратова в Ляды. Когда выяснилось, что Ляды находятся в Тамбовской губернии, Слюняева заявила, что это перевалочный пункт на запад, а евреи, проживавшие в этом населенном пункте, не могут жить в другом месте, так как их вера не позволяет селиться в поселках с другим названием. После того, как Мария брала кровь у Янкеля Юшкевича (которому отводилась лишь роль «производственного» цеха), она приезжала в Ляды, где уже участвовала во всевозможных ритуальных оргиях, с пьянкой и свальным грехом.

Сложно выяснить, что Машка-шарманка придумала сама, а что подсказало ей следствие. Важно отметить, что ее показания, в дополнение к доносу

Гуглина, четко связали происходившее в Саратове следствие с любавичевскими хасидами. Согласно комплексу различных показаний вырисовывалась специфическая схема навета. В нем достаточно много штрихов иудейского религиозного ритуала, некоторых выдержек из «Басен Талмудовых», Пикульского, в основном в компиляции Даля. Однако этих штрихов значительно меньше, чем в велижском деле.

Основной костяк обвинений все больше становится похожим на обвинения против русских сектантов. Религиозные атрибуты крайне туманны, все это в большей степени заменяется местным фольклором. В саратовском деле, в отличие от велижского, есть четкая определенность с возможной сектой – любавичевские хасиды, и хотя во время следствия не было собрано достаточное количество доказательств, вектор был определен. Все упомянутые нами выше атрибуты обвинения скопцов и христовцев присутствуют. Свальный грех Машки-шарманки, обрезание мальчиков (вместо крещения), причащение мацой с порошком из крови.

Разрастаясь, саратовское дело включало в свою орбиту все новые и новые слои общества. Оно существовало и жило в атмосфере всевозможных доносов и сплетен. Возникло более двадцати различных делопроизводств по раследованию похищений и убийств детей. В этой связи хотелось бы отметить одну специфическую особенность. Большинство из них касалось сектантов. Существовали дела против субботников, воскресников, ряда экстатических сект различной конфессиональной направленности¹³. Случались попытки объединить дела и возможных участников преступлений с основными фигурантами по саратовскому делу. Например, немца-колониста Гигельберга, подозревавшегося в принадлежности к экстатической секте «Танцующие братья», долгое время обвиняли в дружбе с Янкелем Юшкевичером и участии в убийстве мальчиков в Саратове. В дальнейшем уже саму секту подозревали в существовании жестоких ритуалов.

Во второй половине XIX в. на смену конфессиональной постепенно приходит национальная идентификация. Борьба с сектами перестала носить столь резкий характер. Более того, для официальных кругов стало сложно определить, что среди евреев секта, а что нет. Хасидизм существовал легально, признавался в целом и официальным иудаизмом. Поиски тайной секты не увенчались успехом. Постепенно миф о каких-то жестоких ритуалах, методах их осуществления стал маркировкой «чужого» в общественном сознании по отношению ко всем евреям. Классическая «наветная» формула в конце XIX в. временно перекочевала в ритуальные процессы в отношении других этнических групп (мултанское дело). Следует отметить, что как только исчезала идея существования какой-то секты, разрушался и весь сценарный характер процессов. В двух

следующих громких делах XIX в. – кутаисском и люцинском – уже практически невозможно разглядеть классическую ритуальную схему. Здесь мы имеем дело исключительно с местным фольклором, иногда с проявлением элементов любовных историй.

4 апреля 1878 г. в послеобеденное время исчезла малолетняя крестьянская девочка Сара Модебадзе, проживавшая в доме своих родителей в селении Перевиси в двадцати километрах от местечка Сачхери. 6-го апреля в трех километрах от дома был найден ее труп. С полной уверенностью можно сказать, что ребенок заблудился и умер от истощения. Более того, Сара была хромой и, упав от усталости, захлебнулась в потоках стекавшей с гор дождевой воды. Достаточно сложно увидеть какие-либо следы ритуальной схемы. Единственным косвенным доказательством ритуала стали две небольшие раны на пальцах посмертного происхождения. Как потом показали эксперты, их причиной были укусы мелких животных. Версию о насильственном и ритуальном характере похищения и смерти девочки выдвинул ее отец Иосиф Модебадзе, во многом из корыстных побуждений, желая получить компенсацию за смерть ребенка в размере тысячи рублей. В этом его поддержали и соседи, активно лжесвидетельствуя на процессе. Основной уликой против евреев стало то, что они проезжали недалеко от места, откуда пошла домой и не вернулась Сара. К сожалению, объем статьи не позволяет пересказать все перипетии этого длившегося год процесса, блистательную речь присяжного поверенного Александра и т.д. В контексте статьи нас интересует обвинительная мотивация процесса, объяснение причин совершения преступления, имевшего, без сомнения, подоплеку кровавого навета. Самое интересное, что ее просто не было. Для участников процесса было очевидно, что евреи похитили девочку, чтобы замучить, а для чего, как, было неважно. Показательна в этом плане речь т. прокурора Малафеева. «... Скажу несколько слов относительно одного из возражений, которые предвижу со стороны защиты, а именно того, что не доказана цель похищения Сары Модебадзе, по этому поводу замечу, что если бы цель похищения была открыта, то обвинение было бы сформулировано совершенно иначе; к сожалению надо признаться, что многое в этом процессе не досказано, как и во всяком уголовном деле, в этом отношении надо принять во внимание, что мы живем в таком крае, где похищение девочки не представляет ничего особенного. Настоящему делу придали особый характер, особое значение, вследствие чего оно получило громкую известность; но те, которые ожидают разъяснения религиозного характера, не найдут его, и обвинение не может касаться этого вопроса, так как отношение его к делу следствием не разъяснено. Можно, пожалуй, допустить различные предположения; если бы Сара была похищена в Гурии, то виновников искали бы между пограничными

турками и другими лицами, известными в крае передачею детей в Азиатскую Турцию. В более близких к Тифлису местностях нередко бывают примеры продажи девушки известным промышленникам, которые терпят, но не поощряются законом. Конечно, очень жаль, что нам не удалось разъяснить вопрос о цели похищения, но мы можем обойтись и без этого». Процесс закончился оправданием подсудимых. Он вызвал широкую дискуссию на страницах печатных изданий всех уровней и политической окраски¹⁴.

Люцинский процесс (г. Лудза, современная Латвия), состоявшийся осенью 1884 г., еще в большей степени носит фольклорно-романтический характер, чем все предыдущие. 17 ноября 1883 г. из дома Зиммеля Лоцова убежала его служанка Мария Дрич, украв вещей приблизительно на 150 рублей. По следам, оставшимся от саней, было видно, что преступление было совершено Марией вместе с сообщниками, которых первоначальное следствие определило как заезжих воров. В марте 1884 г. был обнаружен труп Дрич. Согласно экспертизе девушка была задушена, а потом брошена в воду, где и пролежала несколько месяцев. Сразу после обнаружения трупа была выдвинута версия о причастности евреев к этому преступлению. По показаниям мачехи покойной и ее соседки, Мария якобы говорила им, что состоит в любовной связи со старшим сыном Лоцовых Янкелем и тот собирается принять православие (М. Дрич была католичкой) и жениться на ней. В день исчезновения Марии в доме Лоцовых было, по различным данным, от 10 до 50 евреев (как потом доказал защитник князь Урусов они просто бы не смогли там поместиться). На этом улики против Лоцовых и заканчивались. Следствие, а затем и обвинение на процессе практически сразу определило основную версию событий. Воры, которые могли убить ненужную свидетельницу, исчезли из материалов дела. Возникла комбинированная схема преступления. Зиммель не мог позволить сыну принять христианство (а это был единственный способ вступить в брак, так как переход в иудаизм был запрещен законом). Убивать сына (чтобы избежать позора) ему, по мнению следствия, не хотелось. Таким образом, единственным способом справиться со сложившейся ситуацией было убийство служанки. Вот на этом этапе и появилась «ритуальная» подоплека событий. Она заключалась в том, что если уж необходимо было убивать, то сделать это следовало с наибольшей пользой, т.е. совместить убийство с неким ритуальным действием. Картина происшедшего получилась зловещей, но впечатляющей. Мария Дрич, выбежав из дома за несколько часов до трагедии, успела сказать проходившей мимо женщине, что это ее последняя ночь и евреи ее убьют. После этого и появилось точно не установленное количество евреев, которые всю ночь в балахонах, при свече, «отбрасывая тени», убивали Марию. На суде защитой была установлена ложность всех показа-

ний, обвиняемых присяжные оправдали, однако, им пришлось покинуть Люцин: население города так и не поверило приговору. Интересно, что прокурор на процессе так и не сформулировал, для чего было нужно ритуальное убийство, заявив, что это не имело к делу никакого отношения¹⁵.

Разразившаяся в 1870–1880 гг. дискуссия о кровавом навете имела мало общего с ее практическим применением в судебном процессе. Первая волна исследований относится к 70-м гг. XIX в. Либерализация цензуры дала возможность свободно затрагивать темы, полтора десятилетия назад оставшиеся под покровом тайны. Без сомнения, причиной популяризации этой темы стала и эмансипация евреев, проникавших в различные области русской культуры и науки. С одной стороны, это дало возможность высказать им свою позицию по наболевшим вопросам, а с другой – вызвало отрицательную реакцию части русского общества. Одной из отличительных черт российской историографии ритуальных процессов является абсолютная непримиримость сторон. Нет практически не одной работы, занимающей нейтральную позицию. Конец семидесятых стал пиком литературно-научного творчества по интересующей нас теме. Это время выхода в свет работ Лютостанского, Хвольсона, Костомарова, Голицына. Именно эти авторы стали центральными фигурами в развернувшейся дискуссии. Подогревал научные страсти и возникший кутаисский процесс. К сожалению, мы не можем здесь проследить все направления и нюансы этой крайне интересной полемики¹⁶.

На наш взгляд, следует отметить мнение известного историка и участника Саратовского дела Н.И. Костомарова. В своей полемике с Д.А. Хвольсоном он попытался привнести возможность существования кровавых ритуалов в научный оборот именно в виде существования неких сект и суеверий (примерно то же самое делал известный казанский этнограф Смирнов в ходе мултанского дела). «Мы безусловно доверяем Хвольсону, что у евреев не существует кровавого обряда, но вполне вероятно можно предположить, что между евреями возникали такие суеверия. Нет и быть не может такого вероисповедания, что все наружно принадлежавшие к нему не способны были б к суеверию... И из Моисеева и из христианского вероучения этого не возникает. Однако мы признаем за нашими единоверцами такие суеверия, почему же мы не можем признать такую за евреями? В чем же исключительность чистоты евреев, что у них не может быть такого суеверия?»¹⁷

В люцинском и кутаисском деле никакого классического «ритуализма», скорее всего, нет. Однако причудливым образом схема, столь привычная для бывших «сектантских» и ставших «еврейскими» делами, всплывает в судебном процессе против вотяков. Проблема религиозной принадлежности вотяков достаточно сильно

волновала российскую власть и окружавшее их местное население. Вотяки были крещены за полвека до описываемых событий. По мнению ряда религиозных деятелей, чиновников и этнографов, они в большей степени были привержены своим первобытным языческим обрядам. Многие считали, что христиане они лишь формально и тайно исповедуют свои странные религиозные ритуалы. 6 мая 1892 г. неподалеку от села со смешанным русско-вотяцким населением было найдено мертвое тело русского крестьянина Матюнина. Спина его распорота, сердце и легкие вынуты, конечности отрублены, а на месте практически не оказалось крови. Все свидетельствовало о ритуальном убийстве. Местные жители показали, что им известно об обычае вотяков приносить в жертву людей в годы великих лишений. Жертва эта приносится главному богу злему духу Курбану. В ритуале присутствует отсечение головы, выпускание крови и изъятие сердца. Иногда после убийства совершается акт ритуальных плясок мужчин и женщин, обнимания и совместное ночное бдение¹⁸. В конечном счете двенадцать вотяков были отправлены тюрьму. В 1894 г. шестеро из них были приговорены к десяти годам каторжных работ. Активный протест российской общественности привел к аннулированию Сенатом приговора и повторному слушанию, где все они были оправданы. Интересно, что среди тех, кто активно защищал вотяков, были и те, кто до этого и после принимал участие в оправдании евреев в схожих ритуальных процессах, например В. Короленко. В период дела Менделя Бейлиса материалы мултанского дела периодически приводились как стороной обвинения, так и защитой.

Ритуальные процессы, возбуждавшиеся официальными органами, практически всегда заканчивались невнятными оправдательными приговорами, основным мотивом которых было недостаточное количество доказательств. И если в лице закона подсудимые были невиновны, то в глазах общественности скорее наоборот. Таким образом, каждый такой процесс играл роль стимулятора традиции. Важным было и широкое распространение обычного права среди российского населения. В этом случае официальное признание ритуальных процессов большой роли не играло.

Ритуальные процессы в Российской империи возникали и проводились в *последнюю* очередь, чтобы доказать употребление евреями крови. Их целью было, с одной стороны, укрепление и поддержание в общественном сознании мифа о существовании среди евреев какого-то кровавого ритуала, а с другой – использование этой укоренившейся мифологемы во внутренней политике. При таких задачах не важно, как заканчивался тот или иной процесс, осадок всегда оставался. В равной степени кровавый навет не был инкорпорирован и в религиозную практику. В ней классическая формула ритуальных процессов

проявлялась в периоды кризисов церковных институтов. В отношении евреев, сектантов абсолютно любых разновидностей от экстатических до рациональных сект, крещеных инородцев и т.д. существовала примерно схожая формула навета. Таким образом, к концу XIX в. кровавый навет прочно занял фольклорную нишу в общественном сознании без какой-либо устойчивой ритуальной схемы, идеологической базы, мотивации и с одной лишь уверенностью большинства населения в его существовании. Именно полуофициальная фольклорная ниша давала возможность поливариантной трактовки ритуала. Как правило, теория шла постфактум судебных процессов, опровергая или поддерживая кровавый навет, в малой степени влияя на общественное сознание.

Примечания

- ¹ См.: *Панченко А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- ² См.: *Кацис Л.* Церковно-общественный контекст «ритуального дела Бейлиса в Российской империи 1900-х – 1910-х годов // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской традиции. М., 2004. С. 304.
- ³ См.: *Гессен Ю.И.* Из истории ритуальных убийств. Велижская драма. СПб., 1904. С. 21.
- ⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1221. Д. 626. Л. 3.
- ⁵ См.: *Джераси Р.* Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «мултанское дело» 1892–1896 годов // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 232.
- ⁶ См.: *Даль В.И.* Разыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Напечатано по приказанию министра внутренних дел. СПб., 1844. Цит. по: Русский архив. 1874.
- ⁷ См.: *Даль В.И.* Исследование о скопческой ереси. СПб., 1841.
- ⁸ 7 марта 1817 г. Министр духовных дел и народного просвещения князь Голицын разослал губернаторам циркуляр с монаршей волей:
«По поводу оказывающихся и ныне в некоторых от Польши присоединенных землях изветов на евреев об умерщвлении ими христианских детей, якобы для крови, Его Императорское Величество, приемля во внимание, что таковые изветы и прежде неоднократно опровергаемы были беспристрастными следствиями и королевскими грамотами высочайше повелеть изволил: объявить всем управляющим губерниями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик, по одному предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови»
- ⁹ См.: *Тривус М.* Ритуальные процессы дореформенного русского суда // *Еврейская старина.* 1912. № 5. С. 260.
- ¹⁰ *Левинсон П.* «Саратовское дело» об убийстве двух мальчиков с религиозной целью // *Журнал гражданского и уголовного права.* 1880. № 2.
- ¹¹ Скорее всего, имеется в виду дамасское дело. В 1840 г. в Дамаске несколько евреев были обвинены в ритуальном убийстве настоятеля французской католической миссии. Следственное производство и арест дамаских евреев египетским наместником активно поддержал французский консул. Происходящее в Сирии вызвало негативную реакцию в европейских странах и в Северной Америке. Российская империя также встала в ряды протестовавших.
- ¹² См.: *Левинсон П.* «Саратовское дело» об убийстве двух мальчиков с религиозной целью.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Кутаисский процесс. Дело о похищении и умерщвлении евреями крестьянской девочки Сары Модебадзе. Стенографический отчет. СПб., 1879.
- ¹⁵ См.: Люцинское дело по обвинению Лоцовых, Гуревича и Маих в убийстве Марии Дрич. Стенографический отчет. СПб., 1885.
- ¹⁶ См. подробнее: *Хвольсон Д.А.* О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. СПб., 1861; *Он же.* Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879.; *Он же.* Ответ на замечание Н.И. Костомарова «по поводу брошюры, изданной Г. Хвольсоном: употребляют ли евреи христианскую кровь?» // *Новое время.* 1879. № 1192.; *Хойнауцкий А.* Новый факт по весьма давнему и тяжкому обвинению на евреев (из дела об урезанном языке на Вольне 1833 г.) // *Труды Киевской Духовной Академии.* 1869. Т. 3. С. 66–95; *Он же.* Здолбицкий мученик. Древняя и новая Россия. СПб., 1879.; *Акты издаваемые Виленскую Археографическую Комиссией.* Т. 5. Вильна, 1871; *Голицын Н.Н.* Материалы для изучения еврейского вопроса в России. Каменец-Подольск, 1873. Т. 1; *Он же.* Употребляют ли евреи христианскую кровь? Варшава, 1879; *Лютостанский И.* Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей, в связи с вопросами об отношениях еврейства к христианству вообще. М., 1876; *Протопопов В.И.* Об употреблении христианской крови для религиозных целей. СПб., 1877; *Шуарин Н.Д.* Об употреблении евреями христианской крови и несколько слов о наших отношениях к евреям вообще. СПб., 1877; *Он же.* Последние выводы из сказанного об употреблении евреями в России христианской крови. СПб., 1880; *Державин Г.Р.* Мнение об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обуздании корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем // *Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота.* СПб., 1878. Т. 7. С. 261–355; *Алабин П.В.* И.Б. Левинзон // *Русская старина.* 1879. Май. С. 227–228; *Костомаров Н.И.* Замечание по поводу Г. Хвольсона: употребляют ли евреи христианскую кровь? // *Новое время.* 1879. № 1172; *Барсов Н.* Мнение протоиерея Г.П. Павского по вопросу употребления евреями христианской крови для религиозных целей // *Церковный вестник.* 1879. № 20; *Полный стенографический отчет кутаисского дела с приложением решения в окончательной форме и топографические съемки местности.* СПб., 1879; *Быховский В.* Слово правды по поводу обвинения евреев в употреблении христианской крови. СПб., 1880; *Левинсон П.* «Саратовское дело» об убийстве двух мальчиков

с религиозной целью. С. 11–76; № 3. С. 1–55; № 4. С. 1–58; *Он же*. Еще о «Саратовском деле» // *Восход*. 1881. № 4; *Олесницкий А.* Откуда вышла легенда об употреблении евреями христианской крови // *Киевские епархиальные ведомости*. 1881. № 14–15; *Лютастанский И.* Современный взгляд на еврейство СПб., 1882; Письмо Э. Ренана к Л. Лившицу относительно употребления евреями христианской крови // *Рассвет*. 1882. № 51; Тисса-Эсларское дело // *Русский еврей*. 1882.

№ 26; 1883. № 16, 23–30, 32–34, 48; *О.П.* Разыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении их // *Киевлянин*. 1883. № 203; *Левинзон И.Б.* Дамоклов меч. СПб., 1883; *Вершацкий С.А.* Литовские евреи. СПб., 1883; *Кассель П.С.* Символика крови. СПб., 1882 и др.

¹⁷ *Костомаров Н.И.* Указ. соч.

¹⁸ См.: *Баранов А.Н.* Воспоминания о мултанском деле // *Вестник Европы*. 1913.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Рецензия на кн.: **Никулина Т.С. Средневековый Любек.** Самара: Самарский университет, 2006. 356 с.

А.Н. Галямичев

Монография Т.С. Никулиной посвящена одной из самых увлекательных страниц истории городов эпохи Средневековья: автор обращается к столице легендарной северогерманской Ганзы, городу, окружённому ореолом славы и романтических легенд. Поскольку в нашей историографии до выхода в свет этой книги не было обобщающих работ по истории Любека, то можно с полным правом отметить, что рецензируемая монография восполняет важный пробел в отечественной медиевистике.

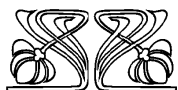
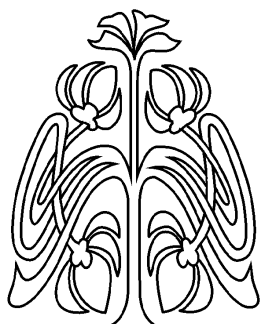
Авторское обоснование новизны и значимости предпринятого исследования содержится во введении, особенностью которого является преимущественное внимание к источниковедческим сюжетам (с. 17–27). Это обусловлено, с одной стороны, исключительной обширностью и разнообразием использованного автором корпуса источников (документальных, юридических, нарративных) на латинском, средневерхненемецком и (что особенно сложно) средненижненемецком языках. С другой стороны, преимущественное внимание к источникам во введении определяется своеобразием структурного построения работы: её первая глава («Ранняя история Любека») носит в основном вводно-очерковый характер, она призвана представить предысторию XIV–XVI столетий, на которых сосредоточено главное внимание Т.С. Никулиной.

Первая глава монографии содержит немало ценных, новых для нашей литературы наблюдений. В первом её параграфе ставится вопрос об особенностях городского развития в областях восточной немецкой колонизации, причём Любек, по оценке Т.С. Никулиной, «представляет собой образец классического развития немецкого города, основанного в колонизованной области восточнее Эльбы» (с. 48). Хотелось бы при этом видеть более систематизированную характеристику специфики градообразовательного процесса на землях к Востоку от Эльбы. Не совсем понятно, что автор имеет в виду, когда говорит о «внутренней целостности городской истории, которая так характерна для Любека» (с. 37).

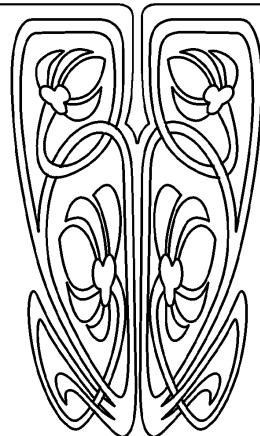
Очень интересными представляются страницы, посвящённые любекской церкви св. Марии и её роли в истории города (с. 44–48). Они как бы вводят читателя в своеобразный мир столицы Ганзы, знакомят с историей самого величественного из творений «кирпичной готики», ставшего безмолвным героем классических произведений Томаса Манна.

Второй параграф первой главы содержит краткий очерк истории взаимоотношений немецких городов и императорской власти. Автор выявляет причины такого своеобразного явления политической истории средневековой Германии, как союзы городов, прослеживает основные этапы становления крупнейшего из них – северогерманской Ганзы – и утверждения Любека в качестве её главного центра. Пожалуй, материал именно этой главы в наибольшей степени отмечен очерковым характером и, на наш взгляд, было бы предпочтительнее не обособлять его в качестве самостоятельной структурной части работы, содержащей обширные экскурсы в общую историю Германии, а излагать в контексте собственно любекской истории.

Что же касается последующих глав работы (II–VII), то они тесно связаны между собой логикой осмысления основных тенденций социально-экономического развития города и той драматической

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

социально-политической борьбы, которая происходила в нём на протяжении XIV–XVI столетий.

Вторая глава представляет собой нацеленный на рассмотрение этих сюжетов историографический очерк («Основные проблемы внутреннего развития Любека в XIII–XV вв. в немецкой историографии XX в.»). Т.С. Никулина предлагает вниманию читателя обстоятельный (с. 72–94) анализ работ трёх выдающихся исследователей любекской истории – Ф. Рёрига, А. фон Брандта и К. Фридланда. Материал главы вводит читателя в круг основных проблем социально-экономической истории средневекового Любека, однако обзору, по нашему мнению, недостаёт критичности в оценках вклада этих действительно незаурядных исследователей в дело изучения истории средневековых городов Германии. Кроме того, говоря о том, что «история Ганзы и связанных с нею городов Северной Германии – один из самых исследованных сюжетов немецкой исторической науки XVIII–XIX вв., где сложилась традиционная тематика» (с. 72), Т.С. Никулина невольно вызывает чувство досады у читателя тем, что оставляет за рамками рассмотрения творческие искания немецких историков двух названных столетий, которые принесли немецкой науке мировую славу.

Третья глава («Экономическое развитие Любека в XIV–XVI вв.») занимает, на наш взгляд, центральное место в монографии Т.С. Никулиной. Именно на её страницах в полной мере раскрывается её исследовательский талант, умение анализировать сложные тексты, составители многих из которых не были заинтересованы фиксировать реальное положение вещей, а скорее были склонны скрывать его. Самое главное – Т.С. Никулина сумела выявить конкретные формы начавшегося в Любеке со второй половины XV в. процесса разложения средневековых цеховых порядков и становления раннекапиталистических отношений (с. 117–135). Особая значимость этих выводов определяется тем, что процесс зарождения капиталистических отношений в Германии в нашей науке вообще изучен недостаточно, а то, что до сих пор было сделано в этом направлении, относится преимущественно к горному делу, а географически – главным образом к Южной Германии.

В работе Т.С. Никулиной, к сожалению, нет ясного ответа на вопрос о социальных корнях изначального любекского промышленного предпринимательства. Соблазнительно было бы искать их среди ганзейского купечества, тем более что автор отмечает новые явления в развитии торговли в XIV–XV вв. (в частности, с конца XV в. отмечается возникновение паевых компаний), рисует галерею ярких портретов «новых людей» – богатых, предприимчивых, энергичных купцов, чья деятельность была связана с купеческими и судовладельческими компаниями (с. 106–115). Однако проследить процесс проникновения купеческого капитала в ремесло Любека автору не удалось, и, возможно, именно в этом коренились главные движущие пружины той социальной борьбы, которая красной нитью проходит через историю Любека XIV–XVI вв.

Первая стадия этой борьбы подробно рассматривается в четвёртой главе монографии («Социальные конфликты в Любеке в XIV–XV вв.»), в первом параграфе которой прослеживается механизм обострения социальных противоречий: Т.С. Никулина показывает, что в его основе лежал рост экономической силы и политического самосознания средних слоёв бюргерства (средних купцов, мелких торговцев, цеховых ремесленников), которые в указанный период «оставались отстранёнными от реального участия в решении важнейших внутри- и внешнеполитических дел города» (с. 164). Власть в городе продолжал удерживать в своих руках верхний правящий слой, образованный одновременно с основанием города богатым купечеством, занимавшимся международной торговлей, но в XIV–XV вв. постепенно превращавшийся «в собственника земельных участков и рент» (с. 154). В заглавии параграфа («Городская элита и городская община Любека») Т.С. Никулина употребляет термин «элита», но нам представляется более корректным для определения сути этого явления термин «городской патрициат», который имеет гораздо более узкое значение и своими корнями уходит к памятникам городской истории средневековья (кстати, сама Т.С. Никулина в тексте своей работы гораздо чаще оперирует термином «патрициат», нежели «элита»).

Второй и третий параграфы четвёртой главы подробно рассматривают важнейшие эпизоды социальной борьбы в Любеке XIV–XV вв. – выступление мясников в 1380–1384 гг. и восстание 1408–1416 гг., остававшиеся прежде за пределами внимания отечественных медиевистов.

В пятой главе монографии («Социальный облик города перед Реформацией») Т.С. Никулина показывает процесс стремительного нарастания социальных противоречий в Любеке во второй половине XV – начале XVI в., который определялся отчасти упадком ганзейской посреднической торговли, но главным образом разложением цеховых форм ремесла и торговли, усиливавшейся имущественной дифференциацией горожан. Своёобразие складывавшейся в городе ситуации, как показывает автор, определялось, с одной стороны, сложным переплетением различных социальных противоречий, а с другой – определённой интеграционной тенденцией: «Все сходились на ненависти к патрициату и союзной с патрициатом церкви и совету, чья социальная политика носила узкословный, полуфеодалный, реакционный характер» (с. 233).

Ярким материалом источников насыщена шестая глава книги, где автор подробно освещает страницы истории Реформации в Любеке и её наиболее яркое проявление – движение Юргена

Вулленвевера, который, по мнению Т.С. Никулиной, был «самой значительной личностью в многовековой истории Ганзы и Любека» (с. 316). Рассмотрев событийный ряд истории Любека эпохи Реформации, основные черты политики Вулленвевера и причины поражения возглавлявшегося им движения, Т.С. Никулина уже в заключении к своей монографии ставит вопрос о «городской реформации» в ганзейских городах Северной Германии как особом типе социальной борьбы в немецких землях эпохи Реформации (с. 314–316). Последняя мысль представляется весьма плодотворной для дальнейшего осмысления германской Реформации и её исторической роли в судьбах немецкого народа.

Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2007 года). СПб., 2007. 244 с.

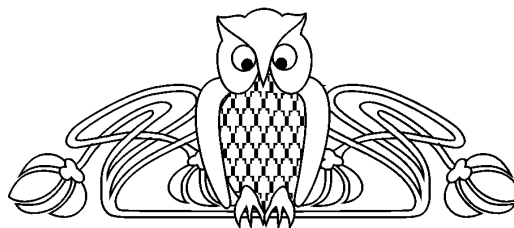
О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovaOV@mail.ru

Количество статей и монографий, посвященных различным направлениям в общественном движении России XIX в., а также отдельным общественным и государственным деятелям эпохи в современной исторической науке уже наверняка достигло той стадии, на которой становится возможным обобщение накопленного багажа фактов и наблюдений. Опыты обобщающих исследований в рамках обозначенной проблематики сейчас уже не редкость, тем не менее, именно в адрес этих авторов можно чаще всего услышать критические отзывы и упреки рецензентов¹. Зачастую в обобщающих работах по истории общественного движения либо вызывает сомнения настойчивое проведение достаточно схематичных концепций, либо, напротив, не обнаруживаются исследовательское поле и научная новизна. Вместе с тем в монографиях, посвященных конкретным проблемам, личностям, этапам в становлении и развитии консерватизма, либерализма, радикализма в России, их взаимодействию с правительственной политикой, гораздо чаще можно встретить современные научные подходы, взвешенные оценки, интересные интерпретации источников и т.п. Возможно, путь к решению проблемы связан с поиском эффективных способов научного общения ученых, работающих в общих направлениях, так как, видимо, написание обобщающих работ по истории общественной мысли и общественного движения в России под силу только коллективам авторов и научным группам. И, конечно же, очень

Основной текст работы дополняют скрупулезно составленные на основании извлеченных автором из источников таблицы, позволяющие дополнить и конкретизировать отдельные положения монографии и обширный список использованных источников и литературы (с. 335–355).

Обобщая вышесказанное, отметим, что с выходом в свет монографии Т.С. Никулиной наша историческая литература пополнилась интересным, исключительно обстоятельным исследованием, материалы и выводы которого позволяют существенно дополнить сложившиеся представления как об истории Любека и Ганзы, так и средневекового городского развития в целом.

большое значение приобретают конференции, круглые столы, семинары и изданные по их результатам сборники и материалы.

Вполне очевидно, что из огромного количества сборников, изданных по результатам различных научных конференций, только те из них представляют действительную научную ценность, которые объединены определенным тематическим единством и отражают научное общение специалистов, заинтересованных общей проблематикой. Читатель, взявший в руки сборник «Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек», станет участником живого, интересного научного общения. Следует отметить, что конференции, посвященные отдельной личности в истории – большая редкость. Но, конечно же, личность К.П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, видного государственного деятеля, оказывавшего значительное влияние на идеологию и политику самодержавной власти, известного юриста и самостоятельного мыслителя, оправдывает такое внимание.

Международная юбилейная научная конференция, посвященная К.П. Победоносцеву, состоявшаяся в июне 2007 г. в Петербурге, несколько необычна. Среди ее организаторов – Санкт-Петербургская митрополия, Воскресенский Новодевичий монастырь, Воскресная школа Новодевичьего монастыря. Среди ее участников – историки, философы, филологи, представляющие научные институты и высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Волгограда, Саратова, Южной Кореи, магистры и кандидаты богословия, священники. Большинство статей отличается высоким научным уровнем, многие из них основаны на новых архив-

ных изысканиях. При этом материалы сборника не создают впечатления калейдоскопа мнений и наблюдений, разрозненных, механически объединенных исследований. Напротив, читатель составит вполне целостное представление о личности и эпохе, обнаружив взгляд на одни и те же проблемы и сюжеты с разных точек зрения. Пожалуй, даже удивительно, что разные авторы смогли создать ощущение цельности натуры и мировоззрения К.П. Победоносцева, объясняя различные аспекты его деятельности и взглядов, исходя из определенных общих позиций. Целый ряд исследований обнаруживает внутреннее логическое единство, заметна перекличка частных сюжетов (например, не раз упоминается влияние основоположника практической социологии Ф. Ле-Пле на взгляды Победоносцева, несколько раз исследователи обращаются к личности консервативного церковного мыслителя Т.И. Филиппова и т.п.)

Статьи, представленные в сборнике, можно подразделить на четыре тематические рубрики (к сожалению, редакционная коллегия не сочла возможным обозначить их в содержании, в котором выделены два раздела: статьи и публикации). Их можно было бы сформулировать следующим образом: основы мировоззрения и научные взгляды К.П. Победоносцева; его участие в политической жизни; церковная деятельность; Победоносцев во взаимоотношениях с современниками, в их отзывах и оценках.

Следует отметить, что многие авторы, принявшие участие в конференции, предлагают весьма убедительное объяснение различных сторон деятельности и взглядов К.П. Победоносцева, основанное на понимании особенностей его личностно-психологического склада и характерного ему способа философского осмысления мира. Не случайно первая статья в сборнике – размышления А.И. Пешкова о К.П. Победоносцеве как «православно-русском мыслителе». По мнению А.И. Пешкова, наиболее важное значение имели гносеологические представления Победоносцева, настаивавшего на требовании цельности «живого» знания, включающего разные характеристики человеческого бытия (ум, чувство, воля). С философом А.И. Пешковым соглашается историк В.В. Ведерников, также усматривающий гносеологическую основу консервативного мировоззрения в противопоставлении конкретики «живой жизни» рационализму абстрактного знания. Следующее размышление Победоносцева вполне подтверждает эту мысль: «Жизнь – не наука и не философия; она живет сама по себе, живым организмом... В применении к жизни всякое положение науки и философии имеет значение вероятного предположения, гипотезы, которую необходимо всякий раз поверить здравым смыслом и искусным разумом по тем явлениям и фактам, к которым требуется приложить ее; иное применение общего начала было бы насилием и ложью в жизни»². Постановка вопроса о гносеологических основах

мировоззрения К.П. Победоносцева, конечно же, не была бы обоснованной без обращения к научному творчеству мыслителя в области права и истории. Тем больший интерес представляет статья Ю.Г. Степанова о Победоносцеве как историке крепостного права. Исследователь показал развитость историзма мышления Победоносцева, его ориентированность на ценность опытного знания, последовательное изучение источников и исторических фактов. Возвращаясь к статье А.И. Пешкова, следует отметить небезынересное замечание о том, что наиболее важные взгляды Победоносцева на природу власти, религии, общества не были теоретически развернуты и систематизированы именно по причине установки на «живую конкретику» восприятия. Но от внимания А.И. Пешкова ускользнул тот факт, что о недостаточности и даже вреде господства отвлеченного мышления размышляли и писали в XIX в. далеко не только приверженцы политического консерватизма и, тем более, не только исходя из преданности православному вероисповеданию. Специфика мировоззрения Победоносцева вряд ли получает полное объяснение в категориях «православно-русского просвещения», также небесспорно утверждением о том, что обер-прокурор рассматривал власть «в общем виде, безотносительно к ее конкретным формам, обосновывая свой взгляд на нее в контексте христианского нравоучения» (с. 13).

В связи с пониманием специфики мировоззрения К.П. Победоносцева большой интерес представляет статья профессора экономики из Южной Кореи К. Мондэй, исследовавшего сюжет о влиянии школы Фредерика Ле-Пле в России³. К. Мондэй также уделяет особое внимание консервативному способу мышления, общему, к примеру, для Э. Берка, Т. Карлейля, Ф. Ле-Пле и К.П. Победоносцева. (Отказ от идеи всеисильности человеческого разума и безграничных и равных от природы возможностей людей обуславливал отказ от проведения сознательных общественных реформ, направленных на достижение общественной гармонии, критику «ложных догматов» эпохи либерализма и попытку заменить их авторитетом воспитывающей и исправляющей власти). Но при этом К. Мондэй подчеркивает специфику взглядов и деятельности Победоносцева и приходит к выводу об одностороннем, искаженном и поверхностном влиянии Ле-Пле и его школы. В учении Ле-Пле неизмеримо сильнее была «область права и частной собственности», а отрицательное отношение к официальной государственной религии сближало Ле-Пле более с Л.Н. Толстым, нежели с К.П. Победоносцевым. Глубинные различия русской и западной консервативной мысли на примере взглядов Победоносцева отмечены также в статье А.Ю. Полунова «К.П. Победоносцев и общественно-политическая жизнь Великобритании».

Своеобразным «мостиком», соединяющим воедино личностно-философские позиции и по-

литические взгляды К.П. Победоносцева, можно считать статью В.В. Ведерникова. Исследователь выделяет три течения в политическом консерватизме XIX столетия в зависимости от отношения к концепции прогресса и системе ценностей буржуазного общества: «эволюционный консерватизм», допускающий изменения в рамках существующей системы и нацеленный, главным образом, на защиту социальных интересов элитных слоев общества; «охранительство», ориентированное на сохранение status quo и скептически настроенное к любым переменам; «реакционный реформизм», представляющий собой активное отторжение норм и ценностей буржуазного общества и нацеленный на восстановление идеалов традиционного общества. По мнению В.В. Ведерникова, Победоносцев был «охранителем» в решении текущих политических проблем, но «реакционным реформистом» в фундаментальных мировоззренческих установках.

Участие К.П. Победоносцева в политической жизни рассматривается в статьях В.В. Ведерникова, В.Г. Чернухи, А.Ю. Полунова, И.В. Лукоянова, Д.М. Софьиной, Н.Н. Виноградовой. В.В. Ведерников и В.Г. Чернуха обратили внимание на ранний этап политической деятельности Победоносцева (1850–1860-е гг.), когда он вполне «вписывался» в группу либеральных реформаторов. В.В. Ведерников высказал предположение, что восприятие Победоносцевым ставки либеральной бюрократии на инициативную и сильную государственную власть впоследствии облегчило его консервативную эволюцию («общество как объект воспитания», таким образом, было уже хорошо знакомо в качестве фактора идеологии). Н.Н. Виноградова, опираясь на теоретические достижения исследователя «сценариев власти» Р.С. Уортмана, определяет роль Победоносцева в «трансляции образа новой власти» через составление коронационных манифестов 1883 и 1896 гг. И.В. Лукоянов и Д.М. Софьян обращаются к позднему этапу политической биографии Победоносцева, исследуя его взаимоотношения с Николаем II и великим князем Сергеем Александровичем. Взгляды Победоносцева на внешнюю политику стали предметом анализа А.Ю. Полунова, отметившего некоторые противоречия в воззрениях Константина Петровича на политическую жизнь и культуру западных стран и предположившего его значительное влияние в общении между У. Гладстоном и российскими правительственными кругами в обсуждении Восточного вопроса в 1877–1878 гг.

Целый ряд статей посвящен взаимоотношениям К.П. Победоносцева и его современников: Н.П. Гилярова-Платонова, А.А. Измайлова, Т.И. Филиппова, К.Н. Леонтьева, Э.Д. Уайта, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), епископа Порфирия (Успенского). Изучение личных взаимоотношений Победоносцева, так же как и оценок, данных ему современниками, помогает лучше понять

его человеческий облик и те факторы, которые способствовали определенному восприятию его личности и деятельности. Заставляет задуматься, к примеру, следующий отзыв американского дипломата Э.Д. Уайта: «Его жизнь представляет весьма интересное исследование искусства управления церковью, государством и человеческой природой и показывает, как некоторые люди, наиболее строго осуждаемые современными историками – великие гонители, инквизиторы и тому подобное – могут основывать свои действия на теориях, которые мир мало понимает, и иметь столь же незначительную сознательную жестокость, как их более терпимые соседи» (с. 86, статья В.Н. Плешкова «Эндрю Диксон Уайт о встречах с К.П. Победоносцевым»). Значительный интерес представляют статьи, в которых рассматриваются отношения Победоносцева с церковно-общественными деятелями, церковными мыслителями. Так, О.Л. Фетисенко и С.И. Алексеева обратили внимание на оценки, данные Победоносцеву Т.И. Филипповым, соперничавшим и во многом не соглашавшимся с первым. Вообще, негативные оценки, данные Победоносцеву другими представителями консервативной и церковной мысли, особенно любопытны. О.Л. Фетисенко вскрывает суть разногласий К.П. Победоносцева и Т.И. Филиппова: для Филиппова было неприемлемым угнетенное положение церкви в качестве служанки государства, в то время как для Победоносцева «церковь в ее земной ипостаси – часть государства, которой отведено почетное, но ограниченное место» (с. 117).

Вполне обоснован проявленный многими авторами сборника интерес к деятельности и взглядам К.П. Победоносцева в области церковной жизни и управления церковью. Нельзя не отметить, что ряд статей несет на себе отпечаток свежих, нестандартных взглядов и, несомненно, способствует преодолению стереотипного восприятия темы. Так, в статье Н.С. Крылова предпринята попытка разоблачения мифа об «обер-прокурорском засильи» в делах церкви. С точки зрения исследователя, обер-прокурор не мог решиться на открытые конфликты с церковными иерархами, а напротив, старался сохранять с ними добрые отношения, при этом отношения обер-прокурорской канцелярии и Синодальной строились по принципу от низшей инстанции к высшей. А.В. Карпов задается вопросом, «государственность церкви или церковность государства» была приоритетной целью К.П. Победоносцева, и приходит к следующему выводу: «не собственно власть государства над церковью имела для него значение, а именно исполнение государством своей миссии – поддерживать церковь и веру Христову» (с. 103). А.В. Карпов показывает разрыв реальной государственной политики в религиозной сфере (особенно на рубеже XIX–XX вв.) с идеями и идеалами К.П. Победоносцева. Впрочем, со страниц сборника доносятся и отклики полемики их авторов. К примеру, священник

Илия Соловьев, изучивший взаимоотношения Победоносцева и митрополита Антония, признавая, что обер-прокурор желал церкви только добра и процветания, тем не менее, пришел к выводу о том, что вся его политика по отношению к церкви «основывалась на приоритетном соблюдении государственных, «утилитарных», мирских, а не церковных интересов» (с. 160).

Кроме того, К.П. Победоносцев предстает вниманию читателей сборника в малоизвестных сторонах своей деятельности: как переводчик Нового Завета и автор лирико-религиозного произведения светской литературы, написанного в церковном жанре «Праздники Господни» (статьи М.В. Грехнева и М.А. Миркиной). Нельзя не согласиться с М.В. Грехневым в том, что церковно-литературное наследие и писательская манера Победоносцева могут пролить новый свет на политическую деятельность и личность обер-прокурора, кроме того, являются ярким свидетельством его личной религиозности.

Конечно же, применительно к отдельным положениям или общему смыслу ряда статей вполне возможны критические замечания. Очень дискуссионный характер имеют основные положения статьи священника Георгия Ореханова «Путь к отлучению (к истории личных отношений К.П. Победоносцева и Л.Н. Толстого)». К тому же, в этой статье допущено явное искажение смысла источника. Дневниковая запись А.С. Суворина «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая II и его династии» никак не может служить подтверждением той мысли, что Толстой «в течение тридцати лет развращал русский народ и русскую молодежь», как это следует из текста статьи (с. 153). Неубедительной представляется попытка Д.М. Софьина оценить отношения великого князя Сергея Александровича и Победоносцева в контексте сложного идейного взаимодействия и противостояния традиционализма и «консерватизма в виде славянофильских воззрений». Такая концепция выглядит очень схематичной и, во всяком случае, очень спорно определение

«славянофильских воззрений» в применении к столь позднему периоду.

Впрочем, большинство замечаний, которые, возможно, сделают читатели сборника, носит частный характер. В целом же сборник материалов конференции памяти К.П. Победоносцева можно считать значимым явлением в историографии, которое наверняка привлечет внимание специалистов и широкого круга читателей. Этому в немалой степени способствует наличие второго раздела сборника, в котором представлены публикации источников, подготовленные В.В. Ведерниковым. Ряд источников впервые вводятся в научный оборот. Отобранные тексты отображают вехи мировоззренческой и политической эволюции К.П. Победоносцева. В разделе публикаций представлены воспоминания Победоносцева, относящиеся к годам начала служебной карьеры, его публицистическая статья «Съезд юристов в Москве», опубликованная в «Гражданине» в 1873 г., в рубрике «Переписка» помещены письма Победоносцева к К.Д. Кавелину, И.С. Аксакову, С.А. Рачинскому, переписка К.П. Победоносцева и Е.А. Победоносцевой с А.Г. Достоевской.

Наконец, нельзя не отметить украшающий и содержательно дополняющий сборник хорошо подобранный иллюстративный и иконографический материал.

Примечания

- ¹ См., напр., рецензии: *Кутаев В.А.* Сколько лиц у русского либерализма? (Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004) // Освободительное движение в России. Саратов, 2007. Вып. 22; *Он же.* Энциклопедия русских идей (Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2005) // Историкографический сборник. Саратов. 2007. Вып. 22; Обсуждаем энциклопедию «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.» // Отечественная история. 2006. № 4.
- ² Московский сборник / Издание К.П. Победоносцева. 5-е, дополненное. М., 1901. С. 117.
- ³ См.: *Ле-Пле Ф.* Основная конституция человеческого рода / Пер. с фр. К.П. Победоносцева. М., 1897.

ХРОНИКА

23–24 июня 2008 г. состоялась **Всероссийская научная конференция «Проблемы истории Англии в средние века и раннее новое время: экономика, политика, культура»**. Конференция была организована Институтом истории и международных отношений СГУ и приурочена к 85-летию доктора исторических наук, профессора **Марии Моисеевны Ябровой**, одного из виднейших в нашей стране специалистов по истории английского Средневековья, более 40 лет своей жизни отдавшей кафедре истории средних веков СГУ. В конференции приняли участие 26 историков из вузов Саратова, Воронежа, Иваново, Нижневартковска, Санкт-Петербурга, а также Института всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), Москва.

В центре внимания участников конференции находились вопросы истории Англии XVI–XVII вв. – столетий Реформации и Революции – эпохи динамичного обновления английского общества, когда сложился мощнейший движущий механизм ее прогрессивного развития, превратившего Англию в величайшую из мировых держав XVIII–XIX вв.

Из заслушанных докладов следует особо выделить доклад ведущего научного сотрудника ИВИ РАН Марины Владимировны Винокуровой, в котором был рассмотрен один из малоизученных вопросов аграрной истории Англии XVI в. – проблема «последних вилланов» и опыт ее изучения в российской науке.

Профессор Ивановского университета Владимир Александрович Евсеев остановился на вопросах экономического развития малых английских городов на рубеже Средних веков и раннего Нового времени.

Профессор Саратовского государственного социально-экономического университета Ирина Яковлевна Эльфонд обобщила результаты своих исследований английской и французской общественной мысли раннего Нового времени по такому интересному и вечно актуальному вопросу, как женское правление.

Доктор исторических наук, доцент СГУ Лариса Николаевна Чернова рассмотрела особенности матримониальных отношений внутри правящей элиты Лондона на рубеже XIV–XV вв.

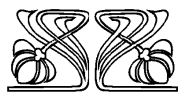
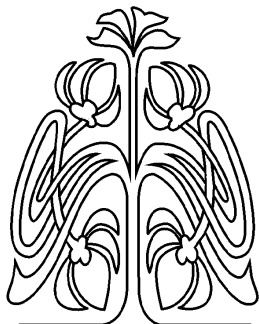
Различные аспекты истории Англии в Средние века поднимались в докладах Е.Е. Савицкого, А.А. Анисимовой, С.С. Шевакова (ИВИ РАН), В.Н. Ерохина (Нижневартковский гуманитарный университет), А.Ю. Золотарева (Воронежский институт экономики и права), К.А. Мурсалимова (Воронежский университет), А.А. Макарова (СГСЭУ), С.Е. Киясова, О.В. Королевой, Я.Н. Рабиновича, А.Н. Галямичева (СГУ).

Доцент СГУ Людмила Ивановна Солодкова охарактеризовала роль издаваемого кафедрой истории средних веков межвузовского сборника научных трудов «Средневековый город» и в связи с этим саратовской школы урбанистов в развитии отечественной науки.

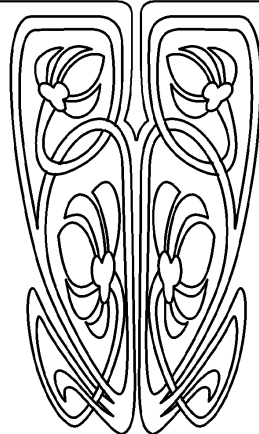
Доцент СГУ Лариса Михайловна Лукьянова, плодотворно работающая над переводами философских произведений Петрарки, выступила с докладом «Цицерон и гендерные темы у Петрарки».

Заочное участие в конференции приняли А.К. Гладков (ИВИ РАН), Е.А. Кирьянова (МГУ), Ю.Ф. Игина (Санкт-Петербургский университет), М.А. Гусева (Ивановская сельскохозяйственная академия), А.Г. Глебов (Воронежский университет), представившие стендовые доклады.

По окончании официального регламента конференции состоялся круглый стол «М.М. Яброва: личность и научное творчество», в рамках которого выступили ее ученики и коллеги, отметив те профессиональные и личностные качества М.М. Ябровой, которые обусловили непререкаемый авторитет и глубокое уважение, которыми она пользовалась среди студентов и преподавателей исторического

ПРИЛОЖЕНИЯ

факультета СГУ, специалистов по средневековой истории Англии.

Подводя научные итоги конференции, ее участники отметили плодотворность обмена мнениями, живого общения специалистов, занимающихся увлекательными сюжетами британской истории эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Также была выражена благодарность за высокий уровень организации конференции.

Заведующий кафедрой истории
средних веков СГУ, доктор исторических наук,
профессор *А.Н. Галямичев*

Международная конференция «Россия – СНГ: формирование моделей регионального сотрудничества (междисциплинарный подход)» в Саратовского государственного университета

15–16 июля 2008 года в СГУ проходила Международная конференция «Россия – СНГ: формирование моделей регионального сотрудничества (междисциплинарный подход)», которая стала первым этапом реализации сетевого проекта «Геополитика Каспийского региона». В качестве соорганизаторов конференции выступили Научно-образовательный центр сотрудничества со странами СНГ и Балтии СГУ и Институт истории и международных отношений СГУ.

Конференция проходила в течение двух дней. 15 июля состоялось пленарное заседание, а на следующий день работа шла в двух секциях: «Проблемы межрегионального сотрудничества в СНГ» и «Политика, экономика, безопасность в СНГ: региональные аспекты». Поскольку мероприятие имело международный статус, то для участия были приглашены ученые из США, Армении, Украины, Казахстана. Кроме того, активное участие в конференции приняли представители землячества и национальных общин под эгидой Ассамблеи народов Саратовской области.

Ректор СГУ, профессор Л.Ю. Коссович поприветствовал участников и гостей конференции и назвал три фактора, которые определили возмож-

ность и необходимость проведения мероприятия такого масштаба в СГУ: статус классического университета, возросшая активность международной деятельности университета, а также общее инновационное развитие. Собравшихся поприветствовал и директор Института истории и международных отношений В.Н. Данилов, который обратил внимание на то, что нам необходимо не только вырабатывать пути сотрудничества со странами СНГ, но и сохранять самое ценное. Конференцию также приветствовал профессор Университета Темпл (США) В. Зубок, подчеркнувший стремительное научно-образовательное развитие СГУ.

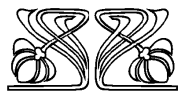
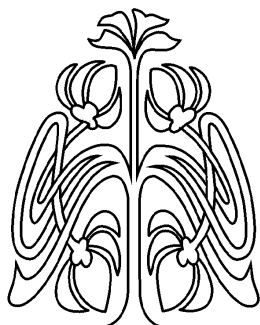
В первый день с докладами выступили Б.Л. Шинчук (правительство Саратовской области), В.Г. Хорос (ИМЭМО, Москва), Д.М. Легкий (Костанайский госуниверситет, Казахстан), С.В. Аствацатуров (Ереванский госуниверситет, Армения), И.П. Майданик (АН Украины, Киев), Р.С. Бисенгалиев (торговое представительство Республики Казахстан). В их выступлениях обсуждались самые острые проблемы взаимодействия и сотрудничества между странами СНГ – миграции, суверенитет, пути дальнейшей интеграции.

Выступления второго дня были посвящены в основном обсуждению региональных аспектов взаимоотношений на постсоветском пространстве, а также проблемам безопасности в военно-политической и энергетической сферах. С докладами, охватывающими эту тематику, выступили С.В. Беспалов (ИНИОН РАН, г. Москва), В.И. Тюрин (СГУ), Н.П. Игнатьев (Казань, РФ), А.М. Джарылгасова (Уральск, Казахстан) и другие.

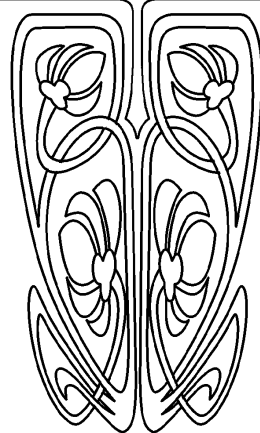
Участникам конференции была предложена культурная программа, включавшая прогулку по Волге на университетском катере, а также посещение национальной деревни на Соколовой горе.

Финансирование конференции осуществлялось за счет гранта РФФИ и средств Института истории и международных отношений СГУ.

Доктор исторических наук, профессор
С.Ю. Шенин

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на 2009 год

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.